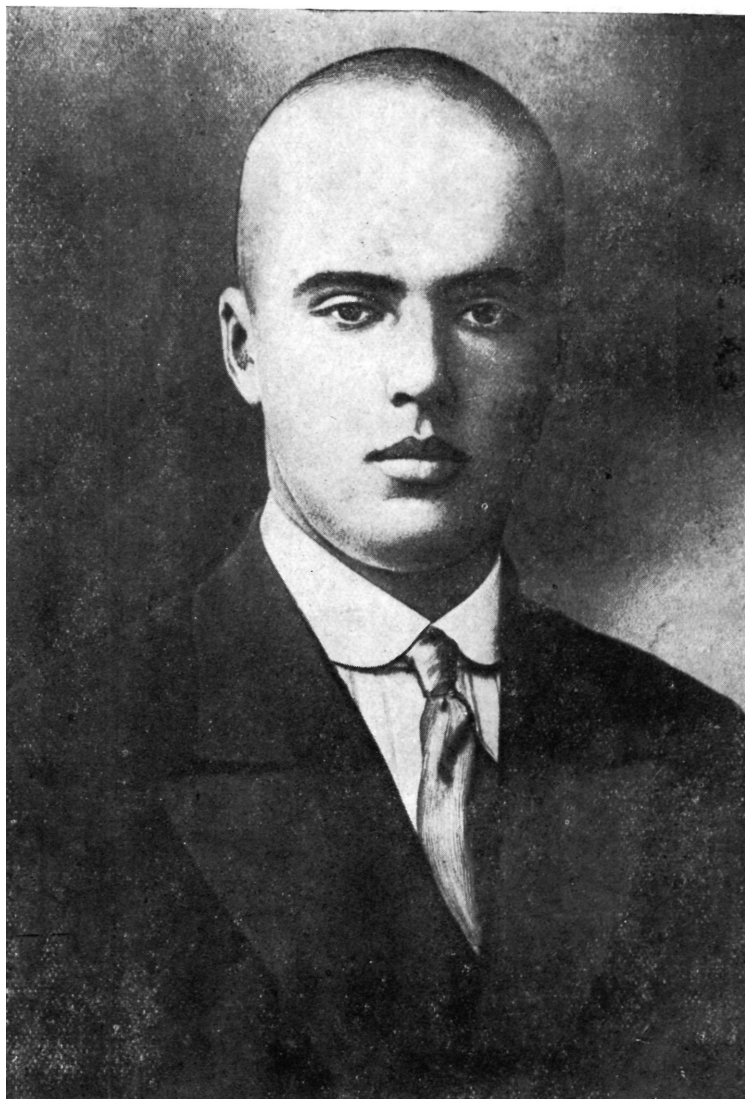

Сергей Лаго

**ДНЕВНИКИ
И
ПИСЬМА**

**ВЛАДИВОСТОК
1979**

Сергей Георгиевич Лазо
1914 год, г. Кишинев

ДНЕВНИКИ
И
ПИСЬМА

*Подготовили к печати
Ольга Андреевна и Ада Сергеевна Лазо*

ПРИМОРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИВОСТОК, 1959

В настоящий сборник включены дневники и письма Сергея Лазо юношеских и студенческих лет, а также письма, личные записи и другие материалы, относящиеся к революционной деятельности С. Лазо в Сибири и на Дальнем Востоке.

Большинство дневников и писем юношеских лет С. Лазо публикуются впервые и представляют большой интерес для широкого круга читателей и особенно для молодежи.

Материалы, входящие в сборник, хотя не являются исчерпывающими, но раскрывают основные периоды жизни и деятельности Сергея Лазо, показывая, как он, будучи выходцем из дворянской среды, сумел порвать с традициями своего класса и навсегда связал свою судьбу с народом, Коммунистической партией и вошел в историю как герой гражданской войны.

СЕРГЕЙ ЛАЗО

(краткая биография)

Сергей Георгиевич Лазо родился 23 февраля (ст. ст.) 1894 года в селе Пятры, Оргеевского уезда (Бессарабия). Родители его—Георгий Иванович и Елена Степановна происходили из молдавской дворянской семьи, имевшей культурные и демократические традиции. В родственных связях с семьей Лазо находились молдавский баснописец Александр Дониц (1806—1866 гг.) и известный критик и литератор-демократ Алеку Руссо (1819—1859 гг.), отстаивающие национальную свободу и культуру молдавского народа. Прабабушка Сергея Лазо была дружна с А. С. Пушкиным во время его пребывания в Бессарабии. Поэт посвятил ей стихотворение «К М. И. Эйхфельдт».

Отец и мать Сергея Лазо были образованными для своего времени людьми, демократически настроенными. Отец Сергея Лазо — Георгий Иванович Лазо в 1884 году, будучи учеником восьмого класса 1-й Кишиневской гимназии, находился под надзором полиции и подвергался допросу за письменную связь и просьбу прислать из-за границы книги и получение книг от своего товарища по гимназии Здановича, проживавшего в Париже. В 1887 году, в период репрессий царского правительства против студентов, Георгий Иванович Лазо был исключен из Петербургского университета, где он учился на юридическом факультете. Мать Сергея Лазо — Елена Степановна получила высшее агрономическое образование в Одессе и в Париже. Елена Степановна много времени отдавала общественной работе филантропического характера. В Кишиневе она организовала общежитие

для работниц, высказывалась за женское равноправие, чем также привлекла к себе внимание полиции. Проживая в деревне, она, будучи сведуща в медицине, бесплатно оказывала больным крестьянам помощь.

В записях детского дневника Сергея Лазо имеется указание, что он также, несмотря на свои тринадцать лет, разбирался немного в медицине и в отсутствие матери оказывал населению медицинскую помощь (запись от 14 и 16 октября 1907 года).

В доме родителей Сергея была большая библиотека, выписывались газеты. Дети имели свободный доступ к книгам и газетам. Чтение оказывало большое влияние на развитие Сергея в детские и юношеские годы. До 16 лет Сергей Лазо жил в деревне, вначале в Пятрах, а позднее, примерно с 1907 года, в Езоренах, куда вскоре после смерти отца переехала его мать. Родители Сергея Лазо не отгораживали своих детей от общения с крестьянами и деревенскими ребятами. Они прививали детям трудовые навыки, дисциплину, твердый распорядок дня, воспитывали в них честность, правдивость, закаляли их физически. С раннего детства Сергей Лазо тесно общался с крестьянскими ребятами. Большую любовь Сергей питал к своей няне — кормилице Анне Долга, продолжительное время жившей в семье Лазо. Через нее и других крестьян он знакомился с народными сказками, песнями, танцами и бытом своего народа. Жизнь в деревне привила также Сергею большую любовь к природе, о чем он пишет в своих дневниках. Впоследствии, находясь уже в Сибири и на Дальнем Востоке, Сергей Лазо всегда восхищался красотами сибирской и приморской природы, сравнивая ее с не менее красивой, но иной природой своей родной Молдавии. Будучи впечатлительным ребенком, Сергей уже с детских лет тяжело переживал несправедливое отношение к детям со стороны родителей, особенно отца, который был нервнобольным человеком. Вскоре несправедливость он стал замечать и в окружающей его жизни, и первые проблески сознательной жизни, его желание вести записи дневника, были связаны с поисками правды.

В Бессарабии — отсталой окраине царской России — был низкий уровень агротехники. Это создавало зависимость крестьян от стихийных сил природы.

Наблюдая эти явления, Сергей Лазо в ранней юности мечтал о лучшей жизни для людей, но он связывал это с научными открытиями, которые должны стать доступными народу. Революционные события 1905 года заставили Сергея многое передумать. В городе проходили забастовки рабочих, митинги, разбрасывались прокламации, проходили сходки среди учащихся старших классов гимназии, где он сдавал экзамены. Все это навело его на мысль о социальном неравенстве. «В молодой голове... бродила и здоровая мысль, заквашенная впечатлениями 1905 года», — отмечал Лазо в своих дневниках, вспоминая период детских лет. По приезду в деревню Сергей был свидетелем революционного движения среди крестьян, которые поднялись на борьбу с помещиками. Правительство посылало против крестьян войска и полицию, жестоко расправляясь с восставшими. В Оргеевском уезде, где жил Лазо, отрядом вооруженных крестьян руководил тогда Григорий Котовский. Котовский со своим отрядом нападал на помещичьи усадьбы, уничтожал долговые обязательства крестьян, освобождал арестованных полицией крестьян. Слово «бунтовщики», которое часто приходилось слышать Сергею, приобрело в его сознании совершенно иное значение. Он сочувствовал им. С большим интересом стал читать Лазо произведения Пушкина, особенно интересуясь крестьянскими вожаками, такими как Пугачев, Дубровский, Степан Разин и другие. Вместе со своими сверстниками — деревенскими мальчишками, родители которых пострадали за участие в борьбе, Сергей дает клятву всеми силами помогать революционной борьбе народа. Через некоторое время он так определяет в дневниках свои жизненные задачи: «Нужно готовить себя к революционной борьбе... приучать себя к лишениям, закалять физически. Нужно овладеть как можно больше знаниями, чтобы передать их потом народу и этим помочь ему в революционной борьбе».

Осенью 1910 года Сергей Лазо, выдержав экзамен за 6 классов, был принят в 7-й класс 1-й Кишиневской мужской гимназии. В этом же году вся семья переехала в Кишинев, и Сергей стал городским жителем. За период пребывания Сергея в гимназии сохранилось очень мало записей. Собранные материалы говорят о том, что Сергей с большим интересом и любовью занимался такими нау-

ками, как физика и химия. Он устроил у себя дома небольшую лабораторию, где производил опыты. Среди своих товарищей Сергей пользовался любовью, в старшем классе вокруг него сгруппировались гимназисты. Они часто собирались в комнате Сергея, читали произведения Герцена, Белинского, Добролюбова, интересуясь также и событиями, происходившими в стране. Осенью 1911 года Сергей полюбил девушку Тасю Горе. Это чувство захватило его, но, оставаясь верным своей идее — стать революционером, он через некоторое время пришел к выводу, что надо подавить это чувство, так как девушка, происходившая из буржуазной семьи, не могла понять его идеалов и ждала от замужества материального благополучия. Осенью 1912 года, окончив гимназию, Сергей Лазо поступил в Петербургский технологический институт. Ехал он в Петербург с большой надеждой овладеть науками и активно участвовать в революционном движении, но это ему не удалось. Попав в большой столичный город, находясь в кругу своих земляков-бессарабцев, он чувствовал себя чужим. Учеба в институте не удовлетворяла всех его запросов. В начале 1914 года Сергей Лазо уезжает в Бессарабию и, в связи с болезнью матери, до осени 1914 года живет в деревне и в Кишиневе, помогая матери по хозяйству. Осенью 1914 года Сергей Лазо поступает в Московский университет на физико-математический факультет и одновременно на историко-философское отделение народного университета имени Шанявского (последний был вольным университетом — давал знания, но никаких прав). Лекции там читали прогрессивные профессора.

Два года Сергей Лазо пробыл в Москве. Жизнь его протекала в занятиях. С большой радостью вступил он в студенческий кружок, в свободное от учебы время Лазо кончил медицинские курсы и работал в солдатском госпитале на Чистых Прудах. Воскресные дни он проводил среди раненых солдат, писал им письма, читал книги.

В июне 1916 года по мобилизации студентов Сергей Лазо был взят в армию и послан в Алексеевское военное училище в Москве. Шел третий год империалистической войны. Поражение на фронте, разруха в тылу, тысячи убитых и раненых людей. Недовольство трудящихся росло, назревала революция против прогнившего царского режима. Попав в училище, Сергей Лазо пришел

к выводу, что те военные знания, которые он приобретет в военном училище, необходимо использовать в борьбе с царским самодержавием. При выпуске его характеризовали как офицера-демократа, оппозиционно настроенного в отношении царского правительства. В декабре 1916 года, в чине прапорщика, Сергей Лазо получил назначение в Сибирь, в город Красноярск, в 15-й Сибирский стрелковый полк. Солдаты с первых дней почувствовали в Сергее Лазо необычного офицера. Во время занятий с солдатами Лазо при всяком удобном случае заводил с ними разговор по «душам». В 1916 году царское правительство призвало в армию политических ссыльных, находившихся в Сибири, зачислив их в запасные воинские части. Вскоре Сергей Лазо нашел с ними связь и по их заданию вел среди солдат антивоенную работу. Перед ним открылся новый мир, новые люди, революционная работа, к которой он стремился. В письме к матери он пишет о своем знакомстве с политическими ссыльными и о том, что он «использовал в хорошем направлении» деньги, которые перед отъездом в Сибирь ему дала мать, прибавив еще некоторую сумму из своих денег. Эти деньги Сергей Лазо передал для революционной работы.

Когда в Красноярск пришло известие о победе Февральской революции и свержении царя, Сергей Лазо первый приехал в казармы своего полка и передал солдатам эту радостную весть. Сергей Лазо был избран в полковой комитет и членом Совета солдатских депутатов.

3 марта 1917 года, когда в Красноярске был созван первый пленум Совета солдатских и рабочих депутатов, Сергей Лазо вывел свою воинскую часть из казармы и привел к зданию Совета, заявив от имени солдат, что они будут находиться в распоряжении Совета. В первые дни революции, когда существовало двоевластие, вооруженная сила при Совете имела большое значение. На первом пленуме Совета рабочих и солдатских депутатов Лазо был избран секретарем Совета, а через некоторое время председателем солдатской секции исполкома Советов. Эта работа крепко связала его с солдатскими и рабочими массами, он организовал также военное обучение красногвардейских отрядов. Имеется короткая запись, относящаяся к этому периоду деятельности Сергея Лазо. «Работа, работа... Любимому делу жертвуешь не только

все свои силы, но не побоишься отдать за него жизнь». В июне 1917 года Сергей Лазо, будучи в Петрограде, присутствовал на I Всероссийском съезде Советов, где он впервые видел и слышал В. И. Ленина. Речь вождя революции, в которой он призывал бороться за переход всей власти к Советам, произвела на Сергея большое впечатление. Перед отъездом в Сибирь он заехал на несколько дней в Молдавию. Сергей с увлечением рассказывал матери о своей революционной работе, и Елена Степановна поняла, что сын ее отдал себя революции. Хотя ей тяжело было сознавать, что Сергей не будет ей помощником в хозяйстве, она не упрекала его, понимая, что он скорее порвет с семьей, чем оставит революционную работу.

С осени 1917 года я работала в Томской партийной организации большевиков. По ее поручению я на некоторое время ездила в Красноярск. Там я встретила Сергея Лазо. Он поражал своей неутомимой энергией, большой культурой. Ему было тогда 23 года. Работая в Совете, он вел большую агитационную работу среди солдатских и рабочих масс, сотрудничал в местных газетах.

Накануне Великой Октябрьской революции, в октябре 1917 года, в Иркутске проходил I Всесибирский съезд Советов Сибири, оппортунисты предлагали все острые вопросы отложить до Учредительного собрания. Большевики настаивали на переходе всей власти Советам. В защиту этого предложения выступал Лазо.

По окончании съезда Лазо вернулся в Красноярск. Пришло известие о победе Октябрьского вооруженного восстания. На пленуме Совета, где была зачитана телеграмма из Петрограда, выступил Сергей Лазо: «Товарищи, телеграмма, которую здесь огласили, показывает, что в Петрограде идет решительная борьба двух линий. Борьба между трудовым народом, с одной стороны, и буржуазией — с другой... Мы собрались здесь сегодня не разговаривать. Мы должны уговориться о том, что нам делать, чтобы помочь Петроградскому Совету...»¹

В ночь с 28 на 29 октября 1917 года Сергею Лазо как члену Военно-революционного комитета было поручено подобрать надежные воинские части и совместно с красногвардейцами осуществить захват правительственных

¹ «Красноярский рабочий», 28 октября 1917 года.

учреждений в Красноярске. В ту же ночь комиссар Временного правительства при Иркутском военном округе сообщал о положении в Красноярске в ставку Верховного главнокомандования:

«Большевики заняли солдатами казначейство, банки и все правительственные учреждения. Гарнизон в руках прапорщика Лазо. Комиссар (Временного правительства.— О. Л.) устранен»¹.

Переход всей власти к Советам в Красноярске прошел без кровопролития. Другое положение создалось в Иркутске, где устанавливалась всесибирская власть Советов — Центросибирь (Центральный исполнительный комитет Советов Сибири). Там же создавался центр контрреволюции, который опирался на контрреволюционное царское офицерство, юнкерское и военное училище, пользуясь поддержкой империалистов в лице иностранных консульств, находящихся в Иркутске. Сергей Лазо был послан с отрядом из Красноярска в Иркутск в тот момент, когда контрреволюционные силы подняли мятеж против Советов. Революционный комитет поручил Сергею Лазо стать во главе группы революционных отрядов и вести бой с юнкерами. Два письма Сергея Лазо к матери из Иркутска от 10 и 24 декабря 1917 года дают краткое описание иркутских событий и показывают активное участие Сергея Лазо в борьбе за установление Советов в Сибири. После разгрома контрреволюционного мятежа Сергей Лазо остался комендантом Иркутска и начальником гарнизона. Он провел большую работу по ликвидации остатков контрреволюции в городе. Но уже в январе 1918 года агент империалистов атаман Семенов, пробравшись на территорию Маньчжурии, организовал отряд, перешел границу и начал продвижение к Чите. Интервенты снабдили Семенова деньгами и оружием. По их заданию он должен был выходом на Забайкальскую дорогу отрезать Дальний Восток от Советской России. Одновременно с действиями Семенова во Владивостокский порт вошли военные корабли Англии, Америки и Японии. На территории Забайкалья против белогвардейских банд создавался Забайкальский фронт.

В то время Красная Армия только зарождалась. Советскую власть защищали рабочие-красногвардейцы и

¹ Газета «Красноярский рабочий», 31 октября 1917 года.

перешедшие на сторону революции солдаты царской армии. Центросибирь поручила Сергею Лазо командовать Забайкальским фронтом. На II Всесибирском съезде Советов, проходившем в Иркутске в феврале 1918 года, было вынесено решение о предоставлении Сергею Георгиевичу Лазо чрезвычайных полномочий по борьбе с контрреволюцией в Сибири и по быстрой ликвидации семеновской контрреволюционной авантюры¹. В марте 1918 года красногвардейские отряды, совместно с революционным казачеством Забайкалья, под командованием Лазо нанесли поражение семеновским войскам, остатки которых скрылись на территории Маньчжурии.

На границе Маньчжурии красногвардейские отряды были встречены военной делегацией марионеточного китайского правительства, которое очень беспокоило возможность перенесения борьбы с Семеновым на территорию Маньчжурии. Сергей Лазо получил полномочия от Центросибири вести переговоры о разоружении семеновцев, но китайская делегация гарантировала лишь трехнедельный срок, в течение которого семеновцы не будут пропущены через границу.

Сергей Лазо сообщал Центросибири, что за Семеновым стоит чья-то сильная рука, что трехнедельный перерыв необходим им для того, чтобы оправиться от полученного поражения и вновь начать наступление. Перемирие было заключено. С помощью партийных и советских организаций Сергей Лазо срочно создавал боеспособную армию для разгрома семеновских банд на Забайкальском фронте.

По прошествии указанного срока в начале апреля 1918 года семеновцы, получив помощь от империалистов, вновь перешли границу и начали наступление с целью захватить Читу. Одновременно во Владивостоке 5 апреля 1918 года высадились десанты японских и английских войск. В эти тревожные дни В. И. Ленин прислал в Иркутск и во Владивосток телеграмму, в которой предупредил советские и партийные организации о серьезном положении на Дальнем Востоке в связи с начавшейся военной интервенцией. Телеграмма призывала мобилизовать все силы на отпор врагу и давала конкретную программу борьбы.

¹ Газета «Власть труда» № 30, 26 февраля 1918 года, г. Иркутск.

Сергей Лазо спешно формировал части. Почти все города Сибири послали отряды на Забайкальский фронт. К маю там насчитывалось до 10 тысяч войск. На Забайкальском фронте выявились дарования Лазо как военачальника и политического руководителя. Он умел сочетать единоначалие с коллективным опытом, прислушиваясь к мнению командиров частей. Был создан Военный Совет фронта, куда вошли наиболее опытные командиры. Большое внимание Сергей Лазо уделял политической работе. Он хорошо знал каждый отряд, был замечательным агитатором. Члены партии, прибывшие на фронт, распределялись по отрядам. В эти дни я приехала на фронт с томским отрядом. В первый же день приезда мне сказали, что на собрании рабочих железнодорожных мастерских будет выступать Сергей Лазо. Я с группой товарищей пошла туда. Рабочие слушали Лазо с большим интересом. «Семенов, — говорил Лазо, — является подлым предателем. Он готовится к борьбе с нами. На деньги империалистов он закупает лошадей, оружие, прибегает к наемным войскам из деклассированных слоев населения... Семенов — это охотничья собака, которую империалистические хищники натравливают на нашу страну, на страну Советов».

Выступления рабочих на собрании были проникнуты ненавистью к семеновцам и горячим стремлением разбить врага. Многие тут же записывались в отряд для отправки на фронт.

Наблюдая Сергея Лазо в период его работы на Забайкальском фронте, можно было удивляться его неутомимой энергии и работоспособности. Он вникал во все детали боевой операции и как будто по какому-то внутреннему чутью появлялся там, где создавались наибольшие трудности. 12 мая 1918 года, когда Семенов попытался перейти в наступление на станции Могойтуй, красногвардейские части, подавив артиллерию противника, перешли в контрнаступление и стали гнать врага с нашей территории, нанося ему большие потери. В течение двух с лишним месяцев шли тяжелые бои. В конце июля семеновцы, несмотря на помощь империалистов, были разбиты и опять скрылись на территории Маньчжурии. Сергей Лазо вновь был уполномочен вести переговоры с военной делегацией китайского правительства, за спиной которого стояли империалисты.

30 июля 1918 года было заключено соглашение с китайской военной делегацией, по которому должны быть в течение пяти недель разоружены семеновцы с условием, чтобы советские войска не переходили русско-китайскую границу. Это была большая победа, одержанная трудящимися Сибири. Бойцам дали несколько дней отдыха. Сергей Лазо получил поздравительную телеграмму от председателя Центросибири Н. Н. Яковлева. Сергею Лазо также дали несколько дней отпуска. Мы провели три дня в лесной местности — Кручина, близ Читы, где было заброшенное зимовье. Вместе с нами там был Борис Кларк — командир отряда, близкий фронтовой товарищ Сергея, вместе со своей семьей. В эти же дни Сергей Лазо вступил в члены Коммунистической партии. В заявлении он писал: «С конца 1916 года я участвовал в революционной работе. После победы революции я с оружием в руках защищал и защищаю Советскую, власть. Я давно уже пришел к заключению, что только большевистская партия способна повести за собой массы и закрепить победу революции, в чем я ей всеми силами помогал и помогаю». В августе 1918 года Читинский Комитет вручил Сергею билет члена РКП (б).

Осенью 1918 года положение Советской страны и в частности Сибири и Дальнего Востока стало очень тяжелым. Империалисты начали открытую интервенцию. Вся Сибирь была занята белочехами, во Владивостоке высадилось более ста тысяч интервенционистских войск. Силы оказались неравными. В этих условиях конференция партийных, советских и военных работников Сибири и Забайкалья, собравшись на станции Урульга Заб. жел. дороги, вынесла решение: фронтовую борьбу прекратить, уйти в подполье и возглавить борьбу масс против ненавистной им белоинтервентской власти. Сергею Лазо было поручено провести ликвидацию фронтов и роспуск бойцов, оставив у них оружие. С небольшой группой бойцов на бронепоезде Сергей Лазо еще некоторое время сдерживал наступление врага, взрывая мосты, чтобы дать возможность партийному активу рассосаться по городам Сибири для организации подпольной работы.

Но вот все эшелоны ушли. Команда бронепоезда собралась для выполнения последнего задания — уничтожить бронепоезд, чтобы ничего не осталось врагу.

Наступила минута прощания. Последняя воинская часть распускалась.

— Враг временно оказался сильнее. Мы отступаем, но наша победа придет, она не за горами, — сказал Лазо, прощаясь с бойцами. — Разойдитесь по деревням и поселкам, готовьтесь к новой борьбе.

На следующую ночь Сергей Лазо, я и небольшая группа работников Забайкальского фронта двинулись по Якутскому тракту в тайгу, чтобы на время скрыться от врага и замести следы.

В тайге долго оставаться было нельзя, наступали холода, не было связи с населением. С огромными трудностями небольшими группами начали выбираться из тайги. Почитав газеты, немного узнав обстановку, мы решили пробираться во Владивосток, где образовался центр интервенции и завязался узел борьбы с ними. Не легко было проехать по железной дороге в условиях жесточайшей реакции, но все же в конце 1918 года мы добрались до Владивостока.

Главные улицы города кишели интервентами и белогвардейцами. Лучшие дома, гостиницы, рестораны были захвачены иностранцами. Они чувствовали себя хозяевами и строили планы эксплуатации богатств Дальнего Востока и Сибири. Но Владивосток являлся также большим промышленным центром. Рабочие с первых же дней после временного падения Советов начали вести ожесточенную борьбу с белоинтервентами, срывая все их мероприятия. Борьбой трудящихся руководила коммунистическая партийная организация, находящаяся в подполье.

Мы обосновались в Голубиной пади — рабочем районе города и вскоре наладили связь с владивостокской партийной организацией. Сергей Лазо вошел в состав Владивостокского подпольного комитета партии. Партийная организация скрывала Лазо в глубоком подполье, так как белогвардейцы охотились за ним. Выходил Сергей из дома только ночью, виделся с товарищами в безлюдном переулке, подальше от своей квартиры. Для хозяина Сергей Лазо был скромным чертежником, которому приносили работу домой. На столе у него лежала чертежная доска, готовальня, калька, а в тайниках стола — книги о русско-японской войне и работы Маркса и Ленина. Сергей тщательно изучал тактику и методы ведения войны японской армии. Говоря о пар-

тийной работе Сергея Лазо во Владивостоке в начале 1919 года, хочется рассказать о нем словами писателя Александра Фадеева, тогда еще молодого юноши, вступившего на путь нелегальной партийной работы. «Представьте себе молодого человека лет двадцати трех, ростом выше всех на голову, с лицом поразительной красоты. Смуглое лицо, брови крылатые, волосы черные, густые, глаза темные, поблескивающие... Когда он заговорил: голос у него был очень решительный, громкий, он чуть картавил, приятной такой картавостью... Здесь я услышал доклад Сергея Лазо по текущему моменту... доклад меня поразил своей необычайной логикой. Лазо говорил точно, сжато, тезисно... меня просто захватило содержание доклада Лазо»¹.

Наступила весна 1919 года. Трудящиеся Сибири и Дальнего Востока поднялись на борьбу против ненавистной им власти белоинтервентов. Мобилизация, проводимая Колчаком, сорвалась, трудящиеся, вместо явки на призыв, уходили в партизанские отряды. Особенно активно на борьбу выступили шахтеры сучанского угольного района. На Восточном фронте началось наступление Красной Армии против Колчака. Перед подпольными партийными организациями Сибири и Дальнего Востока стала серьезная задача — всемерно развернуть партизанскую борьбу и забастовочное движение с целью срыва всех мероприятий интервентов по снабжению колчаковской армии. Большинство членов подпольного обкома и партийный актив были направлены в районы партизанской борьбы. Сергею Лазо подпольный обком поручил командование партизанскими отрядами Приморья. Совместно с коммунистами, посланными в область, Сергей Лазо провел огромную работу по реорганизации и укреплению отрядов, проводя также среди населения большую политическую работу. На съезде трудящихся Ольгинского уезда С. Лазо был избран командующим партизанскими отрядами Приморья.

Несмотря на отдаленность от Восточного фронта, партизаны Приморья оказывали большую помощь Красной Армии, срывая все планы интервентов и отвлекая на себя значительные силы войск. Размах партизанской

¹ А. Фадеев. Встречи с Лазо. Сб. Сергей Лазо. М. 1938 год.

борьбы в Приморье вынуждены были признать сами враги. Управляющий Приморской областью сообщил министру внутренних дел колчаковского правительства: «Большевистские выступления во всех уездах развиваются прогрессивно, имеют определенный план, чувствуется тонкая руководящая сила, планомерность сказывается в последовательных ударах по крупным промышленным центрам»¹.

В большинстве районов Приморья, освобожденных партизанами, проходили съезды трудящихся совместно с партизанами, где выносились решения — считать истинно народной властью власть Советов, выносились решения с требованием ухода с нашей земли интервенционистских войск. Штаб партизанских отрядов на основе *этих решений составил декларацию, которая была отправлена* во Владивосток консульскому корпусу.

Дальневосточный подпольный комитет Коммунистической" партии в отчете Центральному Комитету партии сообщал: «Население смотрит на партизан, как на своих защитников... Во все отряды посланы партийные работники, которые завоевали доверие населения и партизан. Некоторые из них героически погибли в борьбе. Коммунистическая партия крепкими нитями связана с партизанами и крестьянами»².

В тяжелых условиях приходилось вести борьбу в тылу врага. Штаб партизан часто менял свое местоположение. Сергей Лазо вел кочевую походную жизнь. По тайге приходилось ходить пешком, ночевать в лесу независимо от погоды. Во время переходов он нес на спине походный мешок и винтовку. В походном мешке была оленья шкура (на случай, если придется ночевать в тайге), одеяло, котелок, немного продуктов, две-три книжки, чтобы можно было почитать и сделать выписки; если представится возможность ночевать в деревне, для этого в походном мешке имелаась небольшая коптилка, так как керосин не всегда был у крестьян, многие обходились лучиной. В небольшой записной книжке были зашифрованы приказы, пароли, дислокация отрядов. На нескольких страницах этой книжки были записаны отдельные слова и фразы на корейском и китайском языках, так как

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 3, д. 128.

² Борьба за власть Советов в Приморье 1917—1922 г. Сб. документов. Владивосток, 1955 год, стр. 303.

в то время в крае оперировало несколько китайских и корейских партизанских отрядов, а в китайских и корейских фанзах партизаны часто находили приют. Со своим огромным походным мешком осенью 1919 года Сергей ночью зашел ко мне в деревню Гордеевку, куда я приехала по документам учительницы и привезла для партизанского штаба информацию и несколько револьверов. Мешок оказался очень тяжелым еще и потому, что в нем была убитая дикая коза, которую он принес нам для питания. Мы не виделись около четырех месяцев. За это время у меня родилась дочка. С ней легче было проехать по железной дороге. При виде женщины с ребенком белые не особенно тщательно просматривали вещи. Долго Сергей не мог оставаться в Гордеевке. Он пришел ночью и до рассвета должен был уйти из деревни, чтобы не навлечь на нас подозрения. При свете небольшой керосиновой лампы долго смотрел он на спящего ребенка, боясь потревожить его сон. Вместе с ним пришел доктор Сенкевич — близкий товарищ Сергея, который организовал в тайге партизанский госпиталь и незадолго до моего приезда лечил Сергея Лазо от тяжелой болезни — воспаления почек. Доктор Сенкевич, улучив момент, выслушал и осмотрел ребенка, а, уходя, оставил мне небольшую аптечку.

Зимой 1919 года подпольный обком вызвал Лазо во Владивосток. Ему было поручено большое и ответственное дело — подготовить восстание против ставленников Колчака в Приморье. Положение Советской страны к концу 1919 года несколько укрепилось. Красная Армия победоносно двигалась по Сибири, освобождая совместно с партизанами Сибирь. Армия Колчака откатывалась на восток, колчаковщина разлагалась, большинство населения ненавидело белую власть, солдаты колчаковской армии стали при первом удобном случае переходить к партизанам. Сергей возглавил революционный штаб по подготовке восстания. В штаб вошли представители революционных солдат владивостокского гарнизона, представители флота и другие организации, способные вести борьбу с врагами. Штаб, в распоряжение которого был выделен партийный актив, проделал огромную работу по мобилизации масс. К моменту восстания были организованы большие силы: почти все рабочие организации

Владивостока, большинство частей гарнизона и партизанские отряды, которые к этому времени подтянулись ближе к городу. Накануне восстания от имени штаба Сергей Лазо разослал во все организации приказы с конкретными указаниями как действовать. Путем переговоров с представителями командования интервентских войск удалось добиться их невмешательства. В ночь на 31 января ненавистная народу власть колчаковского ставленника была свергнута почти без кровопролития, армия перешла па сторону народа, партизаны вошли в город, рабочие, бастовавшие перед восстанием, немедленно приступили к работе... Во избежание конфликта с интервентами власть была передана Областной земской управе, куда вошли и коммунисты. Руководство армией осталось за коммунистами. Сергей Лазо был поставлен во главе Военного совета. Надо было срочно создать боеспособную революционную армию, установить строжайшую воинскую дисциплину. Эту задачу приходилось решать в сложных условиях, когда японские войска еще оставались на нашей территории и использовали всякий повод для провокационных конфликтов. В то же время Центральный Комитет нашей партии дал директиву — избегать конфликтов с японскими войсками и вести с ними мирные переговоры, дабы избежать войны. Но у японских империалистов был свой план. С согласия других империалистических стран они решили захватить Приморье и расправиться с коммунистами. Их надежды окрылялись начатым против Советской страны походом панской Польши весной 1929 года. «Польша с запада, Япония — с востока», — писала английская газета «Таймс».

Командующий японскими оккупационными войсками генерал Оой получил от главного штаба японской армии приказ о подготовке плана оккупации Дальнего Востока. В приказе говорилось: «Старайтесь, чтобы во время выступления комиссары и видные большевики в наши руки попали, чтобы мы с опасностью, которая нам со стороны коммунистов угрожает, раз навсегда покончить могли»¹. Сергей Лазо принадлежал к числу коммунистов, особенно ненавистных империалистам.

¹ Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М. 1923 год.

С 1 апреля 1920 года начались мирные переговоры с японским командованием по урегулированию всех спорных вопросов. Лицемерно заявляя о своем «горячем» желании договориться по всем вопросам, подлые японские империалисты в момент мирных переговоров в ночь с 4 на 5 апреля коварно выступили в Приморье, нарушив этим все существующие международные правила. Выступление японских войск сопровождалось жестокой расправой не только с революционными войсками, но и с мирным населением. За два дня японцами было убито и ранено свыше 5000 человек. Выступив провокационно, японцы захватили ночью все правительственные учреждения. Им удалось захватить Военный совет. Члены Военсовета находились в здании следственной комиссии, откуда у них была телефонная связь с воинскими частями, и давали распоряжение всем частям, не принимая боя, с оружием уходить в глубинные районы области. Японцы бросили к этому зданию крупные силы пехоты и броневые автомобили.

Сергей Лазо сумел еще по телефону связаться с представителями власти и получил директиву — боя не принимать, так как японское командование заявило, что те части, которые не вступают с ними в бой, будут ими освобождены.

Лазо не назвал своего имени, надеясь в общей массе с бойцами освободиться. Но японские интервенты совершили подлое дело.

Они освободили весь отряд (около ста человек), а членов Военного совета — Сергея Лазо, Алексея Луцкого и Всеволода Сибирцева задержали и изолировали от отряда.

Было ясно, что против военных руководителей японские империалисты задумали недоброе.

Утром 9 апреля 1920 года всех троих увезли по направлению к Гнилому углу и след их пропал. 1 Мая 1920 года трудящиеся вышли на улицы Владивостока. Многие организации несли плакаты с надписью: «Освободите Лазо, Луцкого и Сибирцева».

Впоследствии было точно установлено, что японские империалисты совместно с белогвардейцами из отряда Бочкарева сожгли Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева и Алексея Луцкого в паровозной топке на

станции Муравьев-Амурский (ныне станция Лазо). Японские империалисты надеялись уничтожить коммунизм путем физического истребления лучших представителей трудящихся. Но на место погибших товарищей встали новые борцы, которые продолжали начатое дело и довели до конца разгром интервентов и белогвардейцев в Приморье.

Сергей Лазо был подлинным революционером, преданным партии и народу.

В этом была его сила, этим он приобрел свое бессмертие.

Выходец из привилегированного класса, он сумел, в силу своей глубокой принципиальности и идейности, стать революционером. Со всей силой революционная и военная деятельность Сергея Георгиевича Лазо развернулась в Сибири и на Дальнем Востоке. Активный участник вооруженной борьбы за Советы, командующий Забайкальским фронтом, член подпольного Дальневосточного комитета Коммунистической партии, командующий партизанскими силами Приморья, руководитель штаба по подготовке вооруженного восстания против колчаковского ставленника на Дальнем Востоке, руководитель Военного совета и организатор революционной армии Дальнего Востока, пламенный агитатор и пропагандист — это краткий перечень тех заданий, которые Коммунистическая партия поручала Сергею Георгиевичу Лазо в тяжелые годы гражданской войны и интервенции.

Несмотря на долгие годы, прошедшие со времени гибели Сергея Лазо, память о нем живет в народе, растет интерес молодежи к жизни и деятельности народного героя. В период Отечественной войны, когда Смоленская область была в руках гитлеровцев, в Ельнинском районе создается партизанский отряд имени Сергея Лазо. Командиром был директор средней школы Ка-зубский, комиссаром — секретарь подпольного райкома ВЛКСМ Юденков. С 14 человек отряд вырос до 2000. Молодежная группа подрывников пустила под откос шесть вражеских эшелонов. В 1942 году к 25-й годовщине Октября комсомольцы бригады имени Лазо уничтожили 18 гарнизонов, пустили под откос 56 эшелонов, 60 паровозов и получили переходящее Красное знамя партизанской борьбы.

ДЕТСТВО

Личные записи, сделанные в Сибири в 1918—1919 годах

Уже с самого раннего детства мы долго и много гуляли; сначала тайно, а позже явно мы стали заниматься охотой.

Недра земли казались таинственными и возбуждали любознательность. Я любил смотреть в колодцы и измерять их глубину. Но особенно меня привлекали те места, где земной покров был обнажен. Это были ямы, из которых брали глину для построек, промоины оврагов, оползни, и особенно одна соседняя гора, где можно было найти кусочки раковин, разные камешки и руду железа,— все это с особенной силой возбуждало вопрос о том, что же находится в этих недрах.

Я любил сильные летние грозы и, несмотря на запрещение, старался наблюдать их на открытом воздухе... Я, как сейчас, вижу этот туманный горизонт, освещенный ослепительно сине-зеленым электрическим разрядом, и как бы остановившиеся в воздухе капли дождя. И этот шум сильного дождя иногда с прищелкиванием града. А этот запах, особый запах воздуха во время дождя. Я также отчетливо помню последние минуты перед грозой, когда тучи все более и более заволакивают небо. Холодный, сырой ветер порывами зашелестит по деревьям, как бы предупреждая о надвигающейся непогоде, падают редкие капли дождя, затем крупные; они грозно шлепаются о листья и даже поднимают пыль на земле, за каждой следующей каплей все новые и новые — и начинается сплошной дождь. А день после дождя — яркий, солнечный, когда земля еще грязна, воздух насыщен испарениями, а листва деревьев такая свежая и помоло-

Сергей Лазо (1-й слева) с матерью и братьями

девшая. Я научился любить природу: слишком яркие были ее краски, слишком слита жизнь природы с человеком, чтобы не полюбить ее. Потом я научился понимать другую природу, более суровую и угрюмую (красноярские, олонские горы) и страстно полюбил ее.

В том году, когда я начал писать дневник, я завел тетрадку для заметок, там были заметки и по литературе, как раз о Лермонтове... Начиная эту тетрадку, я задумался над тем, какую мысль поставить «девизом» своей жизни; хорошо подумав, я написал: «Нужно искать правду всюду, даже там, где менее всего можно ее найти». Вообще в те годы я часто про себя философствовал... Я думал над тем, что должно лежать в основе наших действий, стремлений, и отвечал, что человеком руководит стремление к счастью. Хотя мне самому было бы как-то неловко окончательно признаться в этом. Очевидно, в этой пассивности сказалось влияние той аскетической философии, которой невольно проникаешься при знакомстве с христианством. Впоследствии в жизни и правда, и счастье стали пониматься иначе, и сгладилось понемногу противоречие между правдой и неправдой, с одной стороны, и счастьем, трудом и обязанностями — с другой стороны.

Человек понял, что он не может поступать иначе, как согласно своим убеждениям, которые одни должны определять его поведение. И что счастье — это могучий импульс, побуждающий нас жить в борьбе...

1. Рассмотреть, как весь этот деревенский быт протекал в сознании глубокой зависимости условий нашей жизни от стихийных сил природы. Эта зависимость выражалась в чувстве сильного гнета, когда природа мешала человеку, и, наоборот, радости, когда она благоприятствовала ему. Отец ходил сумрачный и волновался, когда в засуху, иногда много дней подряд небо заволакивалось тучами, вдали были слышны раскаты грома, иногда падали редкие капли, но дождь обходил наше имение. Это сильно волновало отца и мать, и они говорили, что уж таково положение имения, приписывали это влиянию соседних гор и прибавляли при этом, что зато у нас не бывает и большого града.

Я помню, как мать часто рассуждала на тему о зависимости человека от природы. При этом она обычно говорила, что лучше, как в сельском хозяйстве, зависеть

от господ бога, чем зависеть от людей. И считала поэтому, что положение сельского хозяина более независимое, чем жизнь служилого люда. Но тем не менее явления природы, когда они были неблагоприятны, действовали угнетающим образом, и все это, вместе взятое, развивало какой-то фатализм.

Мы, дети, чутко перенимали настроение родителей; их волнения, их беспокойство передавались и нам. Но мой ум не мог с этим примириться. Я рано сам дошел до мысли, что не в явлениях природы, как в таковых, лежит корень зла, а в организации труда, которая предоставляет каждого своим собственным силам. В одном из дневников того времени я противопоставлял друг другу, с одной стороны, то угнетение, которое испытывают сельские хозяева, когда их постигает неурожай, и ту неразумную радость, которая овладевает ими при большом урожае. Эти два противоположных явления представлялись мне как действия одной и той же причины: неорганизованности труда, того, что недостаток и избыток распределяются между отдельными хозяевами случайно и неравномерно, хотя для совокупности многих хозяйств колебания совсем не велики, и что нет связующей силы, которая уравнивала бы эти колебания. Я видел некоторых из наших соседей, у которых не было никакого умения стать выше этих колебаний, осмыслить их хотя бы в рамках собственного хозяйства. Я видел и понимал, как мои родители стремились ослабить эти колебания во времени: сохраняя избыток урожайного года и делая долги в неурожайный год, чтобы покрыть их при более благоприятных обстоятельствах. Но я также понимал, что это только полумера, и мысль, усиленно работая над возможностью создать лучший социальный строй, дошла до своеобразного коммунизма...

Пылкое воображение уже нарисовало светлыми красками картину коммунистической жизни городов и деревень. Этим мыслям я отдавался со страстью и иногда часами раздумывал над мелочами этого лучшего строя. Попутно я связывал возможность его осуществления с великими научными открытиями, авторы которых не продадут их капиталистам, а отдадут безвозмездно народным массам. Такого рода открытия и социальные преобразования казались мне тесно друг с другом связанными. И я совсем не отдавал себе отчета в той борьбе,

без которой немыслимо никакое социальное преобразование. И я уже считал себя непременно одним из работников на этом пути.

Другую сторону дела — зависимость от других людей, о которой говорила мать, противопоставляя ее зависимости от природы — эту сторону я еще слабо понимал. Я знал, что она существует, но я приписывал все скорее неразумию, чем злой воле людей; в наличии последней как главного фактора я совсем не давал себе отчета. Вот почему в моих поисках лучшего строя жизни я отводил главную роль научным открытиям и личным качествам. Только значительно позже я стал отчетливо понимать в чем дело.

Однако в молодой голове наряду с этим утопическим направлением бродила и здоровая революционная мысль, заквашенная впечатлениями 1905 года. Так при слабости критического анализа у нас уживаются часто самые несходные, хотя и не противоречивые понятия. В свое время единство будет восстановлено.

К этому всему нужно добавить (относится уже к технологическому институту), что я особенно ценил постановку дела в крупном производстве, потому что там, как мне казалось, внешние силы природы все меньше и меньше вмешиваются в дело и руководящая роль человеческого ума приобретает все больше и больше влияния.

2. Отношения нас, детей, к отцу были тяжелые и ненормальные. Отец был раздражителен, вспыльчив и неумеренно требователен — все это вызывалось развивавшейся в нем болезнью. Но мы это воспринимали непосредственно и остро. Тем более, что во многих его словах было много желчи и незаслуженных оскорблений. Только воспоминания самого раннего детства рисуют отца другим: он был добрый, ласковый, часто играл с нами и любил доставить нам что-либо приятное. Система нашего воспитания сводилась к тому, чтобы сделать нас сильными и здоровыми, чтобы избавить нас от тех дурных влияний, которые, по мнению отца, сломили его самого. Самым главным из этих дурных влияний отец считал раннее поступление в гимназию, где, по его словам, его испортили, научили всяким гадостям. Поэтому нас учили дома. Но я забегаю вперед. Воспитание наше было здоровым и в общем поставлено правильно (если бы все

принципы и положения всегда проводились в жизнь). Так нас приучали говорить правду и за правду не наказывали. (Нет правил без исключений: бывало, и правду скажешь и наказание получишь. Если такие случаи были еще редки при отце, то они позже вошли в систему при матери). Приучали нас и к труду, задавая какую-либо нетрудную работу (выкосить часть луга, выполоть грядку), требовали аккуратности и порядка. По утрам нас обливали холодной водой для закаливания.

Я очень хорошо помню, как раз за столом отец, беседуя с доктором Остроменским, говорил, между прочим, что мы, дети, не понимаем требований и забот родителей, а что отцы и матери должны делать свое дело согласно своим убеждениям, не считаясь с мнением детей (сравнить со слышанными позднее словами Петра Васильевича о том, что дети скорее послушаются и придадут больше весу словам первого встречного, чем словам родителей). Напрасно думают, что дети не понимают того, что говорят взрослые, особенно когда речь идет о них. Правда, детям трудно рассказать свои мысли. Но они слушают слова взрослых с жадностью и делают свои заключения. Так и я тогда, прослышав слова отца, не вполне согласился с ними.

Укажу еще на один факт. Родители стремились исходить из принципиальных требований, не считаясь с личной оценкой детей: так, если что-либо было запрещено, то сколько бы ни плакал ребенок, ему этого все равно не давали. Так же заставляли, когда нужно, принимать горькие лекарства. (Мать как-то спорила на эту тему с дядей Колей: последний говорил, что не решается заставлять своих детей пить хину, так как они могут его разлюбить). И эта принципиальность требований проводилась лучше и последовательнее, чем в других семьях.

Вообще физическое воспитание у нас было поставлено хорошо. Отец не боялся нас пускать и в грязь и в дождь на двор и учил кататься верхом. Мать же не любила, чтобы мы шлепали по грязи.

Не всегда, однако, родители умели считаться с психологией ребенка, так, одно время, чуть не каждый день, за столом происходила такая сцена. Боря хотел, чтобы ему непременно положили первому; это было глупое упрямство, и когда его капризы не исполняли, он наду-

вал губы, иногда плакал и отказывался есть. Это упрямство особенно возмущало отца. Он горячился и ни за что не хотел удовлетворить детского каприза, из-за чего за столом постоянно происходили сцены, очень неприятно действовавшие на всех нас. Мне тогда было больно на все это смотреть. Я считал все это ненужным. А теперь я могу прямо сказать, что тут было упрямство с двух сторон. И лучше было бы не возбуждать упрямство, а просто, не обращая никакого внимания, ничего не подчеркивая, удовлетворить детский каприз сполна и тем не дать самого повода развиться упрямству. Но я отвлекся в сторону.

Отец слишком строго относился к нашим провинностям. Они выводили его из терпения. И часто, правых и виноватых, нас били. И били нас довольно часто. Правда, я не помню, чтобы в то время, пока отец жил в деревне, нас била мать. Особенно врезались в память мне два случая. Раз, когда я сидел за столом, отец за что-то ударил меня и ударил как-то так неловко, что я стукнулся подбородком об стол и прикусил нижнюю губу, откуда сразу полилась кровь. В этом месте долго оставались два затвердения, которые можно едва нащупать еще и теперь. После этого я удрал в сарай и просидел там несколько часов, несмотря на то, что меня усиленно звали. Другой раз, перед тем, как отец окончательно заболел и его увезли, я в чем-то провинился, и меня хотели наказать. Я тоже удрал и спрятался в маленьком деревянном домике-будочке, выстроенном для нас. Следующий день был ужасным. Отец уже был ненормален. Мы сидели в детской ни живы ни мертвы, я слышал голос отца, но не видел его. Приехал доктор Остроменский, я еще раз видел отца за столом, он был бледен и спокоен. Потом его увезли — сначала в Одессу, — думая поместить в лечебницу. Но там не удалось. И отец окончательно поселился в Костюженской больнице для душевнобольных. Дело происходило в конце августа — начале сентября 1902 года. Болезнь приняла такие формы, что дальше жить дома ему было нельзя...

В конце сентября 1905 года отец умер. Этого можно было ожидать, так как болезнь была неизлечимой. Я помню, как рано утром мы получили телеграмму, извещающую, что положение отца безнадежно. Мы сразу собрались и поехали... Но отца в живых не застали.

Отрывки из дневников — 1907 год, Езорены

12 октября. Пятница.

Я был одет в половине восьмого, и мы пили чай в начале девятого. Мы не занимались потому, что сегодня уезжала тетя Нина в Москву, чтобы учиться; она думала держать на аттестат зрелости в Кишиневской второй гимназии, а потом поступить на юридический факультет; поезд, к которому она ехала, уходил в 3 часа дня, но она выезжала в половине одиннадцатого, потому что собиралась получить на почте перевод.

Утром все приготавливали для ее отъезда: я обшил корзину марлей и т. д. В половине одиннадцатого подали лошадей, тетя Нина крепко поцеловалась с мамой и хотела поцеловаться со мной, но я отказался от этого, лошади тронули, и она уехала. Полтора часа до обеда я занимался: первые полчаса я делал французский, а остальное время — алгебру, но занятия у меня не шли на лад, и я больше думал, чем занимался.

После обеда я вырвал бурьян на газоне и выполол все клумбы, до роз; от трех до пяти я готовил историю и латынь сам.

После чая я помогал при разгрузке шарабана с морковью, а потом выдал Павлине муки на хлеб из новой кладовки, там же я взвесился и оказалось, что я вешу 3 пуда.

Вечером я закончил первую книгу «Обрыв» Гончарова и начал вторую, но мне не хотелось читать, и я хотел написать стихотворение «Комета», но у меня ничего не выходило, такая же участь постигла желание написать дневник, и я лег спать.

Лежа в постели, по обыкновению, я раздумывал о всем, но больше всего меня занимала природа и ее свойства. Иногда, раздумывая, кажется, что нельзя ничего достичь, а в другой раз все кажется ясным как на ладони.

13 октября. Суббота.

Я был одет в половине восьмого, и мы пили чай в половине девятого; утром у нас было очень холодно, и печку затопили кочанами¹.

¹ На юге, где нет леса, печи часто топят кукурузными кочанами.

Я занимался довольно хорошо, в начале второго урока приехал кучер Семен с пустым экипажем и привез большой ящик, в котором была брынза, присланная Михаилом Карловичем Гловий, там было 5 подсушенных кругов и три совсем свежих.

После обеда мы поместили почтовых голубей в комнату, где сидели квочки, а вечером я перевел их в голубятню. Все вещи поставил на горище¹ над кухней и вставил туда стеклянное окно, все это я делал потому, что там должна была оставаться на зиму картошка; а потом я раскрыл молочный ящик с брынзой.

На уроки я немного опоздал. После чая я прибил подошву моего сапога, которая вчера отлетела; вечером мы купались, и я прочел из второй книги «Обрыва» 270 страниц. Я заснул скоро, потому что было часов одиннадцать.

14 октября. Воскресенье.

Сегодня уезжала мама в Бельцы, она уехала в половине восьмого. Потом мы все пили чай, а после чая я писал дневник за пятницу и субботу, мыл также одну бутылочку, в которую я намеревался поставить ртуть с разбитых градусников, и сыграл раз в крокет с Борей, Илларионом и Гришей.

После обеда я остался со Степой, потому что Боря, Илларион и Гриша ушли на прогулку.

Я оставил Степу в птичнике и пришел домой; подходя к буфету, я увидел из окна какого-то человека со своим сыном, мальчику можно было дать лет семь-восемь, он был худ и бледен. Я подошел к ним и спросил его отца, что ему нужно, он показал мне за ухом у мальчика нарыв и сказал, что этот нарыв у него больше года, что он был в больнице и никакие мази там ему не помогли, я дал ему мази и отпустил его.

Потом я сдал Степу Иллариону, а сам до чая кончал читать «Обрыв». Когда я допивал свое молоко, приехала мама; после маминого приезда я дочитал «Обрыв». Разбирая действующие лица в «Обрыве», я пришел к заключению, что самые лучшие люди там Тушин, Тит Никоныч, Вера и бабушка. Бабушка — человек старого закала, она очень добра, старается доставить всем наибольш-

¹ Горище (южн.) — верх, чердак, вышка.

шее удовольствие, бережлива, но не скупа, хорошая хозяйка. Райский мне не нравится за свое непостоянство и флирт, но вместе с тем у него есть много хороших черт, он занимается живописью и любит это дело, он подарил Козлову свои книги и не делал Марку историй из-за пальто, и взял вину Марка на себя за книги; Марк мне не нравится, это человек неряшливый, нетрудолюбивый, даже вор. Потом я начал читать «Обыкновенную историю»¹ Гончарова и прочел в этот день 125 страниц, около десяти часов я лег спать.

15 октября. Понедельник.

До занятий я привинтил градусник; от девяти до двенадцати я занимался и писал сочинение на тему «Характеристика Александра Македонского», после обеда я выкопал весь бурьян на газоне. Я намереваюсь обсадить забор вьющимися растениями и устроить там беседку, а кругом нее устроить маленький цветничок; весь газон я засажу бутылочными тыквами, в стороне устрою школку² для лещины³ и посажу немного арбузов.

От трех до пяти я занимался, после чая я спрятал с Илько большие корзины. Когда я пришел домой, было почти совсем темно. Я читал до ужина и немного после ужина роман «Обыкновенная история» и прочел до 158 страницы, потом я писал дневник. Я спрятал тетрадь и достал евангелие; признаться, я давно не читал эту книгу и мне она очень понравилась.

16 октября. Вторник.

Я был одет в восемь, и мы пили чай в половине девятого. После обеда моросило, и я не вышел на двор, но разрезал последние тыквы и прочел о болезни астма и о светолечении. Выпивши чай, я кончил читать роман «Обыкновенная история». Потом я писал дневник и лег спать.

¹ «Обыкновенная история» — первый роман И. А. Гончарова, опубликованный в 1847 году в журнале «Современник», принесший автору широкую известность.

² Школка — питомник для выращивания растений.

³ Лещина, или орешник, — лесной кустарник семейства березовых.

17 октября. Среда.

Вот уже два года прошло со времени обнародования манифеста¹, и что из этого вышло — незывлемые права народа, свобода союза, собрания и слова урезаны и притеснены, избирательный закон в Государственную думу изменен, и во всем наблюдается реакция. Добытый силою манифест будет и утвержден силою. Многое в политическом отношении изменилось к худшему, и когда наступит свобода и правда...

(Далее страницы дневника утеряны).

24 октября. Среда.

Мы встали в восемь часов, и я писал сочинение о «Садко богатом госте» (новгородская былина). После обеда я сам закутал два дерева рогожей в нашем садике. В конце занятий мама получила телеграмму от тети Мани, что она приедет завтра, т. е. в четверг. Мы сегодня купались.

Вечером я прочел романы «Жид», «Постоялый двор», «Муму» и «Дневник лишнего человека». Потом я лег спать.

25 октября. Четверг.

Мы встали в половине восьмого. После обеда я закутывал с Гришей карлики². Я пришел заниматься в четыре, так как первый урок рисования я отложил на вечер.

Когда приехала тетя Маня, я побежал за дрожками и прибежал одновременно с ними, и при встрече я пожал ей руку. До ужина мама с ней балакала в кабинете, и мы были тоже там. После ужина нас выслали, и мама с ней секретничала до 12 часов. В 12 часов я достучался, и меня пустили в комнату; они поговорили при мне немного, и мы пошли спать, и еще когда потушили свет, мама и тетя разговаривали.

¹ Речь идет о царском манифесте 17 октября 1905 года, в котором были обещаны народу «незыблемые основы гражданской свободы». Фактически манифест был маневром, рассчитанным на выигрыш времени для того, чтобы разгромить революцию.

² Карлики — низкорослые плодовые деревья.

27 октября. Суббота.

Мы все встали часов в восемь, а тетя была одета в девять. Кончили пить чай в 10. Мы сегодня не занимались. До обеда принес две скамейки из новой кладовки. Потом я пошел на виноградник к Штефану и вертел в кузне дырки в своих двух цевках, думая сделать из них двухстволку.

После обеда я залил эти цевки оловом, которое, к счастью, нашел в новой кладовке. Потом я пошел на пасеку, и оттуда мама послала меня за Борей, чтобы мы принесли из новой кладовки носилки с четырьмя пустыми магазинами. Мы наполнили два магазина и принесли обратно в новую кладовку. Боря пошел в комнату, а я принес остальные рамки с пасеки. Сделав это, я пил чай и доделывал свои цевки. Часам к десяти мама удалилась секретничать с тетей Маней, а я писал дневник и вскоре потом лег спать.

28 октября. Воскресенье.

Мы встали часов в восемь, я раньше всех выпил чай и поехал на арбе делить кукурузу Стефана, который держал ее у мамы на половине. Утро было морозное, и хотя у меня были калоши, но я немного промерз. Там я выбрал кучу, и мы все начали нагрывать кукурузу в мешки, вскоре пришли из дому Боря, Степа и Илларион. Когда кончили нагрывать кукурузу, то оттуда выскочили две мыши. В арбу поставили мешки, запрягли волов и отъехали, но мы поехали не по той дороге, какой приехали, и все-таки не могли взобраться на маленькую гору и взяли на подкрепление волов у одного крестьянина. И после того как мы доехали и сгрузили кукурузу в нижнем магазине и пришли домой, было начало второго. После обеда я начал паять, но вскоре меня позвали, чтобы подделать ключ к флигелю, который Николай потерял. Я сделал ключ и отправился на лед. Нужно сказать, что я забыл написать, что у нас были сильные морозы до 15° и лед на пруду был довольно крепкий, хотя снегу почти не выпадало. Потом я снова немного паял и пришел пить чай.

Приморский музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).

Записи о годах учения в гимназии и о поступлении в Петербургский технологический институт

Из всех времен года, бесспорно, каждое имеет свои индивидуальные черты. Зима для меня пора веселья, легкого, но не глубокого, пора работы и пора, подготавливающая меня каждый раз к новым и новым переживаниям. Весна каждый год открывает мне нечто новое; все более или менее значительное в моей жизни начиналось весной. Но это были только первые зародыши, неясные, туманные; весна — это время прекрасных блужданий, розовых надежд. Как прекрасна природа, как восхитительно свежее майское утро...

Лето — пора «умственного» неделания, здесь у меня не созрело ни одной плодотворной мысли и не было написано ничего замечательного. Но все-таки, когда кончается лето, мне грустно, — это грусть ребенка, который вступает в юношеский возраст, это настроение бойца перед битвой, когда сердце его громко бьется от избытка чувств и сил. Но едва успеют зажелтеть первые листья деревьев и июльская жара сменится августовским теплом, как начинается самое замечательное время года — осень. Это время мне памятно усиленными занятиями.

Это время, когда меня пронизывают жгучие чувства и жгучие мысли и я вырастаю духовно. Это время душевных бурь и тревог — это самое замечательное время года. Я разделяю чувства многих великих людей, посвящавших этой поре столько задушевных строк. Мне кажется, что именно в это время я ежегодно начинаю новую жизнь.

Осень 1909 года сделала из меня городского жителя, и я с муками незнания впервые вошел в жизнь общества. В 1910 году я боролся с бывлой обломовщиной, с влиянием матери.

Я делался человеком, хотя оболочка была еще прежняя, но внутри все изменялось. Об осени 1911 года я не могу говорить без дрожи в голосе. В моей жизни сентябрь, октябрь и ноябрь 1911 года занимают самое видное место. Я никогда ни до ни после не ощущал такой кристальной глубины и чистоты чувств, такого расцвета всей моей души. Я не принадлежу к тем людям, которых бывлые дни веселья утешают в горькие минуты, наоборот, они бесконечно мучают и угнетают меня. Это

была пора, когда я был поэтом, я глубоко чувствовал блеск воды, дуновение ветра и, наконец, я впервые полюбил девушку, и это чувство проникло до самых сокровенных тайников моей души. Я так полюбил ее, что никогда не смогу забыть, хотя любовь моя, односторонняя и больная, скоро порвалась. Это было самое гармоничное, самое совершенное время моей жизни, когда я был человеком в полном смысле слова. Я был слишком полон радостным чувством.

Я не скучал, проходя ежедневно длинный путь к месту свидания, и четверть часа проходили для меня, как одна минута. Но эта осень прошла, и вместе с ней до сих пор исчезло все прекрасное, лучезарное в моей жизни до сих пор, а быть может навсегда...

Прошла зима и весна в напряженной работе, прошло лето, и юным технологом я вступил в осень 1912 года.

Если первые два года (1909—1910) в Кишиневе ввели меня, одинокого жителя деревни, в городскую суету, и если в 1911 году расцвела для меня новая жизнь, пробиваясь с небывалой до того силой и чистотой, то как же не вспоминать мне осень 1912 года, окрашенную чувством самого горького разочарования, наполненную безумной тоской.

Если бы после окончания гимназии в 1912 году я навсегда остался жителем провинции, не изведав умом мирового простора новых идей, то вероятно жизнь моя в дальнейшем протекла бы спокойным ручьем и тихой безмятежной струей. Но первое знакомство со столичной жизнью показало мне узость и недостаточность тех рамок, в которых я жил до сих пор. Поэтому я не смог совладать с самим собой и вести мало-мальски регулярную жизнь. Я разрывался между наукой и удовольствиями и чувствовал глубокую тоску. Я еще не достаточно полно и беспристрастно оценил это время, но безусловно это была переходная эпоха неопределенных исканий и метаний из стороны в сторону. Если раньше мне казалось, что одно окончание гимназии введет меня в жизнь, то теперь я понял, что оно только дало возможность выйти на новый путь. Но как по нему двигаться, я еще не знал. И вот, ни до чего не додумавшись, я уехал 8 декабря 1912 года из Питера и до конца января 1913 года жил в Кишиневе, превращая жизнь в сплошной праздник, не прочитав ни одной умной книги.

С. Г. Лазо после окончания гимназии. Июнь 1912 года

Если в осеннее пребывание в Кишиневе на грядах моей любви выросли эдельвейсы, то на рождество всюду цвели пахучие махровые розы, которые быстро расцветали и тут же увядали.

Записи после поступления в Петербургский технологический институт

гор. Кишинев. 7/IX-12 г.

Наконец я в Кишиневе. Наконец я вхожу на хорошо знакомое крыльцо. Встречает Дуня. «Дома?» — «Дома», — слышу я. Я встречаю Тасю и Валю. Здравуюсь с ними. Целую Тасе руку. Валя уходит в город покупать билеты на итальянскую оперу. Я сижу один с Тасей. Мы в гостиной около фортепьяно. Я сижу с одной стороны на кресле. Тася с другой стороны недалеко от меня. Милая Тася, я соскучился за ней в деревне. После долгих ожиданий я наконец с ней. Начинается милый нежный разговор на «ты». Тася говорит, что не сможет писать мне, так как ей запрещает мать, говоря, что моя мама будет против. В ее голосе слышится нотка скорби, жалости. Я возражаю, что это неправда. Разговор течет дальше, как ручей, свободно и непринужденно. Так сидели мы недолго. Вошла Тамара со своим учителем рисования. Вскоре пришла Валя, затем Женя, зашел общий разговор. Я нарочно не хотел оставаться позже (хотя Тася приглашала). У меня иногда глупое чувство, когда мне сильнее всего хочется остаться — я ухожу. Тася приглашала зайти завтра. Пешком я пошел домой, спускался по Семинарской, потом пошел по Киевской. Голова, как всегда в таких случаях, усиленно работала. Женщина вызывает в мужчине глубокое ощущение сущности жизни своего бытия. Человек в высшей степени интенсивно чувствует, переживает. Он или сильно радуется, или сильно страдает, ему одинаково чуждо как прошлое, так и мелочное. Только в такие минуты я живу, чувствую всеми фибрами своей души, усиленно, интенсивно воспринимаю окружающие события.

Вот Тася, я не могу сказать, что я ее люблю, влюблен. Иногда она кажется мне сильно далекой от меня. В другие минуты я вижу в ней что-то родное, одному мне понятное, что-то бесконечно близкое, дорогое. Я вижу в ней

свое «я», несколько видоизмененное; оно сохранило свое содержание, но приняло иную внешнюю форму, иные очертания.

Она рядом со мной, я вижу ее: довольно высокая, в красновато-коричневой юбке с рядом каких-то пуговиц внизу. На ней желтые ботинки и легкие желтые чулки. На ней была светлая шерстяная кофточка с легкой кружевной оборкой выше локтя. Шея открыта, на ней виднеется две золотые цепочки, на одной небольшой крестик, на другой медальон. Волосы у нее темно-черные с буклями сзади. Лицо ее нельзя назвать красивым. У нее щеки велики, и само выражение лица подчас веет чем-то пошлым, грубым, чувственным. Но в другие редкие минуты от него веет родным, согревающей лаской, живым участием. Мне захотелось поделиться с ней своим настроением, своими взглядами на наши взаимные отношения. Сегодня я весь вечер сидел дома. Мне не читалось, но моя мысль усиленно работала, перед моими глазами одна за другой проходили картины нашего знакомства, темные и светлые, печальные события, полные безумной тоски, муки и горького разочарования. Среди других картин моего прошлого я вижу декабрьский вечер, свежевывпавший снег лежал кругом. Не обращая никакого внимания на мамины замечания я, как всегда, пошел к Тасе. Была теплая ночь. Вот я у них. Помню, у них была ее сестра Ксения Юрьевна (она не выходила). Жени не было. Валя готовила уроки. Я с Тасей стоял около стола в кабинете. Разговаривали о наших характерах. Тася охарактеризовала меня как умного, капризного, неглупого мальчика, разговор даже не переходил на особенно душевную почву. Тася рассказывала кое-что из своей прошлой жизни... Около 9 ч. я ушел в дивном настроении, не знаю отчего, потом вспоминаешь и кажется, будто ничего особенного не было.

Я шел, радость господствовала над всем моим существом. Помню, я свернул с Подольской на Немецкую и как-то добрался домой. Словами нельзя передать того чувства, которое владело мною; будто вокруг меня играла дивная музыка... Я чувствовал всеми фибрами моего тела, что я живу, живу, живу...

Дома мама была раздражена, не застав меня дома. Затем пошла своим чередом серая однообразная мелкая жизнь.

Вспоминается мне майский вечер, когда после других визитов я нарочно последним приехал к Горе. Сначала мы сидели все. Была Надежда Дмитриевна, потом они уехали. Пришел Женя, он ушел с Валею в соседнюю комнату. Я разговаривал с Тасей, хотел уходить, она меня удерживала. Помнится, я что-то говорил.

Наконец я встал, чтобы прощаться. Тася меня нежно поцеловала. Милая, дорогая, бесценная Тася! Я никогда не забуду этой ласки. Широкая волна внезапно нахлынувшего чувства заполнила все закоулки моей души. Я внезапно почувствовал, что люблю ее всеми силами своей души, той любовью, которая почти всегда сопровождается страданиями, разочарованиями, даже лишними дразгмами, но которая награждает человека короткими минутами ни с чем не сравнимого блаженства... В моей душе теснятся бессчетные новые образы. Я все время ждал, Бори не было. Одев мою форму технолога¹, он пошел в иллюзион. Мне захотелось поделиться с ним своим настроением, излить ему одну-две капли моего внутреннего чувства. Я приготовил к его приходу вино и примус для согревания. Мне хотелось его угостить. Я ждал его. Я взял табак, нетерпеливо набивал им папиросы. А мысль моя все работала и работала, неудержимо рвалась вперед. Я обдумывал, о чем я завтра буду говорить с Тасей, хотел рассказать ей историю моих внутренних переживаний, описать ей нежную для нее картину наших взаимоотношений. Пришел Боря. Я согрел вино, но он пил мало, не знаю отчего, но мое настроение менялось из-за него, я увидел, что он не поймет меня и даже не постарается приблизиться к моему настроению. Наконец я лег спать в той приятной усталости, которая возникает после длительной умственной работы, и скоро заснул...

27/ IX-12. Кишинев.

Утром сегодня, как по обыкновению в городе, встал поздно. Я вышел в город, купил себе билет второго класса до Петербурга. Должен я был ехать в среду 3-м поездом прямого сообщения. Сделав последние поручения, я вернулся домой. После обеда дома я никуда особенно не

¹ Брат С. Лазо — Борис был в это время в последнем классе гимназии. Гимназистам не разрешалось вечером ходить в кино, поэтому он надел студенческую форму старшего брата.

спешил. Думал сыграть с Борей в шахматы, но мы только разговаривали за кофе. Потом я оделся и пошел к Горе. Я снова с Тасей один. Тамара занималась в соседней комнате со своим репетитором. Я стал говорить Тасе про наши взаимоотношения, начал рассказывать ей эпизоды (из прошлой жизни в прошлом году). Я сказал, как всегда это бывает, меньше, чем думал. Я заговорил о старой прошлогодней истории с кольцом, потом по поводу ее желания, чтобы я бывал у них чаще, я говорил, что меня лично удерживает то, что такое частое посещение налагает на человека некоторые обязанности. Тася говорила, что она на дело смотрит иначе, что в Кишиневе бог весть что говорят, когда просто увидят кого-либо вдвоем на улице и т. д.; кто ее знает, я не решаюсь бросить упрек Тасе в лицо, что, быть может, она привлекает молодых людей к себе в дом. Но после таких постоянных ежедневных посещений мое сердце шемит, невольно думаю — забуду ли ее? Мои отношения к Тасе идут двумя путями, с одной стороны дружба, с другой — поцелуй и ласки. Не знаю, но я очень как-то верю в Тасину дружбу (может быть, когда-нибудь моим взорам откроется голая истина и я внезапно очнусь). Я говорю с ней о многом таком, о чем я никогда не решился бы рассказать никому из знакомых. У меня с Тасей установилось тесное взаимопонимание, какого я не встречаю ни у кого. Стоит мне высказать что-либо, как Тася на лету подхватывает мою (мысль и чутко откликнется на все, мои речи; однажды я говорил, какое испытываю чувство жизни, что с некоторого мгновения, оглянувшись, как бы чувствовал себя отряхнувшимся от глубокого сна. Тася удивлялась, когда я отвечал на ее настроение, признав, что у меня с ней много общего. Милая, дорогая, бесценная Тася, каждое воспоминание о тебе приятно мне, но только воспоминание! В нем сглаживается и уничтожается все пошлое и дурное и остается счастье розовое, хорошее! Все решили пойти на выставку. Мы вышли, я шел с Тасей, Женя с Валей, Ксения Юрьевна, Надежда Дмитриевна и Тамара — сзади. Мы пошли по Подольской, потом повернули вверх по Ботанической, потом до Рижской. Проходя по Ботанической, я сказал Тасе, что места эти мне хорошо знакомы, что я здесь много гулял. «С кем?» — спросила она с милым выражением лица и с той особой интонацией голоса, которой женщины сопровождают свою речь, когда хотят

спросить что-нибудь. Этот оттенок голоса был мне хорошо известен. Я ответил, что прогулки происходили с Лидой Соловьевой. Мы поднялись до Реального училища, свернули дальше на Мещанскую, но, как я и ожидал, выставка оказалась закрытой, тогда мы пошли на ученическую выставку в Реальное училище. Выставка небольшая, мы все бегло осмотрели. Я ходил с Тасей, потом мы поехали и затем пошли пешком по Пушкинской. Когда мы доходили до Подольской, проходя мимо дома Сими-градовых, я вспомнил, как в прошлом году я не раз проходил здесь. Иногда Тася курила, в особенности в первые дни нашего знакомства, я часто не знал о чем говорить, и это давило меня под тон общего мрачного настроения за последнее время. Я подумал: «Вот иду с милой и дорогой мне девушкой. Сейчас мои мысли пришли в порядок, я чувствую себя хорошо, но потом жизнь будет все дальше и дальше уносить меня в бесконечное время, и эта минута и это время никогда не вернуться; как будто человек хочет ухватиться за что-нибудь, обязательно вырваться из пучин времени и — не может...» Часто Тася имеет вид, как будто бы она снисходит до милости, как будто бы мысль о другом не дает ей покоя, тогда она прямо противна. Вечером был у Горе. В начале 12-го Женя стал собираться. Я нарочно оставался. Нужно было видеть всю его ревность (беспричинную). То он говорил, что уже поздно и невежливо так долго и беззастенчиво засиживаться, но чуть не силой хотел меня извлечь, все это, конечно, шутя. То минут 20 он прощался, сидя в шинели, то в передней, то в гостиной. Мы все подняли отчаянный тарарам, так что даже Надежда Дмитриевна выглянула из столовой. Наконец он ушел. Я посидел около 5 минут и ушел. Между прочим, я спросил Тасю, не хочет ли она гулять со мной, на что она ответила неопределенно, но в общем отрицательно. Я ушел. Между прочим я пропустил один небольшой эпизод из сегодняшнего вечера. Женя после 8 ушел, но после чая я должен был зайти к нему на минутку, объяснить ему сферические зеркала. Я пошел объяснил ему. Все люди умеют даже бессознательно льстить. Женя восторгался моими знаниями и способностями (?) по математике, между тем как он не имел ни малейшего основания что-либо говорить о них...

От Горе я вышел и пошел пешком домой, кажется, пошел по Подольской улице, затем зашел за дом Павлов-

ских; заслышав лай, вернулся назад и пошел по Киевской. Вообще мой ум легко возбудить до творческой деятельности и тогда я нахожусь в возбужденном состоянии, и потому мысли одна за другой мелькают в моей голове, и у меня появляется желание занести их на бумагу. Женщина, в которой хочешь видеть нечто родное, близкое, которая нравится тебе, производит самое сильное впечатление, наш ум начинает усиленно работать, мысли бегут одна за другой с ужаснейшей быстротой. Вот я прихожу, Борис спит, я выпиваю немного вина, хочу писать, после 15—20 строк я бросаю работу, сажусь на постель и думаю. Должен сознаться в своем эгоизме. Мысль моя скользит по вопросам, затрагивающим меня самого или близких, дорогих мне людей. В эти минуты я чувствую у себя самый сильный подъем всего моего существования. Прошлое мне кажется жалким, мелочным. (Мне часто в жизни случалось встречаться с такими вопросами, что было бы со мною, если бы я попал в самые неблагоприятные жизненные условия, но с моим кругозором). Что делал бы я? Такой случай был бы возможно мыслим, если бы я был бы несчастным, обездоленным, для которого вопрос хлеба насущного был бы вопросом жизни и смерти. Скажем, я попал бы уездным врачом, мировым судьей в захолустный город. Что делал бы я? Я бы, во-первых, не растрчивал своих сил понапрасну, во-вторых, занимался бы своей службой, в-третьих, занимался бы своей отдельной, обособленной умственной жизнью, занимался бы философией, освежительной для моего ума, потому что, как мне кажется, ум является не средством, а целью жизни.

Мысль моя была занята образом Таши. Девушка, которую я еще не вполне понимаю. Общая сумма впечатлений, безусловно, говорит против нее, но моментами, порывами, когда я могу сказать, — она моя, она любит меня, — этими моментами я готов сделать все для нее. Любовь моя к ней имеет страдальческий характер. Это не торжественная шумная любовь, о которой человек кричит, и который готов гордиться, для которого женщина является существом, удовлетворяющим всем требованиям изящества, нравственности, имущественного и общественного положения. Нет, моя любовь глубокая, личная, она сопровождается внутренним разладом, самосуждением. Я вижу, что я стремлюсь к чему-то, обладающему круп-

ными недостатками. Но есть и другая сторона. В Тасе я вижу тот именно тип женщины, который мне нравится. В ней олицетворена могучая свобода, свежесть, — но нет, не то. В ней горит огнем родною теплотою притягивающего... Милая, дорогая, бесценная Тася. Засыпая, мысль моя работает над твоим бесконечно дорогим образом, который может в жизни едва ли кто оценит и постарается понять, как я.

2.IX-12. Суббота. Кишинев.

Встал я как всегда. Я могу смело сказать, что я чувствую жизнь, я чувствую ее быстрый поток и в такие минуты я возвышаюсь над повседневным пониманием и меня томит, жестоко мучает эта изменяемость настоящего. Древние философы, да и большинство философов, видели в окружающем бытии нечто неизменяемое, вечное; для науки прошлых десятилетий и для материалистов таким неизменным фоном была «материя» и движущая ее «сила». Кто-то из греческих мыслителей говорил: все течет. Это верно.

Вероятно, глубокое чувство внутренней полноты должно представлять созерцательную жизнь верующего аскета, погруженного в созерцание бога. Но такая жизнь - всегда кажется мне неполной и односторонней; человек осилил и победил себя, преимущественно действуя по заранее составленному плану, он подавил в себе непосредственную память, удалившись от мира. Умерщвляет свою плоть постом и трудами.

Поехал к Сереже Лузгину, которого видел накануне, но его не было дома. Зашел к Горе. Говорили о способностях и дарованиях. Женя игриво сообщил, что у меня способности к математике. Ксения Юрьевна ушла вместе с Женей. Он, между прочим, должен был сегодня выступать в Большом зале. Мы все сидели в кабинете, помню, даже зашел философский разговор. Валя спросила меня, верю ли я в бессмертие души; я сказал, что нет, и постарался по мере сил осветить ей истину своих внутренних стремлений и исканий. Для чего? Да у меня самого не вилами ли это писано по воде?

Заезжал на минутку Женя. Он очень нежен и весел. Целовал всем ручки, даже Тамаре. Потом сестры пошли переодеваться. На Тасе была коричневая юбка и розовая

кофточка. Мы вышли около 9. Я шел с Тасей впереди других. Да, другой, совсем другой стала она со времени прошлого года, только минутами милой, невыразимо милой, дорогой делалась она мне. В эти минуты я ее безумно люблю. Когда я иду с ней в иллюзион, одна за другой проходят всевозможные картины из прошлой жизни. Вот мы в иллюзионе. Первые картины — карнавал в Париже... Чувство бесконечной радости, веселья охватывает меня при виде этой картины, резким контрастом выделяется она среди общего фона моего ультра-пессимистического настроения. Но ненадолго. Взор мой случайно упал на ряд довольно далеко развешенных лампочек с абажуром из миллионов палочек, они не тушились вовсе и освещали окружающую темноту каким-то голубоватым блеском. Я невольно сравнил с ними себя. Среди беспредельного (поля) горит одинокая душа и силится осветить окружающую тьму, но это не в ее силах. И на всем белом свете нет другой такой души, которая откликнулась бы ответить на мою. Но это бессмысленная метафизика.

Потом была показана длинная картина из военного быта с неизбежным романтическим элементом. Между мною и Тасей все время шел обмен мелкими замечаниями. Театр «Орфеум», или просто иллюзион, был полон публики; с другой стороны в ложе сидел С. Д. и семья Крупениных. В ложе мы, как всегда, разместились так: ближе к другим рядам сидела Надежда Дмитриевна и Тамара, дальше Тася и Валя, а за ними я и отсутствующий сегодня Женья.

17.XII-12 г. Понедельник, г. Кишинев.

Я медленно просыпался. Степа¹ два раза приходил меня будить. Спрашивал меня, когда я лег, говорил, что мама просила меня встать. Наконец около 11-ти я встал. Одел студенческие брюки и тужурку. Умылся и выпил кофе. На дворе стояла отличная солнечная погода. Я стоял в Бориной комнате и невольно залюбовался. Зеленая травка была сплошь залита солнечными лучами. Что-то близкое, родное было в этом солнце. Я сидел у Бори в комнате. Привел в порядок его книги в шкафу,

¹ Младший брат С. Лазо, которому в то время было 10 лет.

сидел и писал дневник. Между прочим, я недавно нашел свой «блок-нот» с записями VII и VIII классов. Я думал, что он давно потерян, и с радостью перечитывал давно знакомые мне места. Пришел Борис. Мы говорили о том, о сем и скоро пообедали. Потом я играл с ним в шахматы, но был разбит. В шахматы я играл очень плохо, совсем не следил и допускал грубые ошибки. К пяти часам, одевшись, я вышел с мамой, проводил ее к Александре и пошел к Маноли. Вася был дома. Я сидел у него, дурачился с ним. Вообще у меня, когда я пришел, было очень веселое настроение. Я шутил с Васей, потом он сел играть. Я молча слушал. Я стараюсь так слушать, чтобы оба уха одинаково ловили звуки. Тогда получается некоторая иллюзия, что звуки исходят из головы (собственно, иллюзия была бы полной, если бы на равном расстоянии от нас было бы два одинаковых источника). Под звуки музыки мной овладевает особое настроение. Я начинаю все усиленно переживать. Я глубже вглядываюсь в окружающий мир, и все прошлое, плоское вспоминается мне. У меня сделалось угрюмое выражение лица.

Встретился с Лидой Соловьевой и ее матерью. Мы скоро удрали с ней наверх, где сидели довольно долго. Лида много говорила о своей жизни и об ожидающих ее перспективах, о невзгодах, о разных происшествиях и многом другом. Я здесь не буду передавать весь разговор просто потому, что это может попасть в чужие руки. Нагулявшись и наговорившись досыта, мы спустились вниз. Я пошел к Горе. Около Таси стояли Яша, Валя, Тамара. Яша угощал нас сухим вареньем. Я предложил Тасе руку. Мы пошли наверх. Мне в первую минуту показалось, что она на меня сердита. Мы долго гуляли наверху, разговор сначала не клеился. Мной овладело душераздирающее безумно грустное настроение, настроение усиленных переживаний. В такие минуты все мне кажется имеющим малую цену. Относительно меня самого я чувствую глубокую пропасть, которая стоит между мною и Тасей; мне кажется, что она меня совсем не полюбит. С Тасей я гулял весь вечер до конца. Наверху мы присели на одной лестнице, я постелил полу моего сюртука так, чтобы не пылилось ее платье. Тася была сегодня в темно-синем, почти черном бархатном гладком платье. У нее были небольшие изящные лакированные туфли. На голове черная бархатная шляпа с широкими полями.

У Таси было обычное довольно сумрачное выражение лица, некоторые могут назвать его даже чувственным, вульгарным. Это действительно бывает минутами. Но минутами, когда она улыбается, от нее веет такой душевной теплотой. Мы долго говорили друг о друге. Я откровенно высказывал свои чувства. Говорил о своих страданиях от этой любви, о моем иногда желании перестать бывать у них. Тася говорила, что ей всегда очень приятно меня видеть. После этого теплого разговора мне стало легче. Только на один миг я печально опустил голову, но потом я чувствовал, что я люблю, глубоко люблю и меня любят. Сомнения куда-то ушли. Все неровности и шероховатости моего внутреннего «я» незаметно стерлись. Я чувствовал жизнь, любовь, счастье... Наконец мы встали. Я долго стряхивал пыль с подкладки моего сюртука. Мы спустились вниз. По дороге, по лестнице я наклонился и стал целовать Тасину руку — никого не было. Потом мы снова наверху. Мы сели на месте оркестра балалаечников в конце левого барьера, если смотреть на сцену. Мы устроились на углу скамейки. Помню, Тася оперлась руками о барьер. Я подставил свою фуражку под ее руки, чтобы они не пачкались. Хорошенькие у нее ручки — изящные, тоненькие, холодные. Мы заговорили о Лиде Соловьевой. Тася говорила, что ей неприятно, когда я с ней сижу, хожу, разговариваю. За этот вечер не раз она отпускала замечания на этот счет. Мне это было даже приятно. Ревность говорит о любви. С другой стороны, в этом замечании было так мало деланного и столько простоты, что мне это было тепло и приятно. Милая Тася, как я люблю ее в эту минуту. Я начал говорить ей вообще по поводу моего посещения ее дома. Мы снова спустились. Я вел ее под руку. Мы взаимно прижимаем наши руки как можно крепче друг к другу. На лестнице никого нет, я наклоняюсь и целую ее руку. Мы внизу. Надежда Дмитриевна собирается уходить. Мы в последний раз бежим наверх. Я счастлив, я вижу милую Тасю рядом со мной, она сидит с радостью, сидит около меня. Мы около барьера против сцены. Играют малороссы. Кончается последнее действие, перед нами стоит какой-то гусар. Мы просим его подвинуться направо. Я держу Тасину руку, мы смотрим на сцену. Тася опирается на меня. Мы стояли и молчали. Каким счастливым я чувствую себя, как все было ясно и легко. Мы

сошли. Я проводил ее вниз и пошел прощаться с Руссо. Оделся и ждал Борю. Наконец они вышли. Я взял Тасю под руку. Правой рукой я держал ее левую руку и прижимал к себе. Она — тоже.левой я взял ее правую руку, она была такая маленькая, нежная и холодная. Из-под ее шляпы мне было видно уголок ее рта, который улыбался. Чуть-чуть моросило. Мы быстро шли и разговаривали. Мне было так легко, хорошо и тепло. Я оглянулся на себя и подумал: «Как жизнь вьется перед тобою длинной вьющейся лентой, они как реки, то сверкают в полдень от лучей жаркого солнца, то они тихо, тихо плещут в темную ночь, нежно журчат, то они покрыты густым туманом в чудное летнее утро, и солнце брезжит своими первыми лучами и золотит небеса, то, наконец, пойдет ветер, загудят дерзкие волны — так болит и стонет наша душа в минуты горя и обиды. Да, жизнь, жизнь, но жизнь — не гроб, как мне говорили, как я сам долго и часто думал. Нужно освежить, проветрить меня, нужно выгнать моих сов и ночных мышей, которые крепко основались во мне и наполняют мою душу страданиями и горем. Нужно жить, страдать, чувствовать, но не грустить. Не предавать ее, жизнь, безысходному пессимизму.

Но мое радостное настроение начало понемногу уходить. Снова заработала безостановочная машина моего внутреннего критического сознания. Появились шероховатости, бугорки в моей душе. И начала она скрипеть и визжать, как несмазанное колесо. Тася и Лида? Первой принадлежит мое сердце и моя душа, мой ум. Я весь стремлюсь к ней. Я вижу в ней родную, близкую мне душу, часто самого себя, что-то такое теплое, бесконечно дорогое, близкое.

Я верно могу сказать про свое сердце: «Оно где-то погребено». Я лично не думаю, чтобы я мог когда-нибудь, кого-нибудь так полюбить. Я отлично вижу, что если эта любовь осуществится, то я буду всегда страдать, я буду за немногие минуты безумного счастья платить болью и муками. Тася сможет вполне удовлетворить меня с одной стороны, но в окружающей будничной жизни мы не всегда будем иметь общие точки соприкосновения. Мои взгляды на окружающую меня жизнь, мои идеалы, стремления, глубокие запросы моего ума — все это не найдет себе ответа. В этом отношении неизбежно я буду страдать. Может, если я остановлюсь на ней, то наиболее

могучие и нежные струны, самые хрупкие, которые однако совершенно заглушают все остальное — эти струны будут переливаться всеми мелодиями мира. Но им не суждено быть открытыми в будни жизни, нет, они звучат только по праздникам и тогда вся душа наша содрогается, но в будни серые, бесконечно длинные будни нашей жизни она будет давать мне очень мало. Ее привычки будут требовать образа жизни, который не по мне.

Ей будет хотеться кататься в автомобилях, ходить в оперу и т. д., но с моей трудовой жизнью, полной любви, бескорыстного желания помочь другим и глубоких исканий, она ничего не будет иметь общего. О. Вейнингер писал, что у женщин нет души и мужчина хочет ее одухотворить и не может и вечно страдает. Помню, сегодня вечером, говоря мельком о своей жизни, я говорил, что меня изуродовали, исковеркали. Между прочим я сказал, что отдал бы все свое состояние для того, чтобы вернуть свою молодость, чтобы мне было теперь лет 10, но с тем условием, чтобы весь приобретенный мною жизненный опыт и знания остались у меня. Она ответила на это, что я был бы каким-нибудь «вундеркинд» и, чего доброго, к 20-ти годам кончил жизнь самоубийством. Едва ли это, вообще, правда. Но в этом ответе сказались характерные черты женской психологии смотреть довольно трезво и отнюдь не поддаваться метафизическим иллюзиям. А Лида? Я могу вести с ней умные разговоры на самые разнообразные темы, говорить о поэзии, литературе, говорить о своей душе, о своих чувствах, переживаниях, разбирать, анализировать их. Но переживать все это с ней я не мог бы. Она могла бы, быть может, возбудить во мне чувства нежности, сострадания, но не любви. К ней я чувствую несравнимую симпатию. Мне очень и очень приятно ее видеть. Но это не то. Лида была бы полным, хорошим, здоровым счастьем. Тася, сплошной сгусток, — слепым вихрем, грубым и бешеным.

8. XII-12г. Вторник, г. Кишинев.

Встал в 11 ч., утром пил кофе. Произошел маленький инцидент: бумага от масла нечаянно попала на мамину работу, но не коснулась ее, маме показалось, что я ей запачкал шитье, она рассердилась, бросила материю на пол, и я услышал несколько кислых слов. Не знаю отчего,

но мамин крик имеет на меня какое-то магическое подавляющее влияние. Я невольно вспоминаю минуты моего прошлого детства, и я весь болезненно дрожу. Я порывисто встал, поставил все на буфет и ушел в Борину комнату. Меня это особенно не расстроило, только мне от всей души было жаль маму. Я сидел все время до обеда, не выходя, писал дневник, читал, решал задачи. В 5 часов отправился к Васе, и всей компанией пошли гулять. Вася все время молчал. Тася спрашивала его, не в первый ли раз идет он под руку с барышней... Он скоро ушел. Я его отлично понимаю, я сам переживал такое настроение. Вся эта шумная светская жизнь казалась ему безнадежно пустой, глупой, но стоит пойти ему ближе, приглядеться к ней, постараться понять ее, как его тотчас охватит сознание своей глупости, неудовлетворенности, безумной тоски; может быть, это только у меня было. Не знаю. Я купил гвоздику Тасе. Она приколотла ее на грудь булавками. Я невольно вспомнил одну такую булавку, которую я взял у Таси в начале октября в вечер моего последнего пребывания здесь. Я напомнил ей об этом, весь остальной вечер мы гуляли. Тася сегодня раза два говорила мне, что нам нужно весело провести вечер. Но разговор хотя и не переставал, но особенно не налаживался. Не было теплой, сердечной атмосферы, которая устраняет между людьми все преграды. Мне было приятно это заключение. Но, несмотря на это, все время меня тяготило чувство того, что я здесь лишний, ненужный, что меня не любят, хотят видеть около себя, ко мне привыкли только оттого, что практически не представляется возможности достигнуть Жени. Это чувство все время меня гложет, но во время вечера на эту тему я ничего не говорил. Но, сознавая все это, я делался печальным, угрюмым, и не было искренней веселости. Милая, дорогая Тася, как люблю я тебя в эту минуту, чем дальше ты от меня. Раз овладев, это чувство не покидало меня и лишало веселости, жизнерадостности. Во мне все время боролись противоположные чувства, и я окончательно решил все бросить, от всего отряхнуться. Долго мы еще говорили, но не было ничего существенного. Потом мы сошли в последний раз вниз. Пошли поискать Тамару, Васю и Женю.

Мы подходили к дому. Я сказал: «Тася, милая Тася, я перестану бывать у вас в доме». Мы шли вплоть до их

дома и говорили. У меня даже на глазах навернулись слезы, и голос несколько раз дрогнул. Но она этого не заметила. Кажется, ничего, кроме удивления, я не увидел. Когда я говорил, что «пойми же меня, ведь я тебя люблю, если бы я не любил, то я продолжал бы бывать, а так это возбуждает во мне неразрешимый конфликт». «Не понимаю», — услышал я. А потом: — «А что мама скажет?» Мне было больно за такое непонимание. Я все время вел ее под руку. Я несколько раз наклонялся и целовал эти милые нежные ручки. Как я любил ее в эту минуту. Наконец мы пришли. Прощаемся. Я целую ее руку. Возвращаюсь с Женей. Сначала он меня укорял за то, что я холоднее стал к нему, чем прежде. Я ответил, что это правда. И что я, может быть, имел некоторые основания для этого, потом мы шли и говорили о Тасе. Я говорил ему о нашем сегодняшнем разговоре. Не знаю, приписать ли мне мою расчувственность отсутствию воли или нет. Вернее, я держал себя с Тасей и Женей без всякой фальши. И то, что думалось и чувствовалось, вылилось без преград наружу. Его это, вероятно, удивило. Мы пошли к его дому и много говорили. Ничего особенного, ценного он мне не сказал. Но мне хотелось быть около него, быть около человека, который их знает и кое-что может понять. К Жене пришел Вася, он сидел, говорил какую-то грязь. Я ушел, сел на извозчика и поехал домой. Вероятно это после слез, но я чувствовал себя необыкновенно легко, как будто тяжесть, спиравшая и томившая мою душу, ушла, и я легко и свободно взглянул на мир.

Я шел по Александровской и оглянулся кругом. Я почувствовал начало, легкое дыхание новой жизни, и я рвался к ней. Редко, когда так легко я чувствовал себя, как никогда. Не было гнетущей неизвестности, неопределенности. Была боль, но сильная здоровая боль, которая укрепляет, а не озлобляет и наводит тоску. Я чувствовал, что свободное, сильное течение моей жизни пойдет по правильному руслу. Я видел жизнь трудовую, полную истинной радости. Но самое главное, я увидел воочию пустоту светской жизни. Она перестала быть для меня фимиамом, недостижимым кумиром, а стала ровно ничего не значащей вещью, и светские разговоры показали, что это самая обыкновенная пустота... ничем не заполненное пространство.

19.1-18 г. гор. Кишинев.

Встал, вышел в город, исполнил какие-то мамины поручения, зашел к Руссо. Пошел к Горе, чтобы вместе с Тасей пойти гулять. Сначала вышла Тамара. Потом появилась Тася, совсем одетая. Мы вышли. Было довольно холодно, ветер мел пыль по улицам. Спустившись по Пушкинской, мы пошли в библиотеку. Я ей посоветовал взять Киплинга, она взяла. Мы вышли. Помню, внизу мы долго не могли найти калош. Пошли по Александровской, я веду ее под руку, встретили Веру Ковтун, Васю, Юру Копшина, потом Яшу и, наконец, Олю. Подымаясь вверх по Бююканской, заходим в казенный сад. Я все время иду под руку, чувствовал себя прескверно. Разговор перебежал с одной темы на другую. Я говорил резким повышенным тоном. Ничего особенного я не чувствовал: идешь, говоришь и больше ничего. Мы прошли мимо тенниса, дошли до главной аллеи, свернули к Александровской, вернулись боковой аллеей назад. Все они проводили меня домой до приюта. Большая дорога по Киевской прошла незаметно, но ни о чем существенном мы не говорили; наконец, вдали показался наш дом. Я попрощался с Яшей, с Олей, поцеловал руку Тасе и пошел домой. День прошел скучно и бессмысленно. Я немного читал Джека Лондона, полудремал в гостиной, потом брился, оделся, вышел в город, сделал кое-какие покупки, пошел к Горе; были только Тася и Валя. Пришел через несколько минут Женя. Я чувствовал, да и вообще я это чувствую за последнее время, какую-то глупую ненависть, скорее презрение к Тасе и Жене и ко всему создавшемуся положению. Я хочу как можно скорее выбраться отсюда на свежий воздух, выйти из этой душной атмосферы.

Присутствие Таси не возбуждает во мне никаких чувств, сидишь, говоришь, чувствуешь свое глубокое безразличие и отчужденность, подчас мною овладевает злое настроение, желание выругаться, сделать неприятное этим людям, оскорбить их; я раньше гораздо лучше относился к Тасе. Я знал, что она любит другого, но я не сомневался, что я для нее друг, близкий человек, так она мне не раз говорила и писала.

...Она стала мне чужая, бесконечно чужая. Вот в прошлую субботу я приехал из деревни, гулял я с Тасей раза два. Раз сидел поздно вечером. Осуждать Тасю — нет,

у меня не хватает сил на это, она слишком безвольна, чересчур слаба. Мне самому на себя противно за то, что я чувствую. Наконец, я вышел и направился домой. Оказывается, что мама, обещавшая пойти сегодня вечером со мной в земское собрание, не оделась, думая, что я не приду вечером. Я сам идти не хотел. Выпил дома чай, одел тужурку и опять пошел к Горе. Я был там около 10-ти. Вскоре пришла Тамара. Началась целая драма. Тамара что-то сказала Вале, кажется, ей наговорили, что Женя ее не любит. Потом Женя выпытывал у Вали и думал, что ему не все говорят. Потом он долго говорил с Тамарой,) а с Валею он весь вечер не говорил. Наконец, в начале двенадцатого он ушел. Я запер за ним двери, но он мне ничего не говорил, да и у меня не было особого желания изливаться перед ним; кажется, мы друг друга отлично понимаем. О доверии со стороны Жени и говорить не приходится, с моей стороны тоже, но как он тиранит Валею. Ведь даже я ей руки поцеловать не могу, когда кто-либо приходит (напр. сегодня днем зашел Яша), начинаются бесконечные расспросы. Валею ни с кем говорить не может. Вот восточное обращение с женщиной,— ни капли ни уважения, ни сознательной любви, а постоянно страсть, голая страсть, ни интересов, ни стремлений, только вечные вопросы: «Валею, ты меня любишь?» И так без конца. В сущности несчастная она женщина, он ее обманывал и будет обманывать, а она ему верит. Вот что у Жени достаточно, это — актерства. Он может убеждать нас без конца в самых неправдоподобных вещах. В сущности какое хамство! Какое право одни люди имеют вторгаться в чужую жизнь, так грубо ее портить? Вот бывали у Горе два брата Швамберки. Виля ухаживал за Тасей будучи в VIII классе, потом бросил ее, несколько раз поступал крайне невежливо, показывал своей невесте ее письма и уверял, что с его легкой руки Тася начала влюбляться направо и налево. Женя начал ухаживать за Валею (уже, кажется, теперь прошло с тех пор три года с лишним). Тася уверяла, что вначале его не любила. Наконец, он добился своего: она его любит. В этом доме, где отсутствует твердая авторитетная рука и главная роль принадлежит девочкам, он занял первенствующее положение. Валею, в конце концов, пляшет под его дудку. Он вечно устраивает сцены, изводит ее. Она даже ни с кем слова вымолвить не смеет. И что же будет

дальше? Женится на ней, будет ее обманывать; имущественные отношения, безусловно, играют известную роль, хотя он это всячески отрицает, и будет она в сущности забитым существом, козлом отпущения. По-моему, Женя виноват перед Валею в том, что молодость ее прошла бесцветно, замкнуто, если, не дай бог, они разойдутся в будущем, она останется совершенно беспомощной, ни к чему не приспособленной. Конечно, своей неприспособленностью она обязана и своему характеру. Но и здесь я говорю скорее не о практической неприспособленности, а о том, что в ней под Жениным влиянием совершенно утрачивается чувство общения с другими людьми. Я не могу представить себе Валу в будущем непринужденную, разговаривающую с кем-либо. В прошлом — да. Но в будущем. Ведь она попадет так или иначе в более низкую среду по культурному уровню. А тут сверх всего такое деспотическое влияние. Ведь если относительно Вали Женя может считать себя правым, отговариваясь своей чувственностью, любовью и страстным темпераментом, то что может он ответить относительно Таси. Ведь Тася безвольное существо, она влюблена в него, и он всегда пользуется этим. Ведь он отлично знал, что она мне нравится; если у него было хотя немного желанья ей блага в жизни, то он бы не довел положение дела до того, что я ее окончательно бросил с гадливым мне самому чувством в душе. То ли он мне говорил у Яши? — что Тася несчастное существо, что в будущем он постарается ее как-нибудь пристроить. «Хороши» и «искренни» его заботы? Я не говорю это, чтобы ее осуждали. У меня на нее и палец не поднимется. Но я дурак, дурак, где был мой ум, мое самолюбие? Плакать хочется от злобы. Ведь что же осталось от этой любви — гадливое чувство. А Тася? Я не могу ее осуждать, у меня сил не хватит. Для чего, для чего она просила меня бывать у них, для чего? Отчего теперь злится? Когда я сказал, что прекращу у них бывать, она ответила: «А что мама скажет».

Какие люди подлые в конце концов, сколько в них грязи, которая рано или поздно начинает издавать невыносимый смрад. Нет, только в минуты особенного озлобления, когда я слишком трезво смотрю, я начинаю осуждать Тасю. А так — нет. Я ее слишком сильно любил, и она мне дала несколько минут действительного счастья, так что в нее у меня нет сил бросить обвинение, да и в

сущности почти что нечем бросать. Нет, совсем нечем. Нельзя же требовать от всех ангельского альтруизма, а она добрый, сердечный человек. И она мне много дала. Итак, против Таси ни капли презрения. Только глубокая злоба на самого себя и горечь, горькое чувство чего-то потерянного, ушедшего. А в сущности для меня это лучше, я вырвусь из этой душной среды для работы, для того, чтобы быть тем, кем я мечтаю, и быть, кем я не был бы при существующих условиях. Ну, довольно философии.

Почти весь вечер я сидел с Тасей вместе, в двух креслах около книжного шкафа. Когда я пришел, я сказал, что у меня будут некоторые капризы, чтобы она не сердилась... А она спросила: «Что?», — и потом сказала, что знает, что я сорвусь и уйду. Я сказал, что нет. Дело было в том, что идя к Горе, я сам не знал, зайду я или нет. Дома я решил сначала никуда не идти, но потом меня потянуло, в этом я вижу неотразимую власть прошлого. В сущности, относительно окружающих, мне совершенно безразлично, буду ли я лишний раз у Горе или нет. Мне этот вечер, думаю, все же будет приятен. Но самолюбие все время меня грызло. Я невольно сравнивал Тасю с Лидой и далеко не в Тасину пользу. Весь вечер мы сидели вместе. Я весь дрожал от внутреннего переживания, так мне хотелось бы любить ее, но вместо любви было ожесточение на себя и презрение к окружающим. Еще вначале я сказал, что единственное, что я к ней чувствую — это жалость. Она спросила: почему? Я сказал, что таково мое глубокое личное чувство. Разговор между нами большую часть времени не клеился. Затем я начал говорить о своих переживаниях. Замечу, что единственный вопрос, который занимал нас в разговорах,—это двойственность, запутанность нашего положения; мы снова принялись за нескончаемую тему наших разговоров, я чувствовал себя глубоко безразличным ко всему окружающему и нервничал. Помню, на Тасино замечание, чтобы в разговоре я не упоминал Жениного имени, я резко, с раздражением, заметил, что это за монополия, что нельзя говорить о Жене без того, чтобы не вызвать его неудовольствия; он это, конечно, слышал, — не глухой же он. Я говорил Тасе, что она сама, да и вообще все создавшееся положение вызывает во мне чувство гадкого, противного, чего-то скользкого, холодного. Я говорил без утайки, холодно, отчеканивая

фразы; все что я чувствовал, и мои слова были глубоко безразличны мне, как будто в глухом забытьи я говорил с самим собой. Мы еще говорили о Жене. Я сказал, что лично глубже доверяю Тасе, но в глубине моего сознания нет прочного незыблемого фундамента. Я ее еще раз спросил, не сердится ли она на меня за то, что я перестану у них бывать, она сказала, что нет. «Ведь посуди,— сказал я ей,— если бы Женя дал бы тебе руку и сказал— иди за мной, ты пошла бы, конечно, и бросила меня?» — «Да», — был ответ. Мне нужно указать на известную, психическую реакцию, которую во мне вызывает тягостность, запутанность создавшегося положения, оно меня тяжело гнетет, лежит на мне каким-то бременем. Раз я перестану бывать, раз я откажусь от ласк, от малейших проявлений чувств, то мне нечего будет ревновать; скажем, пусть Женя делает с ней все, что ему угодно, мне все равно, я безразличный зритель, которого может немного притягивать память прошлого и наблюдение интересного психического феномена. Затем необходимость перестать бывать в этом доме вытекает не из слабости моей натуры, которая не сможет перенести некоторого унижения, боли, — нет, причина всего этого гнездится в моем чувстве самолюбия, сознания собственного достоинства, да и затем, если бы дело шло не о таком тонком чувстве, я, быть может, поступил бы иначе, но теперь и речи не может быть для меня об ином решении. И так весь этот вечер мы говорили. Сознание глубокой горечи удручало меня. Говорил я безразлично, бесстрастно. На Тасю это, вероятно, произвело все-таки впечатление. Я ей резко доказывал полное отсутствие самолюбия. Она меня спрашивала, что же ей делать с Женей. Я сказал, что на ее месте я бы виду не подавал и отнюдь не был бы на вечных побегушках у этого субъекта. Ну, бог с ней. А в глубине души мне ее жаль, бесконечно жаль, так хотелось бы мне помочь ей, но чем? Около двенадцати я начал прощаться. Тася накинула шаль на свою красную кофточку и пошла принести мне какие-то книги, которые я ей давал читать (I и III часть трилогии Мережковского). Она несла их под шалью, т. к. не хотела чтобы другие видели фотографическую карточку, которую она мне давно обещала. Мы с ней еще раза два прошлись. Я сделал несколько общих замечаний по поводу того, что будет впереди, что мы уже не скоро уви-

димся, что последние дни здесь следовало бы лучше провести, незаметно разговор начал принимать более сердечный оттенок. Мы уже достаточно выразили всю непримиримость нашего положения и невозможности сближения.

Естественно было только обосновать нашу дружбу, как выход из положения, тем более что наши отношения были близки, мы друг друга не обманывали, друг другу не врали. Оружием Таси, которым она меня всегда покоряла, была искренность. Да и затем я ее слишком сильно любил, чтобы это все смогло исчезнуть так бесследно. Я попрощался и вышел в переднюю, неся книги с карточкой. Это был снимок, сделанный Васей. Он снял Тасю у них во дворе, она стоит с ружьем в руке, с сумкой через плечо, в белой летней кофточке, на ней мягкая шляпа. Снята она на фоне зелени. Вышла она так себе. Лицо у нее как-то немного вульгарное, но в нам есть черточка того выражения, которое у нее бывает редко, но которое я хорошо знаю. На другой стороне было написано: «Дорогой Сережа, не поминай лихом Тасю». Когда в передней я стал прощаться с ней, мной овладело легкое радостное настроение, я увидел, что тяжесть, давившая меня, сама собой исчезла. Меня не тянуло к ее любви, я видел перед собой другого человека, близкого друга. «Итак, будем друзьями», — сказал я. И мы попрощались. Я вышел. Давно я не был в таком легком радостном настроении; злоба, горечь куда-то ушла. Я шел, весело улыбался. Я готов был смеяться от радости. Буря пронеслась, и небо стало ясно-лазурным, я спустился по Семинарской, пошел по Киевской. Я шел радостный, счастливый. Теперь, думаю я, у нас будут дружеские отношения, без всяких претензий с обеих сторон, без взаимного преследования и разлада. Как будто все, что было между нами, я взвешивал на двух чашках весов, на одной лежала вся масса горечи, злобы, которые я пережил, всех тех подлостей, которые я при этом видел, на другой же только слова: «Дорогой Сережа, не поминай лихом Тасю», и вторая чаша перевешивала. Толстой говорил, что все понять значит все простить. И действительно, я все понял. Воочию увидел непривлекательную наготу, но я увидел правду. Отчего же мне не «простить». Нет, это слово здесь не подходит. Нет, мне просто нужно перейти от злобного, колодного, мрачного настроения к легкому, радостному.

Да и зачем мне сердиться, на Тасю, зачем изливать на нее всю ту злобу и презрение, которые я накопил в себе самом. Ведь она так много мне дала. Она была так мила, так искренна ко мне, да и потом, в чем она виновата? Ее захлестнула волна, с которой она не могла, быть может, не хотела бороться. Кровных интересов у нас нет, так что и ссориться нам не из чего.

Я пришел домой, сел писать, но писал немного, потом до двух я сидел в столовой и напряженно думал. Передо мной мелькали одна за другой сцены из нашей прошлой жизни, иногда у меня закрадывалось сомнение, но слова «Дорогой Сережа, не поминай лихом Тасю» — все перевешивали. Я бодрствовал до двух, так как я обещал ей, а она мне — вспомнить друг о друге в 2 часа, и мне не хотелось спать.

В начале третьего я лег, быстро заснул.

20 .1-13. гор. Кишинев.

Все утро до обеда я писал дневник за прошлый день, и вместе с этим уменьшилось, постепенно улетучилось то радостное, веселое, беззаботное настроение, когда я весь преображался; весь мир был виден под совершенно другим углом зрения. Он принимал совершенно иную окраску. Перебирая факты моего прошлого, я невольно отдался во власть резко противоположного настроения, мрачного, угрюмого, озлобленного, во мне снова проснулось дикое желание что-либо большое, неприятное причинить ей. Например, мне хотелось иногда бросить с ней переписку, несмотря на неотразимость доводов, приведенных выше и доказывающих необходимость прощения; во мне бунтует какое-то инстинктивное глухое чувство, в основе которого, если я не ошибусь, лежит отвращение к Тасе, к этому женскому телу, которое тянется к другому. Но все же рука не поднимается ее осудить. То я начинаю ненавидеть Женю, и мне хочется сделать ему что-либо неприятное — обругать его, поссориться с ним. Вечером пошел к Горе, никого еще не было. Я кое о чем говорил с Тасей. Мы сидели в кресле, но недолго. Пришел Вася, потом Яша, играли в маус. Явился Женя. Он меня ни с того ни с сего опросил: «Ты что — ссорился с Валеи?» Я ответил, что у него, очевидно, галлюцинации. Я нарочно обратил внимание на Валю с Женей, и без него. Она

была весела, говорила со мной и Лозинским, потом сделалась молчаливой, мрачной. Я поехал в 9 домой за мамой и отправился с ней в Собрание. В Собрании мне была невесело и нескучно. Особенно я не жалел, что поехал сюда, тем более, что вид Жени мне прямо противен. Дебатировались какие-то вопросы страхования от огня черепицы. Я слушал и зевал. Наконец, я отвез маму домой и в половине двенадцатого приехал к Горе. Там ставили какую-то шараду, я особенного участия не принимал. Помню, в толпе Женя громко сказал Тасе на «ты». Не знаю, но мне отчего-то было больно. Да и он свинья, раз сам говорил с ехидством про Тасю, что она ему говорит «ты». А потом, зачем эти вечные посылания Таси за водой, она у него вечно на побегушках; чувствует, что ему не откажут, и пользуется; хотя бы со мною считался! Я шел домой мимо второй гимназии, рядом скользила моя тень.

Глубокое чувство сознания собственного одиночества пронизывало меня. Один, один с неразделенным мнением, на белом свете и в шумном обществе и в родном кругу, среди дорогих, быть может, горячо любимых людей. Но это не было расслабляющее чувство, наоборот, оно крепило, наполняло меня мужеством. Я теперь окончательно помирился с одиночеством в моей жизни, мое любимое общество — общество великих людей, в их творчестве я как бы ближе схожусь с ними, спорю, говорю. Мне, помимо всего, кажется, что и во мне горит где-то искорка чего-то великого, святого, чего не могут потушить пошлость и суэта чуждых и холодных окружающих меня людей. Дома я немного писал, потом пустился в мечтания, философствование относительно отношения к окружающему миру и относительно того, что представляет любовь и гордость в высоком смысле этого слова.

22.1 1913 г. Кишинев.

Завтра я уезжаю. Утром кое-что привел в порядок из моих вещей. Около часу был у Горе. Сегодня я не должен был вовремя приходиться к обеду, так что мог гулять сколько душе угодно. Но прогулка была неудачной; с Тасей пошли к Оле. Вскоре зашел Вася. Сидел он недолго. Мы вместе вышли. Я шел с Олей, Вася — с Тасей. Пошли по Пушкинской до Подольской. Вася рас-

прощался. Я забежал за Яшей, но его не было дома. Пошли по Александровской, потом вверх по Немецкой. Тася зашла к сестре. По дороге я их угощал каштанами и шоколадом. Потом провели Олю. Я отвел Тасю домой. Вечер я провел у Горе. Был и Женя. Сидел он до 12. Я читал Тасе некоторые места из дневника. Она громко хохотала над моей характеристикой взаимных отношений Вали и Жени. Последние два часа я расчувствовался, и мы провели очень хорошо. Валя после ухода Жени сидела и играла, а мы сидели на кушетке. Я себя прекрасно чувствовал: как-то легко и беззаботно. Я ушел в час. Пришел и лег спать и заснул, как убитый. Тася дала сегодня мне еще одну свою карточку. Я дал ей два моих снимка.

23.1 1913 г. Среда, г. Кишинев.

Все утро паковался. Пошел гулять с Тасей. Сначала зашли за Яшей. Потом все вместе пошли к Оле, потащили ее. Оля и Яша зашли к Горе, посидели недолго, после их ухода я сидел еще минут 10. Мы нежно прощались. Валя сидела и играла. Эх, Тася, Тася, как глубоко я тебя люблю и как сильно к тебе привязался. Но больная эта любовь. Лучшие грезы, надежды, порывы безумного искреннего чувства исчезли, вероятно, безвозвратно. Я чувствую, что я к ней едва ли вернусь, как пришел впервые. Но одно чувство, вероятно, не раз будет притягивать нас друг к другу. Но серьезного ничего не будет, не может быть. Тася права, я еще мальчик; своей ревностью, отношениями я был смешон. Затем в ее отношениях мне иногда чудится известная корысть. Возможно, что я ошибаюсь... Теперь она очень мила, просит писать чаще, взяла обещание, что я зайду к ним, лишь только вернусь в Кишинев. Мы вдвоем сегодня фантазировали: как было бы хорошо, если бы мы вместе были в Петербурге. Да, это было бы чудно. Но возобновлять старые отношения — ни в коем случае.

Я вышел от Горе, когда к ним входил Женя. Я быстро сел на извозчика и поехал домой. Все эти дни стоит чудная теплая погода, все время тает. Тепло, солнечно. Дома я уложил последние вещи. Наконец приехал извозчик. Я со всеми распрощался и поехал на вокзал. Суматоха с вещами, с носильщиком; наконец все улажено. Я еду

вместе с Маноли и Яшей. Мама едет тоже с нами, но только до Раздельной, потом в Москву. На вокзале были Горе, я стоял около Таси, мы беседовали. Второй звонок, я со всеми прощаюсь, целую ей последней руку. Вскрываю на последнюю площадку рядом стоящего вагона III класса. Я стою, смотрю на платформу. Но Тася ни разу не оглянулась. Мне это отчего-то было больно. Мы в Раздельной. Я занимаю место у кассы. Мама покупает плацкарту в Москву. Вот она уезжает. Закусываю на станции, пишу Тасе письмо. Лег спать в 3 часа.

После отъезда в Петербург в январе 1913 г. и до момента возвращения в Кишинев в конце мая 1913 г. С. Лазо, видимо, не вел записи в дневнике. Следующая запись по пути домой.

Петербург — Одесса — Кишинев. С 28 мая 1913 г.

28 в 6 часов вечера я достал сверх ожидания билет. В лихорадочном настроении поехал домой, затем по дороге в институт сделал последние покупки. Дома сейчас же уложил вещи. Около семи я на вокзале. Посылаю маме телеграмму.

Я один, никто не провожает меня. Поезд трогается. Медленно исчезает вокзал, затем все скорее и скорее, скрывается город. Вот открытые поля. Легко и привольно на душе. Радостно бьется сердце при виде свежей зелени после голых и неприветливых улиц. Едем мы быстро. Всегда с отъездом или прибытием куда-либо меня охватывает известная чувствительность. Моя мысль работает с таким напряжением, что через часа полтора мной овладевает сонливость. Проехали Гатчину, промчались мимо Сиверской, вот и Луга. Схожу пить чай. Сижусь и читаю Челпанова «Введение в философию». Вагон третьего класса трясет, это последний прицепной вагон без электричества. Мне скучно сидеть с самим собой. Попались какие-то попутчики. Говорили вместе, но с самим собой лучше: так наблюдаешь людей. Весь следующий день читал, смотрел в окно, думал, сходил на станциях. В Сорно я обедаю. Почти всюду закусываю. В Казатине в 11 часов вечера традиционно пью кофе. Помню, была чудная лунная ночь. К югу места делаются все более ровными. Расстилаются необозримые равнины, и их темная даль давит чем-то жутким, томящим. Создается такое же впе-

чатление, как и на море, — ощущение бесконечного, ощущение жизни. В особенности вечером загадочна эта темная даль со слабо освещенным горизонтом.

Последний день пути. Я встал рано. Вот мы проехали Раздельную, едем не останавливаясь к Одессе.

Небо синее, солнце ярко светит, прямо купаешься в его лучах. Я сижу на сходной лестнице, мой попутчик из Одессы ухмыляется, я вероятно смешон в его глазах, но мне все равно, я весел, пою, сочиняю по-русски и по-французски стихи. Вот Одесса. Тянутся пригороды, мы выезжаем на вокзал...

Моюсь, переодеваюсь. Еду к Лиде на Большой Фонтан на 12-ю линию. Трамвай идет быстро. После Петербурга мне все кажется вдвойне прекрасным. Я привез Лиде на память сборник «Русский балет». Еду до близлежащей станции. Потом выхожу на площадку. Наконец я у цели. Схожу, налево дом Дузэ. Я открываю калитку, вижу Олю Соловьеву. Я просто остолбенел. Дача на крутом скате морского берега. А далее, далее... расстилается море, нежное, манящее, все голубое. Бегу вниз, встречаю Лиду. Она меня не ожидала, я ее не предупредил. Идем купаться, катаемся на лодке. Говорим, говорим, то речь не клеится, то наговориться досыта не можем. Гуляли по берегу. Подъехал один Лидин знакомый «литератор». Лида ему говорила, что я приеду, а он уверял ее, что все барышни говорят про каких-то милых молодых людей, которые приезжают к ним. Он подъехал на лодке, она нас познакомила и не преминула упомянуть, что я тоже пишу стихи. На меня этот литератор не произвел особого впечатления. На вид парень он умный, очень здоровый, но мне кажется, что ему не хватает оригинальности. Поднялись наверх. Пообедали. Потом поехали в город.

Едем в трамвае, болтаем. Мне нужно было в лондонскую гостиницу передать поручение м-м Губер, нужно было зайти за деньгами к поверенному. Последнего я не сделал. Я чувствовал себя великолепно. Мы зашли к Робинэ, ели мороженое, я покупал конфеты. Мы пошли бродить по Дерibasовской, я вел Лиду под руку, как она любит. Идем и мило болтаем. Я начинаю чувствовать то, чего давно не чувствовал, очень давно. Мне чудится минутами, что я ее крепко люблю, нет, это самообман. Я никого не люблю теперь. И безусловно лучше всех:

я отношусь к Лиде. Я чувствую между нами какую-то преграду, что-то холодное мешает моим чувствам. Я чувствую глубокий драматизм ее жизни и жизни вообще. Вот именно, страдания портят нашу жизнь, коверкают ее, но зато они придают ей такую ценность, которую ничто не может дать. Я в сущности смотрю трезво на жизнь, я не боюсь невзгод, но я свободен, обеспечен, и в конце концов сами жизненные блага не имеют для меня особой ценности. Но что делать Лиде?

Я очень хорошо провел этот день. Помню, обратно мы ехали на автомобиле, близко прижавшись друг к другу. Настал вечер. Небо и море серое. Но море, подернутое дымкой наступающей ночи, еще прекраснее. Пришел Хилковский (он кончил университет). Мы вместе сидели внизу, на берегу под большим кустом бузины и болтали.

Вечер кончался, и ночь наступала,
И в душе моей тоской невнятной
Что-то безумно и долго роптало.
Упали последние тени,
А море прекрасное чудно звучало.
Мы рядом сидели вдвоем,
Стихи мы друг другу писали;
И прошлое все вдруг воскресало,
И снова увидел я светлого утра
Весеннего яркий рассвет,
Прогулки вдвоем, наши встречи...
Но время бежит, вот и десять прошло.
И близко разлуки нам время.
На скамейке в саду мы сидели вдвоем,
Перед нами обрыв и открытое море...
Мы молчали, наши сердца за нас говорили,
И нам волны вдали чуть-чуть слышно вторили.
Я расстался с тобой наконец!..
Час разлуки, томительный час,
Зазвенели дрожащие струны,
Загудели они, залились...
Я уехал печальный с думой тоскливой
И опять очутился в родимом краю.
Я увидел людскую неправду и злобу
Среди близких родных мне людей.
Я тогда вспоминал о тебе.

В дневнике перерыв в полгода.

СПБ. 1 декабря 1913 г.

Сегодня снова обычный день в этом сезоне. Я встаю в начале четвертого. Вчера после длинного дня я лег рано и проснулся также рано. Но я валялся, не вставая. Наконец одеваюсь, жду Семена. Приходит Агаджанянц, я даже не одет. Ему нужно занять 10 р. Занимаю. Идем вместе в столовую обедать, прихожу домой. Делать нечего, да и не хочется. Заходит Лидия Марковна, сидит Борис Васильевич. Какое-то противное и тягостное настроение. Тут же Клеша. Сидя с этими людьми, невольно попадаешь под общий уровень. Что-то тяжелое гнетет и давит тебя, что-то мешает твоей мысли свободно развернуть свои крылья и полететь на простор. И сам я как-то вошел в пошлые интересы этих людей, вместо того, чтобы резко критиковать их или тянуть за собой. Судьба наша вяжется из массы почти незаметных сцеплений. Что теперь привело меня к такому времяпрепровождению после так хорошо начатого года? Приехал Боря, влияние Лидии Марковны создало какую-то цепь, которую я сначала не замечал, а потом не сбрасывал с себя. У меня создалась даже особая теория, по которой человек на себе должен познакомиться не только с безнравственным, но и с пошлым. Вообще говоря, и сейчас не имею ничего против таких умонастроений, но только слишком уж заела меня эта жизнь и чересчур надоела она мне, особенно при виде новых горизонтов.

Пошел в институт слушать лекцию о подводных лодках. Вернулся к 10, зайдя еще на Царскосельский вокзал.

Мне стало до жути больно, больно за свою глупость, за весь беспутный месяц. Я брился, принял душ, мигом оделся и около 12 был у Суручанов. Я извинился перед Софьей Матвеевной. Здравоваюсь. Из новой публики м-м Гаранович с сыном и дочерью. А так, те же: Милочка, Лозинский, Шуманский и т. д. Вечером особого оживления не было.

Чувствовал я себя великолепно, и если и пришел я после тяжелых дум, то ушел в начале четвертого с легким сердцем.

Безусловно, я этим обязан Миле; она так чиста, невинна, от нее веет такой искренностью, соединенной со зрелыми взглядами. Среди, быть может, иногда вульгарной обстановки она выросла великолепным махровым цветком ослепительной белизны. Из ее груди я слышу

хорошо знакомый голос моей молодости. Этот кристальный звук, который не заглушить никакими вопросами. Мила сказала мне про свой дневник (я горячо советовал ей начать писать его). Теперь он подвигается вперед, и Мила спешит урвать для него каждую минуту. На меня пахнуло от ее слов чем-то таким теплым, они что-то тронули у меня внутри, заставили мирно дрожать давно молчавшие струны. Меня трогало то невинное, детское отношение к жизни, которое я вижу у нее. Ведь я так жадно, стремился вновь найти это потерянное сокровище, я знал о нем, но не умел или не хотел воплотить его в жизнь. Ее смех, голос, во всем чувствуется теплое и душевное.

На днях как-то Мила говорила, что начала вести дневник и в случае смерти завещает его мне. Так она, улыбаясь, выражала желание узнать мой характер, и в этих словах я чувствовал всего живого человека. Полушутя, полусерьезно играли мы в шалости Амура, она задавала неизменный вопрос о любви, или люблю ли я ее. Я отвечал, что конечно люблю. И теплые неглубокие слова игры претворялись в нечто глубокое, осмысленное. Люблю ли я ее в самом деле, я не отдаю себе отчета; нет, скорее, я не люблю. Но мне хорошо одну минуту побыть около нее, мы говорим о серьезных вещах, но так мило и просто, что они веселее самой непринужденной болтовни. Когда я сижу рядом с нею, у меня внезапно превращается в воду давно накопившийся лед горечей и обид, непонятных мыслей и неразделенных чувств.

Я вышел, условившись заранее завтра идти в Эрмитаж. Я сворачиваю на Петровскую набережную, медленно иду и присаживаюсь на деревянной скамейке, кругом облепленной тающим снегом. Я иду и все время думаю, стоит ли любить, или есть нечто высшее, что запрещает нам отдаваться продолжению своего рода, что повелевает немногим избранным уходить, одиноко заниматься и, по словам Байрона, ослепнуть, чтобы открыть глаза другим. Этот роковой и взаимно неразрешимый дуализм все время передо мною. Ведь я ищу чувства любви не для чистого удовольствия и не из эпикурейских соображений; позывы такого рода слабы во мне и я никогда им не отдамся. Но мне минутами кажется, что нечто более важное, святое двигает мной. С другой стороны, я обращаюсь к чисто субъективным переживаниям, я ощущаю взаимную непримиримость обоих положений. Брак, любовь

при теперешней жизни внесет в нее струю пошлости, мелких забот. Я чувствую, что едва ли и здесь меня поймут, как не понимали и раньше. И что весь этот идеализм сойдет как лак с плохо лакированного дерева.

Из всего передуманного у меня невольно возникает мысль. Как же я сам отношусь к Милочке: думаю ли я о будущем? Нет, я ни о чем не думаю. Для меня она сейчас художественный образ, символ, но это не нечто абстрактное, бесплотное, а живое.

Я сидел один на Петровской набережной и на душу мою спускался поразительный покой. Я оглянулся на полузамерзшую реку, на мутное небо с луной, просвечивающей через бегущие облака, я восторгался всем, что видел кругом. Я медленно шел по Троицкому мосту, и у меня вырывались отрывки стихов, иногда связанные и гармоничные, а иногда нестройные, я восхищался мутной задумчивой луной, серыми туманными облаками, душа была полна, мне хотелось петь, слагать длинные звучные стихотворения — не брюсовские, не бальмонтовские, но пушкинские и лермонтовские.

Я направился по набережной и дошел до Адмиралтейства; стояла тихая ночь, только дворники подметали тротуары; вот вдали Зимний дворец. А уже откуда-то несется протяжный колокольный звон. Я бодро шагал. Вот за решеткой дворец и за ним первый фасад Адмиралтейства. Я невольно останавливаюсь, очарованный красотой этого вида. Вот за строящимся мостом памятник Петру Великому, спасающему кого-то на Охте. Я стал перед ним. И внезапно всем существом своим я почувствовал силу бодрой жизни, кипучей, деятельной, ощущение этой жизни было некогда знакомо мне, но потом оно стерлось, исчезло. Оно уступило место поре беспризорных блужданий, внутренних исканий. И вот эти порывы и сомнения показались мне мелкими и ничтожными перед всей широтой и многообразием действительной жизни.

Я дошел до Сенатской площади и сел на гранитную скамью набережной. Передо мной, величаво вскочив на дыбы, стоял медный всадник, а за ним своей мощной громадой темнел Исаакиевский собор. Слышен был дальний благовест, звон колоколов то умолкал, то они гудели все ближе и слышнее. Но вот с сонных громад собора отделился и поплыл мерный, торжественный

звук. Сначала один, потом другой, и чем далее, тем чаще и чаще. Звонили к заутрене. Я долго сидел там. Шинель моя успела промокнуть, облепиться снегом и даже чуточку примерзнуть. Я сидел и думал о Миле, которая теперь спокойно спит в своей постельке, о тех тысячах людей, которые бьются о жизнь, как об лед, я думал о сером безучастном небе. А колокола все гудели и гудели, их торжественный звон уносил душу человека туда, ввысь...

Наконец я встал и пошел к собору пройтись под его мощной колоннадой. Чуть брезжила заря... Я пошел домой. К моему удивлению, Боря еще не спал. Писал немного и скоро лег спать.

2.XII-13 г. СПб. Воскресенье. 4 ч. утра.

Встал, бегу к Суручанам. Завтракаем. Едем в Эрмитаж. По дороге почти ни о чем не говорили, так как около нас увивался Федя. Приходим, встречаем Лозинского. Начинаем осматривать картины, осмотр идет небрежно, Яша перекачевывает с места на место. Это меня злит, я иду рядом с Китей. Она хочет добросовестно посмотреть хоть кое-что. Выходим. Меня охватило какое-то неприятное чувство. Я все время думал и думаю, мог бы я полюбить женщину, не показалась бы она мне через некоторое время бесконечно пошлой и не потянуло бы меня к другой? Я был бы несправедлив, это было проявление живости молодого человека, которому, быть может, я сам не сумел внушить то, чего требовал потом.

Мы пришли к Невскому. Я с Милой. Сели на 4-й номер и доехали к Охтенскому мосту. Посмотрели на мост и поехали домой. Все время я не отходил от Милы, она как будто сама хотела остаться и поговорить со мной. То сидя вместе на скамейке, то стоя у дверей, мы непринужденно болтали. Больше говорила Мила, я слушал от нее ответы и постановку тех вопросов, которые с раннего детства волновали ее, на которые ей не хотели отвечать или отвечали урывками. «Знаете, Сережа, — говорила Мила, — еще маленькой девочкой я много думала о разных вопросах, на некоторые из них мне и не могли ответить, но меня больше всего обижало, что многое от меня скрывали и говорили совсем не то, что

я хотела знать — лучше совсем бы не говорили». — «Я отлично понимаю вас, — отвечал я, — мне самому случалось испытывать то же, хотя окружающие и придерживались того правила, что нужно говорить все или ничего». — «Знаете, я много думала о браке, почему люди бывают несчастливы». Мила говорила, что в молодости нужно увлекаться, нужно ухаживать, можно веселиться, но, выйдя замуж, человек должен помнить свои обязанности, то, что позволительно в молодости, уже потом придется оставить. «Знаете, Сережа, я все-таки бы вышла замуж за богатого скорее, чем за бедного, все-таки с бедным не может быть такого равенства». Я говорил в свою очередь: «Браки бывают несчастными, так как люди не знают, для чего они женятся, нельзя жениться или выходить замуж только для эгоизма, для взаимного наслаждения любовью. Любовь должна быть не целью, а средством. Средством, скрашивающим невзгоды и украшающим жизнь. Нужно, чтобы у людей было дело, которое они сообща любили». «Да, с каким удовольствием я помогала бы мужу, — говорила она, — или же читала то, что он написал; затем нужно уступать друг другу; а что вы думаете насчет ревности, я не могла бы не ревновать». Во всех ее словах было слышно искреннее чувство, иногда она говорила и останавливалась, как будто бы не договаривая, иногда казалось, что слова ее не кончатся. Когда мы выходили из картинной галереи Эрмитажа и на минуту зашли в нижний этаж посмотреть ассирийский и вавилонский отделы и древнюю культуру, она спросила меня: «Знаете ли, я давно хотела задать вам один интересовавший меня вопрос: счастливы ли вы?» — «Счастлив ли я, — нет, такого счастья, которое понимает большинство, у меня нет, мир в области личных отношений для меня чужд, у меня нет близких людей ни среди семьи, ни среди моих знакомых. Я любил, но одни смотрели на меня, как на выгодного жениха, другие были ближе ко мне, но когда я начинал говорить с ними на языке моих мыслей, то меня считали сумасшедшим. С этой стороны я не смог подойти к миру и потому то, что все называют счастьем, у меня сейчас нет и быть не может и не будет. Короче говоря, я не надеюсь, или надеюсь очень слабо, что мне удастся найти человека, с которым я мог бы близко сойтись, чтобы мы поняли друг друга.; мне кажется, что вслед за

близкими отношениями нахлынет целое море пошлости».

Я не мог удержаться, чтобы не сделать маленькой вставки и отразить нахлынувшие на меня мысли. Мне кажется, что я не ошибусь, поставив вопрос о таком счастье в тесную зависимость с отношением к женщине (о ином возможном счастье я буду говорить далее). Такое счастье я понимаю, как настроение длительной слитности и слитности гармоничной с окружающим миром, и такая слитность не только требует утверждения вокруг лучшего порядка, но и стремления к воплощению в этом мире новой жизни. Для этого нужна женщина. Какую же женщину я мог бы полюбить? Мне кажется, что моему духу ближе два типа — одинаково чистые, одинаково неиспорченные жизнью. Во-первых, «простая» женщина с невинной душой. Под словом «простая» я не хочу сказать необразованная, неотесанная; наоборот, она может знать и читать очень много, но существенным свойством ее жизни будет служить — отсутствие потребности в драме, не искание, а боязнь драматизма в жизни. Ее идеал дети и семья. Но я верю, я чувствую, хотя и не знаю, что существуют иные существа, необыкновенно женственные, которые или молча внимают тому, что говорят мужчины, и в этом внимании есть что-то великое и святое (Монна Лиза), или они вступают в борьбу с мужчиной, в борьбу, лишенную какой бы то ни было подкладки необходимости, борьбу, которая базируется на одном внутреннем чувстве. Такая борьба не может продолжаться всю жизнь, это ясно, но она является великолепным преддверием к любви.

Но существует иное отношение к миру, правда, холодное, жестокое, но к нему я неизбежно пришел, разувшись во всем теплом и нежном. Я не стал более искать, скорее я стал со стороны наблюдать, изучать мир. И после такого внутреннего перелома я достиг спокойствия и независимости от судьбы и, если хотите, счастья. Да, я счастлив, но совсем не так, как понимает большинство это слово.

От Охтенского моста на семнадцатом номере мы поехали обратно к Инженерной. Мила стояла у дверей. На ней было длинное пальто с меховым воротником и отороченная мехом шапочка. Шеи она ни за что не хотела закрывать кашне, и потому она все время была открыта. Мила рассказывала о своей силе воли: «Я с ран-

него детства закаляла себя; например, я что-нибудь ем, и мне это очень нравилось, но я нарочно бросала кусок, и мне было приятно отказаться от него».

Наконец, мы приехали к ним.

Сидели у Милочки в комнате, беседовали. Милочка доставала тетрадки. Яша ей что-то писал. Я беседовал с Китей, но, видно, она меня чуждается. Ей кажется, что все подходят к ней из милости. Не знаю, но у меня никогда ничего подобного в мыслях не было. Обедали... Егор Федорович рассказывал про последний вечер на Китиных именинах и поразил меня верными и глубокими наблюдениями. Остальную часть вечера до одиннадцати часов сидели в гостиной; Яша все время не отходил от Милы. Я не мешал ему и сидел с Китей. Мы уехали. В трамвае Яша кое-что говорил о Суручанах, но разговор не клеился.

4.XII-13 г. Среда. СПб.

Днем с Борей поехали поздравить с именинами Варвару Карловну Губер. Вечером я, Боря и Яша пошли с Суручанами в иллюзион. Я шел с Софьей Матвеевной, мы сидели вместе. Я беседовал с ней о чувстве вообще, она говорила, что по ее мнению, человеку все можно, нет запретного, я возражал против этого.

Обратно я шел с Милочкой; она сказала, что хочет мне что-то сказать. Когда мы подошли к дверям их дома, она сказала: «Сережа, вы сегодня замечательно интересны». На меня пахнуло струей чего-то теплого, нежного. Действительно, несмотря на бессонную ночь, я чувствовал себя на редкость оживленным и душевно сильным. Милая Мила, как искренно и без прикрас были сказаны твои слова.

7.XII-13 г. Суббота. СПб.

Вечером у Суручанов. Приезжаем на извозчике. До нас пришел один Яша. Позже собрались остальные. Особенного веселья не было, но чувствовал я себя очень мило. Кое о чем беседовал с Милочкой, но только мы долго не сидели. Разошлись около четырех. Приехали домой, зашли попрощаться к Лидии Марковне (Боря завтра уезжает) и скоро легли спать.

С утра укладываю Борины вещи. Он поехал прощаться. Когда он приехал, почти все было уложено. Сели, выпили чай и поехали на вокзал. Еще никого не было. Потом появился Яша. А вскоре и остальные. Последние полчаса тянулись как-то длинно, скучно. Сейчас мне было жаль, что Боря уезжает. Вот мы попрощались, поцеловались. Он вошел в купе и смотрел через окно. Поезд длинный, впереди в полумраке пытит паровоз. И меня охватило грустное настроение. Мне было жаль Бороного отъезда, жаль быстрого бега жизни, короткой жизни, который все уносит в далекую мглу. Поезд два-три раза трогал и не мог тронуться с места. Наконец вагоны покачнулись, дрогнули, раздался привычный лязг, и окно купе двинулось медленно вперед. Я шел следом, поезд поехал скорее и скрылся. Я проводил м-м Губер до трамвая. Потом поехал домой, быстро переоделся и поехал в Малый театр. Меня пригласили в ложу Суручаны. Шла пьеса «Сердце мужчины». По замыслу это драма, но в ней ни с того ни с сего вставлен ряд комических сцен, так что получается какое-то дикое впечатление, скорее не получается никакого впечатления. Обрато меня провожал до института Федя. Мы с ним много говорили о жизни, о знакомых, между прочим о Милочке. Я пришел домой, спать мне не хотелось, и я, лежа на диване, мечтал и думал. Потом вдруг я вспомнил, что в пятницу идет «Лоэн-грин» с Собиновым, а во вторник продажа билетов. Я потеплее оделся и пошел к театру. Записался в очередь 39 номером. Стояла светлая морозная ночь. На синем небе блестели звезды, под ногами похрустывало. Славная была погода. Запись на очередь вел один студент политехник, высокий, рослый мужчина. Я с ним гулял и разговорился. Ему 29 лет. Это бывший студент Томского технологического института. Его «вытурили» от туда во время беспорядков и послали по этапу в Амурский край. Теперь он в политехникуме¹ вольнослушателем на первом курсе. Хочет в будущем году перебраться со своего инженерно-строительного на кораблестроительное отделение. Служит он здесь в каком-то управлении. От него всего веет железной силой,

¹ Политехнический институт.

мужеством, жизнерадостностью. Все тревобления, которые он испытал, не заставили его проронить ни слова жалобы на свою судьбу; наоборот, от его мощной фигуры, от немного утомленного лица веет необузданной силой и мужеством. На нас, людей, часто имеют влияние книги. Но несравненно большее впечатление производят на нас цельные, живые люди. Впечатление, произведенное им, было особенно сильно и потому, что пришлось оно как раз в пору моим настроениям. Я сейчас же понял, чего мне не хватает, чего мне стоит добиваться и что мне нужно бросить навсегда.

Вдруг настала та минута, когда «человек возвышается до познания». В такую минуту человека не может ужасать возможность смерти, даже и близкой; и вот я увидел, что мне недостает богатой, разнообразной общественной деятельности, и главное—она тут, передо мной, налицо. Та деятельность, которую я люблю, которая даст мне возможность широко и разносторонне познакомиться с Русью-матушкой. На меня пахнуло горячим пламенем чего-то неиспытанного, незнакомого. И я страстно к нему потянулся. Я понял, что единственный возможный для меня исход — это кипучее, захватывающее дело. Мне нужно безоговорочно покинуть мои склонности к созерцательной жизни; быть может, когда-нибудь они принесут свои плоды, но сейчас они поведут только к расслаблению.

Я дежурил почти до 10 утра. Этот студент познакомил меня с курсисткой, пришедшей сменить его, звали ее тоже Мила. Я гулял с ней взад и вперед около театра, заходили, ели булки и грелись в кондитерской. Время шло незаметно и хорошо. Интересной ее назвать нельзя, но лицо у нее было очень милое, одета она в теплое пальто с мехом, на голове черная бархатная шляпа; с двумя бархатными же высокими и узкими крыльями.

9.XII-13 г. Понедельник. СПб.

Пришел я домой к 10 утра. Переоделся, немного посидел, потом отправился в Институт, попил чаю, зашел в библиотеку и взял для Милочки афоризмы Оскара Уайльда. К 12 я был на перекличке у театра. Пришел домой, лег спать, просыпаюсь в 4-м часу. Одеваюсь. Иду обедать к Суручанам. Были Петя и Саша. Время

по обыкновению прошло хорошо. Особенного веселья не было, не было и нежных разговоров с Милой. Я рассказал Миле и Ките, что дежурил у театра (что они, конечно, не преминули разболтать на следующий день Софье Матвеевне). Вечером я больше сидел с Китей; она уже лучше относится ко мне и не чурается, как прежде. Она спрашивала меня о моей будущей жизни, о моих планах. Я особенно не распространялся. Говорил, что у меня сейчас есть дело, которое я люблю, что я буду делать, не знаю еще, но как я буду работать—это я знаю. Подали кофе с ликером, я выпил чашечку с рюмочкой бенедиктина, попрощался со всеми и ушел. В начале двенадцатого я был дома. Переоделся, выпил стакан чаю и побежал к театру. В двенадцать ночи переключка. Я свободен; иду по Офицерской и по Казанской на Невский, зашел в ресторан Федорова, закурил, выпил бутылочку моего любимого портера и веселый, радостный пошел обратно. Как и вчера, стояла дивная ночь. Мой вчерашний сосед все стоял на своем первом месте; к двум его пришла и сменила одна девушка. На ней было теплое пальто и зеленая фетровая шляпа, поднятая спереди и опущенная сзади. Она была среднего роста, с милым, нежным, прерывающимся голосом, и скорее напоминала маленькую девочку, а не курсистку, уже третий год живущую в Петербурге. Я невольно залюбовался ее лицом, такое оно было милое, нежное. Она стояла все время молча, приткнувшись к дверям. К двум часам начали лезть хулиганы, их человек пять насильно втиснулись в первые места. Этой курсистке просто покоя не давали, так что я стоял все время около нее. Ей, видно, было холодно. Я снял башлык и предложил ей стать на него, она отказалась, тогда я закутал им ей ноги. Потом я его взял. Она почти ничего не говорила. В три часа ночи была переключка, потом я съездил домой взять еще денег. Это был самый разгар войны с хулиганами, мы стойко держались и проверяли очередь. Часам к шести я зашел в чайную «Огонек» по Офицерской улице. Посидел, погрелся, покурил, иду обратно, по другой стороне театра к Торговой. Встречаю стоявшую в очереди курсистку. Подошел, начался разговор. Как раз в этом месте здание образует полукруг. Мы прошлись раза три взад и вперед. Говорили немного о театре, об опере, артистах.

Это был наш первый и последний разговор. Она скоро ушла. Но не знаю отчего, ее слова запали глубоко мне в душу, мне все еще слышится ее милый прерывистый голос и кажется, что я вижу перед собой ее стройную фигурку.

10.XII-13 г. Вторник. СПб.

Очередь наконец кончилась, в десять часов открыли кассу. Публика составила сплошную живую очередь и напряженно ждет. Тут же сбоку стоят выкинутые из очереди барышники, физиономии у них хулиганские, потерявшие всякий человеческий облик. Двое из них в пальто, физиономии мрачные, насупившиеся, стоят они сбоку, недалеко от дверей, третий в фуражке стоит около них. Между публикой все время виляет один шустрый парень. Он как-то хотел втереться в очередь, но публика очень энергично взялась за него и его выкинули. На нем синяя фуражка, куртка из голубого сукна, серые брюки и простые ботинки. Борода бритая, усы спереди подстрижены. Выражение лица отталкивающее до невозможности, после провала с очередью он с откровенным нахальством сознался, что пролез не в очередь.

Очередь кончена; показалась полиция, впустила одиннадцать человек. Лож было в продаже девять, так что мне, стоящему на девятнадцатом месте, на получение не было надежды. Неудача меня совсем не удручала. Я так хорошо провел эти две ночи, перечувствовал столько нового, что ради этого одного стоило бы дежурить.

Я ехал домой, и из моей головы все время не могли выйти образы хулиганов и этой курсистки, я задумался над жизнью, ее глубиной, цельностью и многообразием.

Вернувшись домой, я, как обещал вчера, позвонил Милочке. Федя ответил, что Мила спит. Но оказывается, ее разбудил мой звонок, она вскочила и, едва одевшись, подошла к телефону. Говорили мы недолго. Я разделся и лег спать и спал до шести вечера. Меня вызвали по телефону, говорила Милочка. Приглашала зайти пообедать и пойти в иллюзион. Одеваюсь, приезжаю к концу обеда. Сидим в гостиной. Милочка говорит, что потом скажет мне что-то важное. Мы сидим на большом красном диване в правом углу у печки.

Милочка пока не хочет говорить, я прошу ее. Тогда она говорит, что потом, когда мы пойдем в иллюзион. Наконец, она говорит: «Я вас люблю»... Слова эти зазвучали так спокойно, с такой внутренней боязнью в голосе, но так искренне, с такой тоской, с таким чувством. Но что же я ответил на них, на это бесценное признание, вернее, полупризнание юной души? Я ничего не ответил. Тогда, когда передо мною раскрылась до последних тайников, чужая душа, тогда, когда человек говорил слезами, послушал ли я его сердцем? Нет, я этого не сделал. Моя мысль пошла по старому шаблону. Я подумал то, что до сих пор думал о Милочке. И в сущности ничего не ответил. Я только улыбнулся и сказал полушутя: «Конечно, я вас люблю». Когда я беседовал и сидел с Милочкой, я видел, что я ей нравлюсь, и меня это смущало. Я видел в Милочке богатого человека, и достаточно наблюдая людей, я знал, что это всегда будет разрушать ту гармонию, которая может наладиться между людьми. И я старался отделиться от нее. Но внутренне и незаметно для себя самого привязался к ней, я ее полюбил, я это сразу же почувствовал, и опять все эти обстоятельства клином врезались в мои чувства, и острота их прошла.

Я был груб, глуп, все что угодно, кроме человека с чуткой душой. Мне глубоко стыдно вспоминать, как мы шли потом в иллюзион и как бесконечно мила она была со мною. Но, как едко сказала, когда мы выходили из парадного и пошли направо: «Не скучно ли вам, Сережа, со мною?» Наконец мы сели и все время говорили. Она мне рассказывала многое из прошлого, из своих первых увлечений, о своей первой любви. И во всем этом было столько бесконечной правды. Я проводил ее. Сидел у них до 11 часов. Снова такой разговор не налаживался.

Я вышел. Я давно себя так не чувствовал. Я чувствовал себя кающимся грешником; жизнь, окружающая меня, навлекала на меня массу грязи, я огрубел душой. Я лишь твердо решил так или иначе разделаться с этой жизнью. Но сейчас я в ее цепких когтях. И вот Милочка сняла с меня эту грязь. На сегодняшний вечер я был от нее свободен. Но что я почувствовал! Мне хотелось рыдать, плакать, рвать на себе волосы. Я нарочно тихо пошел пешком, несмотря на крепнувший мороз и

мою летнюю шинель. Я перешел Троицкий мост и пошел до Дворцовой набережной. Но потом вернулся. Сел на трамвай и поехал до Сенной площади. Оттуда пошел пешком. Давно я не чувствовал себя так хорошо. Я декламировал свои стихи. И, насколько помнится, все выходило связно и красиво. Я шел домой, было холодно, руки дрожали. Но внутри, в душе, было так светло и тепло. Мне не спалось. Я долго думал, мечтал на диване. Потом лег спать и все не мог заснуть. Передо мною витали прекрасные видения, лазурные создания неведомого мира, сказочные мечты. Это подарки невидимых амуров, которые прилетели, принесли их в подарок и молили воплотить их в жизнь. Они мне говорили: «Люби, страдай, жертвуй, не будь холодным, угрюмым, рассудочным». И я слушал их всей душою и засыпал под их чудное пение.

11.XII-13 г. Среда. СПб.

После двух бессонных ночей я спал много и проснулся в четыре часа дня. Умылся, оделся, забежал на минутку в столовую увидеть некоторых товарищей, но уже было поздно. Я никого не застал. Поехал к Суручанам, выпив по дороге чай в Квисисоне.

Вечер прошел бессвязно и разбросанно. Я много говорил с Китей. С Милой у меня не клеился разговор; я не мог вести при всех глупый светский разговор, когда мне нужно было говорить совсем о другом. Милочка плохо выглядела. Говоря с Китей, я рылся в своем бумажнике и затем случайно нашел написанное еще летом письмо к Оле Маноли. Подошла Милочка, спросила, нет ли здесь карточек; я сказал, что карточек нет, но что есть письмо, которое я прочту. Милочка согласилась. Я пошел в столовую выпить воды и прочел ей письмо, это было написанное в шутливом тоне письмо к Оле Маноли. «Как вы хорошо пишете», — сказала она, и голос ее дрогнул. К двенадцати я ушел с Петей и Сашей. Мы вместе ужинали, потом мы поехали домой. Я сидел один до 8 час. утра. Сначала я принялся за стихотворения, но, по обыкновению, ничего не вышло. Я сел, писал дневник, писал и думал; так прошла вся ночь. Настало утро. Поплыли серые предрассветные сумерки, потом сразу стало светло. Я смотрел и не мог наглядеться.

Все было бело, кругом стоял светлый морозный туман. Здания теряли свои очертания и скрывались в белеющей мгле. По улицам взад и вперед сновал озабоченный люд. От всего этого веяло жизнью. И я сравнил все это с собой, со своей жизнью. Вот я переберусь на другую квартиру, и не буду видеть этого более. Вот жизнь моя будет идти... я состарюсь. А этот уголок улицы будет тот же, те же нахмурившиеся дома слева, тот же институт с двумя куполами: один — слева, а другой — с главного фасада, и внизу взад и вперед будут также сновать люди. Но мне не было печально; наоборот, я радовался этой реке жизни, которую вечно обновляет человечество. Я невольно вспомнил деревню и ряд серебристых тополей в цветнике. Была ночь, и я так же стоял у окна. Дул легкий августовский ветер, и листья уныло шумели, то и дело поворачиваясь своими светлыми сторонами, так что все дерево то светлело, то темнело. И в этом шелесте я слышал заунывную музыку жизни, которая проходит навсегда, и мне было грустно...

Что такое жизнь? и как я отношусь к ней сейчас?.. Я понял мудрость мироздания и вижу смысл в нашем бренном существовании. Что делать и как жить — я знаю. Надо жить жизнью обыкновенных людей, но сделать ее цельной и гармоничной.

Что такое наша жизнь — этого просто сказать нельзя. Это можно только почувствовать. Нет сказочного загробного мира. Поэтому мудрость нужно искать не у философов, а у жизни. Большинство философов наших дней — люди без гармоничного развития. Они прошли через пороки, освободились от них, но в них замер человек жизни. Поэтому из философской литературы я особенно ценю Леонардо да Винчи. И одним из самых мудрых правил считаю изречение Гете: «Только в труде человек познает самого себя».

12.XII-13 г. Четверг. СПб.

Встал в полдесятого. Меня вызвала Любовь Павловна. Я поехал к ней по делу. Была у нее Нина. Провожал ее обратно. Зашел к Пете и Саше, затем домой. Стоял крепкий мороз. Все деревья покрыты белым инеем, точно заколдованы.

Сегодня я сидел один, мне нездоровилось, я потушил

электричество и долго, полулежа на кушетке, мечтал. Я заметил, что когда наше тело угнетено чем-либо, мысль наша замечательно работает; в сущности, тучное, здоровое тело служит задерживающей причиной для действия души, а когда мы больны, последняя отвоевывает свои права.

Пришел и сидел Клеша. Наконец он мне надоел, и я попросил его уйти. Я так и заснул на диване полуодетым и проснулся на следующий день к 12 часам.

Днем звонила Милочка, была в ужасе от моей «болезни», даже Софья Матвеевна справлялась о моем здоровье. У женщин какая-то инстинктивная забота о теле, и они почему-то всегда игнорируют дух.

13.XII-13 г. Пятница. СПб.

Встал. Говорил с Милочкой. Она еще раньше звонила, но ей сказали, что меня дома нет. Она спрашивала о здоровье, приглашала обедать.

Целый день я крутился по городу. Обедал у них. Едем с Федей провожать Петю и Сашу. Сижу вечером до 11 у них. Я принес Милочке рассказы Чехова и свою тетрадь, свою черновую тетрадь, в которой в прошлом году я вел дневник и в которой я вел заметки па всевозможные темы. Я кое-что прочел. Сначала с Милочкой я пошел в ее комнату и ей одной прочел стихотворение «В дороге». Потом прочел еще несколько заметок и два-три стихотворения. Мои вещи ей очень понравились. Затем мы весь остаток вечера провели в гостиной. Мне хотелось многим поделиться с Милочкой, но я ничего не говорил. Было какое-то настроение безразличия. Мной овладела гнетущая скука. Я не мог уйти. В одиннадцать Милочка пошла спать, и я уехал. Прошел немного по Каменноостровскому и на третьем номере трамвая доехал домой. Сегодня стоит градусов 12 мороза. Я сидел до б утра, писал дневник и много думал.

Приезд в Бессарабию на каникулы

1.1 1914 года. Кишинев.

„Кредо“

Пора, наконец, подвести итог четырем с лишним годам городской жизни. С чистыми к невинным душой и разумом, не зараженным гнилью, которая таилась

в окружающей среде, я вступил в городскую жизнь. Никто меня не направлял, не поддерживал. Эти четыре года были длинным кошмаром, среди которого изредка проглядывали дивные сны. Они были наследием прошлого, чистого и непорочного. За эти годы я многое извдал. Это было необходимое следствие окружающих меня фактов. Это была роковая битва, долгая и изменчивая, в которой я за недолгой победой терпел жестокое поражение за поражением и часто падал... Я был смешон и беспомощен. Чужие были ближе и дороже своих родных. Судьба дала мне замечательный урок, за который, однако, я заплатил соответствующей ценой. Слава богу, что я только не погиб. Я вышел с полной неугасимой верой в прекрасное и совершенное. Во всем внутреннем росте моей личности происходит замечательно важный момент. Я сознательно покидаю родную Бессарабию, с которой меня связывают воспоминания детства, родственные отношения и целая компания дорогих товарищей, с которыми я делил минуты веселья. Наконец с этой частью нашей планеты меня связывает чувство любви, нежное и глубокое. Но едва мне стоит дотронуться до всего того, что напоминает всю нашу жизнь, как меня затягивает в какую-то тину, в которой я медленно задыхаюсь. Мне нужно смело отказаться от всего этого. Взглянуть на мир божий смелыми решительными глазами. Мне многое нужно. Откровенно заглядывая в свою душу, я в великом раздумье насчет будущей судьбы. Я по-прежнему верю в себя. Сила и решимость меня не покидают. Но мною овладевает боязнь, что, оторвавшись от жизни, я стану пустоцветом. Я хотел бы создать что-либо большее, чем несколько открытий в области отвлеченных наук. Иначе говоря, в моих глазах понемногу возникает идеал всестороннего и гармонично развитого человека. Я чувствую, что, очутись я в другой обстановке, из меня вышел бы сильный человек; но меня засосало.

Но надежда есть! Даже если мне суждено будет сейчас же погибнуть, я верю в мир.

Стоит ли давать самому себе практические советы? Нет, не стоит; я сам отлично знаю, что мне делать.

Главное — это решимость. Не надо создавать искусственных преград из голых истин. Если другие не создали мне жизнь, то пусть я сам создам жизнь не только себе, но и другим.

Навсегда конец такому геморроидальному творчеству, регистрации событий и беспредельной глупости.

Среда. 1.1 1914 г. Кишинев.

Я сижу около Таши, разговор особенно не вяжется. Таша в черном шелковом платье с разрезом. Ноги ее обуты в черные лакированные туфельки, одетые сверх нежных ажурных чулок. Одета она очень изящно, эффектно. Таше холодно. С кушетки она перебирается на кресло. Я грею ее руку у себя на груди и нежно прижимаю другой рукой. Зажигаем елку. После отрывочных разговоров понемногу втягиваемся в общую беседу. Я говорил многое очень откровенно о себе, быть может, и слишком откровенно. Я объяснил ту общую руководящую идею, которая была главной направляющей в моей жизни: из-за нее я поступил в институт, но она оттягивает меня от Бессарабии. Я начал с того, что сказал, что во мне живет душа революционера, и отсюда я последовательно вывел весь смысл моей жизни. Женя со мной вначале не соглашался, спорил, прочил мне или сумасшествие или возврат к прошлому. Но я ему показал то небольшое, что достигнуто мной; когда он воочию увидел, что я не даром покидаю насиженные места, то он со свойственным ему энтузиазмом и непостоянством стал ругать лицей и превозносить мой институт. Но едва ли это надолго, хотя Женя во многом переменялся с конца августа, когда я его видел в последний раз.

В сущности, зачем я хожу к Горе? Снова в мою жизнь проникает отрава дикого чувства.

Я пошел домой. Мутные тучи плыли по небу, их освещала туманная луна, а на земле все тихо, безмолвно, окутано белым, саваном.

Что чувствовал я, проходя по этим как бы нарочно безлюдным улицам со скрипучим снегом под ногами? Во мне клокотало великое чувство жизни, меня томила эта уходящая любовь, между которой и мной встало столько обманчивых преград. Но пусть, я громко смеюсь, воля моя сильна; пусть, пусть, пусть...

Пятница. 3.1-14 г. Кишинев.

Я проснулся в великолепном настроении, долго дремал в постели. То я облакачивался и думал, то я снова засыпал. Мной овладело бодрое радужное настрое-

ние. Потом в полтретьего я быстро соскочил, умылся, оделся. В 4 пообедали. Еду с мамой к Шуманским, их нет дома. По дороге говорю, что вечером не буду дома. Мама потом спрашивает: «Ты будешь у Горе?» — «Да», — ответил я. И в этом вопросе было что-то слабое, безвольное, нечто, указывающее на затаенную боязнь, недоверие. Я ничего не ответил. В начале седьмого я у Горе. У них Петр Юрьевич. Вскоре приходит Женя. Сидим в кабинете, в камине горит огонь, электричество потушено, пламя извилистыми языками ярко вспыхивает, то вдруг гухнет и замирает. В 8 ушел Петр Юрьевич. Вечер прошел внешне довольно тускло. Я умудрился разбить какую-то фарфоровую куклу и часы, стоявшие на полке, к явному неудовольствию Надежды Дмитриевны. Я сидел рядом с Тасей, Женя — с Валею. Мы мило беседовали. Милая Тася, я, кажется, никогда не испытывал к ней столько нежности, как сейчас. Я ей сам сказал: «Мы друг другу близки и далеки». Близки потому, что мы верим друг другу и друг в друга. Тася рассказала свое, я свое. Я нежно прижался к лей, и моя голова лежала у нее на груди. Она меня несколько раз поцеловала. Вот все. Да, мы далеки. Она далека мне по духу, но больше всего виноват я. Я не зажег ее души своим чувством, я не приблизил жаром своего огня ее ко мне. Я этого не сделал. Я вместе с Женей ушел после 12 часов. На дворе стоял лютый мороз, меня немного пробирало в моем демисезонном пальто. Я дошел до Пушкинской. Мне захотелось есть. Я пошел вверх до Подольской и зашел в ресторанчик. Комната была убогая. Два-три столика с обтрепанной белой клеенкой. Истертый пол, скудный прилавок. За прилавком стоял официант с бледным лицом, с глубокими складками собравшейся кожи. Сбоку за столиком как-то неуклюже сидел городской. Он вытянул вперед ноги. Воротник его был поднят, и шапка нахлобучена па голову. Я подошел, выпил рюмочку «Рябиновой», съел несколько бутербродов с каким-то паштетом. Вошел какой-то человек, лицо его, замерзшее, выражало какую-то внутреннюю слабость. Он молча подошел, выпил стаканчик водки и что-то съел. Официант налил еще стаканчик и кивнул городскому; глаза городского оживились и заблестели, весь он как бы встрепенулся, поерзал немного, как бы не веря такому удовольствию, потом мерно встал и, не снимая шапки, молча опроки-

нул стакан, закусил куском огурца с хлебом. С меня следовало сорок пять; я дал полтинник и ушел. Под ногами скрипел снег. Сверху смотрели звезды. И у меня невольно напрашивалось сравнение между этим неуклюжим молодым городовым и Тасей. Я шел дальше. Мне было тепло. Даже жарко. Снег скрипел все сильнее и сильнее, а сверху блистало все то же звездное небо.

4.1-14 г. Кишинев. Суббота.

Сижу вечером дома. С вокзала зашел на минутку к Маноли, потом домой, весь вечер сижу с мамой, она пришла к нам в комнату, я лежал. Мы беседовали. Мне многое хотелось бы сказать ей, но как-то язык не поворачивается. Мама со своей точки зрения права, но все-таки она как-то узко, односторонне смотрит на мир, и с ее взглядами на жизнь я иногда не могу согласиться. Женщины вообще преследуют какой-то культ тела, это не мешает им употреблять слова «высший», «идеал» и т. п. Но все это в их устах лишено внутреннего значения. Поэтому за все время нашего разговора я слышал только охи и ахи насчет нашего питания, вставания, насчет денег, дел, но подумать о том, что внутри человека, что в его душе может все ныть и болеть, и этого им не понять. Такие женщины представляют себе жизнь поразительно плоской, они всецело подчинены закону сохранения рода. Да, есть другие женщины... но я их не знаю. Вечером меня всего знобило. Я закутался посильнее в плед. И отчего-то таким одиноким, затерянным я почувствовал себя в эту минуту; и мне было неприятно за людей, неприятно за себя. И единственное, что в эту минуту я мог бросить им в глаза, это слово «труд». Вот что вынесет меня из всех бед.

Воскресенье. 5.1-14 г. г. Кишинев.

Целый день воеет жестокая метель, хотя мороза нет. Я пошел к 5 к доктору Чорбе. Посидел, поговорил, попил чаю. Потом вышел в город. Сегодня день Тасиного рождения, ей двадцать лет. Вчера ее поздравляли. Но меня никто не пригласил зайти, хотя разговоры на эту тему были. Я пошел к Манькову, выбрал большую трехфунтовую коробку конфет и послал к Горе. Возвращаюсь

домой. Вокруг меня бегут и кружатся снежинки. Иду и ноги мои утопают в мягком, рыхлом снегу. Захожу к Сереже Лузгину. Сажу у него около часу. Сегодня вечером дома. Мама просила не уходить. Сидим, тянутся разговоры бессмысленные, заунывные о деньгах, о хозяйстве, о бессарабской политике. К десяти мама пошла спать, Боря тоже. Мама по обыкновению гонит спать. Ну как же я могу так рано идти спать? Маме никак не втолкуешь, что при вечерах невозможно вести регулярный образ жизни и также невозможно идти спать в 10 ч.; остался дома. Я сел читать «Реалистов» Писарева. Потом бросил книгу. Погасили электричество; прилег на диване в столовой. Меня охватили грусть и страх. Я встал, разделся и лег; в постели все страхи прошли.

Понедельник. 6.1-14 г. г. Кишинев.

Встал. Снова мамина воркотня. Ну, я не обращаю уже внимания. Обед. Вышел в гостиную, слушал партийные разговоры.

Потом делал кое-какие прощальные визиты.

Был у Горе. Все время говорил с Тасей. Тася оживлена. Благодарит за конфеты. Сажу я недолго, нарочно хочу показать, что я немного обижен. Тася спрашивает, зайду ли я попрощаться завтра, но я отнекиваюсь. Когда я ухожу в переднюю, Тася выходит за мной, просит писать из Петербурга. Ухожу. Первые три визита я сделал менее чем в час, не отпускал нигде извозчика. Здесь я сидел около двух. Много болтали с Вилей, Женей. Видел Марусю и Леночку.

Пошел к Руссо. Посидел, пообедал и домой.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

* * *

Письма к родным

8.1 1914 г. 11 ч. 50 м. веч.

Дорогая мама!

Еду я отлично, безо всяких опозданий. Жив, здоров. Валя себя хорошо чувствует, очень хорошо. Всюду снег.

Раздельная вся в сугробах. Крепко целую тебя, Боря и Степochку.

Твой Сережа
Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).

14.1 1914 года. СПб.

Милая мама!

Очень удивлен, не получив доселе ответа. Когда ты приезжаешь? В моей квартире сдается одна комната, большая, на улицу. Ты всегда бы могла ею воспользоваться. Когда едет Боря? Какие новости в Кишиневе? Здесь в газетах изредка вижу заметки о выборах. И в «Речи» была статья о «страшном скандале» с Пуришкевичем и о падении нравов в Бессарабии. Как Степа? Что в деревне? Я наверное выеду 24 февраля. Но если тебе нужно, мне ничего не стоит уехать 7-го. Вышли мне еще сто рублей. Будет на жизнь, дорогу и покупки. Если нужно будет рано ехать в деревню, то я могу поехать. Л ты приезжай сюда. Крепко целую тебя.

С. Лазо.
Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).

25.1 1914 г. Петербург.

Дорогая мама!

Спешу ответить на твое письмо. Боря приехал благополучно. Остановился у меня. Мы решили, что это будет умнее всего. Я думаю уезжать между 8 и 12 февраля. Думаю ехать в Кишинев через Москву, Киев, Одессу. В третьем классе это совсем недорого. Надеюсь пристроиться к одной экскурсии, которая едет в Москву. В Москве думаю пробыть два дня, не больше, у меня для этого посещения существуют особые цели. О них поговорю потом.

Сейчас живу интересной жизнью: много читаю, посетил много лекций. Мне удалось побывать в знаменитой «Бродячей собаке»¹.

¹ «Бродячая собака» — так называлось кафе в Петербурге, где собирались писатели, художники, артисты. Бывал там В. Маяковский, А. Толстой, А. Блок и многие другие.

Боря себя чувствует хорошо. Твое поручение исполнили. Пока внешних новостей никаких нет. Зато "у меня много нового. Собственно, это и должно быть так. Если жизнь все время не меняется, наступает застой.

Мне душно в Петербурге, меня давят громады мрачных улиц, шум трамваев, вечный туман. И люди здесь какие-то неживые, ходульные, начиная от нашего студенчества и кончая умственными сливками — нашими писателями, — все это имеет в себе что-то серое, неприятное, лишенное жизни. Короче говоря, здесь для меня нет живой жизни.

Я думаю переводиться в Москву, в Техническое училище: и дело там поставлено лучше, да и, главное, Москва, говорят, совсем другой город; здесь я буду, может, и ближе к России. Хотя не будет этих вечных испарений Финского залива. Меня мало тревожат конкурсные экзамены, предметы мне зачтут. Конечно, в письме всего не перескажешь. Теперь в Москве я хочу побывать в Техническом училище. Надо будет осмотреться, обмозговать. Все говорят, что там и преподавание поставлено лучше и прав больше. Посмотрю.

Итак, как ты просишь, к 15 февраля я буду в Кишиневе. В деревню еду с большой радостью. Думаю за эти полгода окрепнуть, особенно в духовном отношении. Очень прошу тебя, пришли мне еще 50 рублей. Мне нужно сделать покупки.

Крепко целую тебя и Степу.

Твой С. Лазо.

P. S. Еще у меня к тебе небольшая просьба. Можно ли было бы пригласить ко мне в деревню Володю Булата? Я знаю, что он хотел бросить Горный и поступить в Технологический институт. Я хочу посоветовать ему поступать со мною в Москве. Вообще, он далеко не хорошо живет, и при слабом здоровье, если он пробудет столько времени в деревне, это будет только хорошо. Да и готовиться к занятиям мне будет лучше. Я лично пригласил бы его. Как ты на это смотришь?

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**

(Публикуется впервые).

Следующие записи в дневнике — уже после приезда в Петербург — хронологически следуют после приведенных писем.

3.II 1914 г. СПб.

Был у Ани, поздравлял с именинами, принес коробку крафтовского шоколада; сидел, беседовали.

Затем захожу в институт, звоню Лиде (она звонила мне вчера). Сегодня день ее рождения. Она просила заехать за ней и отправиться к Мише. Еду. Покупаю белой сирени и гвоздик. Мы по обыкновению мило беседуем. Сидели недолго. Время тянулось медленно. Мы вышли и отправились в «Бродячую собаку». Едем, обмениваемся мыслями, я себя хорошо чувствую с ней, но чувства нет с моей стороны. Я сказал ей, что медленно влюбляюсь, но долго люблю.

Я с ней чувствую себя хорошо — это типичное, очень хорошее дитя своего века. В ней нет и тени кокетства. Это единственный человек, который может иметь на меня влияние, и, расставаясь с ней, я всегда ухожу с каким-то легким радостным чувством. Она даже сама сказала как-то: «Верно, Сережа, вам хорошо со мной».

Сегодня «Бродячая собака» не произвела на меня такого впечатления, как прошлый раз, но все-таки она сильно подняла самочувствие. Хотя по своему внутреннему миру я не согласен с этими людьми, но они будят во мне волну желаний, стремлений.

Мне хочется учиться, учиться музыке, рисованию, мне хочется работать... В начале шестого я был дома. «Ты одинок», — написал я с горечью.

5.II 1914 г. СПб.

Сегодня выдался как раз свободный вечер, я пригласил к себе «лучших друзей», с которыми я столько времени проводил в этом году и в прошлом. Давно уже их присутствие было мне безразлично, давно уже я не имел с ними ничего общего, но в этот прощальный вечер у меня явилось настроение. Я думал о том, как произнесу им прощальную речь не на обыденном языке а на том, на котором думаю и говорю с самим собой.

Я ходил, покупал спиртное, закуски, даже расщедрился на большой букет гвоздик. Я украсил гвоздиками портрет Гёте, Уайльда, Байрона, а остальные цветы поставил в вазочку на столе. Я даже нарядно приоделся, чего со мной ранее никогда не бывало. Я еще кончал

приготовления, когда пришел Вася, явился Клеша, потом Яша. Только Боря опоздал и пришел в начале двенадцатого.

Все мои радужные мечты разлетелись в прах, надо мной чуть не смеялись, никто не подумал сказать что-либо умное и сердечное. Сразу начались карты, потом пьянство. Только раз за ужином после Яшиных слов я подумал сказать несколько слов... но нет, так лучше...

В воздухе стоял дым табака, ругань, глупые речи. Этот идиот Шуманский пил стаканами кюрасо. Один Яша сохранял видимую благопристойность. Мне было грустно, печально, я вдвойне радовался тому, что так скоро уезжаю навсегда.

Половина восьмого; Яша ушел, Клеша спит; я выхожу с Васей. Вася идет домой. Я в одной тужурке собираюсь идти на острова. Доходим до Садовой. Он в одну сторону, а я в другую.

Так кончился мой прощальный вечер с друзьями.

13.II 1914 г. Москва.

Дорогая мама!

Вот пробежали скоро и четыре неполных дня в Москве. Сегодня, тринадцатого, я уезжаю и 16-го утром буду в родных краях. Мое посещение Москвы было очень удачным. Видел всех товарищей, много осмотрел в Москве, был в Художественном театре,

По внешнему своему облику Москва мне очень понравилась; чем-то непринужденно спокойным, милым дышит от ее извилистых улиц. Был я, конечно, в Замоскворечье, в Третьяковской галерее, был в музее Александра III, в храме Христа-спасителя.

Погода стоит великолепная; солнечно, морозно. Ездил в Техническое училище, познакомился с его внешним обликом. После пребывания здесь желание переехать в Москву сугубо возросло у меня, хотя, конечно, на первых порах будет трудно в неизвестном городе.

Очень благодарю тебя за деньги и внимание. Крепко целую тебя и Степу. До скорого свидания.

Твой Сережа.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

Письмо из Кишинева в Езорены

5.IX 1914 г. Кишинев.

Дорогая мама!

Получил вчера от тебя письмо и спешу ответить. Я еду в Москву в понедельник 8 сентября. Со мной вместе едет Женя. Если будешь писать в Москву, то адресуй до востребования в девятое (9) почтово-телеграфное отделение, там мне удобнее всего будет брать корреспонденцию.

Теперь курьерские и скорые поезда отсутствуют, просто берут отсюда прямой билет, а там, как бог пошлет. Ехать придется три дня, если не четыре.

Дожди здесь прошли, уже второй день хорошая погода. Новостей особенных нет. С Румынией почти наверное все спокойно. Сегодня вечером ходили слухи, будто бы свергли Карла, а также будто бы Австрия предложила Румынии Трансильванию, но последняя заявила, что возьмет ее, но только воюя вместе с Россией.

Австрию можно считать окончательно разбитой, зато с немцами еще много хлопот. Целую тебя и Степу.

Твой Сережа.

Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).

5.IX 1914 г. Из Кишинева в Езорены.

Дорогой Боря!

В Кишиневе новостей мало. 30 августа в субботу отсюда уехали через Киев, Жлобин, Витебск Валя и Клеша, приехали они на четвертый день. Слышал, что теперь труднее попасть в Петербург, чем в Москву; также говорят, что квартиры очень дороги. Выезжаю я отсюда 8-го в понедельник в 5 ч. 40 м. вечера. Имею попутчиком Женю. Вместе остановимся в Москве. Комнаты постараюсь нанять для троих вместе; пишу сегодня Клеше и попрошу его ответить мне в Москву: где он и что он делает? Комнату, во всяком случае, не буду нанимать раньше чем буду принят в университет. Также до этого не выпишу вещей из Петербурга. Очень прошу тебя ис-

¹ Весну и лето 1914 года С. Лазо провел в Езоренах и Кишиневе.

полнить мне кое-какие поручения, причем усиленно прошу в случае невозможности уведомить меня:

1) Переслать мне сейчас по почте в Москву мою бритву и щетку для вещей.

2) Привезти с собой следующие забытые мною вещи: 1) три портрета, которые висят в детской; упакуй их так, чтобы они не разбились. 2) В ящике с фотографическими принадлежностями ты найдешь 11 карточек и небольшой конверт с разными снимками, возьми и привези это мне.

В Москву пиши мне по адресу: 9 (девятое) почт.-тел. отд. до востребования. За сим крепко целую тебя.

Твой Сережа.

P. S. Вот еще маленькое поручение. Возьми биографию Гете Лана, которую я оставил Беби, конечно, если он прочел ее. Заверни ее в бумагу, заклей и пошли по почте ценной посылкой по адресу: Екатерине Ивановне Синициной, собственная дача по Костюженскому шоссе, г. Кишинев. Я недавно был у нее и взял несколько книг, а ей обещал прислать из деревни эту книгу. Так что очень и очень прошу тебя исполнить эти поручения.

Твой С. Лазо.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**

(Публикуется впервые).

9 сентября 1914 г. Ст. Раздельная.

Дорогая мама!

Вчера вечером пришел человек из деревни и принес твое письмо. Мне очень неприятно, что доставил тебе столько хлопот и беспокойства. Согласен, что про поезда написал неясно и в сущности неправильно. Но в прошлую неделю было сокращено пассажирское движение. В Раздельную прибыл благополучно. На Москву идет почтовый поезд, который проходит Раздельную в 11 час. 40 мин. Нам обещали, что места будут. Все вещи я упаковал и ничего не забыл. Взял из Кишинева пододеяльник и покрывало.

Со свидетельством благонадежности все кончено, оно давно послано.

До свидания, у меня уже занято место в вагоне. Сейчас еду.

Целую. Твой Сережа.

14 сентября 1914 года. Москва.

Дорогой Боря!

Второй день сижу в неважном настроении, положение дел следующее.

Я окончательно не принят в Техническое училище, думаю перейти на юридический в Москве (мест сколько угодно), а потом почти наверное можно будет перейти на математический, ввиду того, что многие бегут от чистой математики. В худшем случае придется попасть в Питер на математический; по этому поводу уже запросил Клешу.

Твои документы, судя по всему, не пересланы в Москву. Насчет твоего перевода пока ничего не узнал. Запросил Шуманского. Как только что-либо выяснится определенно, буду телеграфировать. По-моему, если я останусь в Москве, то тебе, даже будучи студентом иного университета, ничего не мешает жить с нами. Поэтому во всяком случае приезжай в Москву.

Остановился я в комнатах «Лувр и Мадрид», остался очень доволен. Пока комнат не искал. До свидания. Передай поклон Степану Львовичу, Софье Еремеевне. Передай мой привет Жене. Крепко целую тебя. Твой Сережа.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

16.IX 1914 г. Москва.

Дорогой Боря!

Все время бегаю и ищу комнату. Одну легко найти, но две пока не нашел. Каждый день после лекций буду искать, но не ручаюсь, что найду. Дешевле 30 рублей едва ли удастся платить хозяйке за мало-мальски приличную комнату. Я себе нашел комнату в 30 р., а еще прислуге и швейцару 2 р. — итого 32 р. Я сам переберусь не раньше субботы, так как комната пока еще не готова. Приезжайте скорее. Выезжайте из Кишинева в 12 ч. дня, а не в 6 вечера, тогда вы попадете на поезд, который довезет вас на третьи, а не на четвертые сутки.

Целую. Сережа.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева,**
(Публикуется впервые).

17 сентября 1914 г. Москва.

Дорогой Боря!

После многочисленных справок выяснилось, что твоих документов в Москве нет и их там не получали. Сегодня я получил от Клеши ответ на свой запрос. Оказывается, что Петроградский университет твои документы переслал в Москву (когда — неизвестно) и ты тем не менее считаешься студентом Петроградского университета до тех пор, пока не уведомишь последний о переходе в Москву. Вооружившись такими сведениями, я немедленно полетел в канцелярию и после справок они сказали, что у них, кроме твоего прошения и денег, ничего нет. На мое заявление, что документы из Петрограда высланы, они очень любезно просили узнать, какого числа высланы документы и за каким №. Сейчас же я написал вторичный запрос Клеше, а тебе телеграмму, так как при таком положении дел, по-моему, всякие прошения излишни. Комнаты еще не нашел, но имею кое-что в виду, но не наверное. Пиши, когда поедешь. Выезжайте из Кишинева в 12 часов, попадете на поезд, который будет вас везти на сутки меньше. Пиши мне в 9-ое почтовое отделение, туда можно посылать и телеграммы. Передай поклон Степану Львовичу.

Крепко целую тебя и Степу. Твой Сережа.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

20.XI-1914 г. Москва.

Дорогая мама!

Только что получил твое письмо, спешу ответить. «Русское слово» от 18-го пересылаю в Кишинев. В контору «Речи» пошлю письмо на днях. Занимаюсь, чувствую себя хорошо. Прошу тебя выслать мне декабрьское жалование, так чтобы я получил его в последних числах ноября, потому что не знаю, останусь ли я на этой квартире после первого или нет. Теперь здесь все время оттепель, были чудные солнечные дни. Я думаю, что если ты приедешь после рождества, то не трудно будет как-нибудь вместе устроиться. Обедать ты, я думаю, будешь в вегетарианской столовой, где теперь я обедаю каждый день.

Крепко целую тебя. Твой Сережа.

10.XII 1914 г. Москва.

Дорогая мама!

Мой отъезд все еще висит в воздухе; быть может, мне не удастся приехать. Причина очень прозаичная. Деньги на дорогу я занял одному из самых близких знакомых, который меня пламенно уверял, что отдаст их через несколько дней. Теперь ни у него ни у меня их нет... Пожалуйста только ничего не присылай, так как никаких авансов брать не хочу. Тем более, что я раньше говорил, что с этими деньгами проживу до конца года. Целую тебя и Степу.

Твой Сережа.

Москва, Тверской бульвар, 9, кв. 13.

Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).

12.XII 1914 г. Москва.

Дорогая мама!

Только что получил твое письмо, спешу ответить. Когда едут Боря и Сережа, я ничего не знаю. Кажется, 15 декабря.

Я лично еду 19 декабря. Я думаю пробыть в Бессарабии до 8 января включительно. А приеду я отсюда в Кишинев 22 декабря, так что пробуду на юге 16 дней.

Я с удовольствием поеду в деревню. По-моему, лучше всего будет, если я поеду 2—3 января до 4—5 января. Можешь заранее написать Цехановскому, чтобы к этому времени он выслал лошадей. Для меня лично удобнее всего выехать 2-го рано утром. В Москве ничего нового нет. Здесь не Петербург, где политические новости носятся в воздухе и передаются из уст в уста.

Ходят слухи, что ждут больших сражений после нового года.

Я лично не думаю, что меня в скором времени могут взять на войну. Набор действительно будет в феврале. Но это студентов не касается. Меня, вообще говоря, могли бы взять лишь в том случае, если бы брали студентов в военные училища. И, действительно, к 1 декабря составили значительный список студентов, которые должны идти в военные училища, но из этого списка взяли очень немногих, так как было много добровольцев,

желающих поступить в военные училища. В начале февраля будет второй набор студентов в военные училища, тогда, по всей вероятности, будут исчерпывать уже составленный список. Я могу попасть лишь по новому списку, который будет составляться после этого.

До свидания. Крепко целую тебя и Степу.
Твой Сережа.

Тверской бульвар, 9, кв. 13.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

15.XII 1914 года.

Дорогая мама!

Очень благодарен за деньги, полученные мною третьего дня. Здесь ничего особенно нового. На днях окончательно и повсюду запрещена продажа каких-либо спиртных напитков. Вероятно то же будет и у нас на юге. Никаких особенных слухов нет. Говорят, что теперь позиция Румынии окончательно выяснится, хотя об этом, положим, говорят с первых дней войны. В Москву раненых привозят теперь меньше, есть раненые, пострадавшие от мороза. Уход за ранеными, поскольку я видел, хороший.

Как ты уже знаешь, Боря и Сережа перебираются на новую квартиру. Я могу это только приветствовать; по всей вероятности и я, когда кончится месяц, переберусь к ним. Отсюда они ушли из-за разногласий с хозяйкой, которая не могла переносить шума и громких разговоров. Расстались они с ней очень мирно. Зато новые комнаты, по-моему, они нашли очень удачно и недорого. В той же квартире, где они будут жить, через неделю-две сдается еще одна комната. Возможно, что я переберусь туда. Единственное неудобство, что оттуда гораздо дальше к университету Шанявского¹. Да затем еще то, что так или иначе, они мешают мне заниматься. Погода прескверная, сырая, — осенняя погода. После кратко-

¹ Университет Шанявского — учебное заведение типа народного университета; основано в Москве в 1906 году на средства А. Л. Шанявского. Университет имел научно-популярное и академическое отделения.

Шанявский А. Л. (1837—1905) — общественный деятель в области народного просвещения в дореволюционной России.

временных морозов началась нескончаемая оттепель с хмурым небом и мелким снегом, который тут же тает.

Что нового у нас на юге? Наверное, в деревне работы кончаются. Что Степа, как идут его занятия? Мне пришлось теперь лечить свои зубы — одна пломба выпала, и еще пришлось вставить две других. Две пломбы стоят девять рублей, третья будет стоить три или четыре рубля (и еще вставил). Если ты найдешь нужным, пришли мне эту сумму, но вообще я мог бы поэкономить и обойтись без нее.

На днях получу бумагу для отсрочки и перешлю в Кишинев, чтобы получить отсрочку; конечно, это не касается призыва студентов в военные училища. Насчет последнего ничего не известно. У нас в университете вывешено объявление, что никаких списков еще не составлено и никаких распоряжений, кроме опубликованного еще раньше высочайшего указа, нет. В «Новом времени» говорят, что в Петербургском университете вывешено объявление, в котором говорится, что в первую голову будут призываться студенты 1-го курса, которым в этом году исполнилось 20 лет, потом уже призовут 21-летних и т. д. в степени возрастания курсов и лет.

Яблоки отлично стоят, гнилых мало, скоро кончатся. Орехи великолепные, они у нас в большом фаворе. Ящик с провизией будет очень кстати, заранее благодарю. Документы и письма всем нам направляй по старому адресу.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).**

1915 г. Февраль. Москва (из записей в дневнике)

Думать и много думать о жизни нужно, но не надо передумывать. По-моему, утомление нервной системы от последовательного, постепенного усвоения предметов — это химера, выдуманная теми, для которых наука умещается в слове «зубрежка». На нервной системе сильно отражаются волнения и неприятности, хотя они же иногда и сильно подбадривают. Излишние удовольствия, чрезмерное праздное сидение с товарищами тоже растрачивают силы. И вот у человека появляется тяжелое ощущение, мысли текут медленно, так бывало и со мною. Я бы сказал, что усиленно напрягать свою мысль

часто по совершенно незначительному поводу не стоит. Если меня спросят, какое время отдавать таким размышлениям, то я скажу, — когда идешь на работу и возвращаешься с нее. Не грех по окончании трудового дня посидеть, помечтать в полумраке с пером над листом бумаги. Я любил думать о том о сем еще лежа в кровати вечером, когда человека охватывает полная беззаботность. Думы могут угнетать человека, когда они мучительно ищут выхода. Мыслительная работа может быть вредной, она называется в этом случае рефлексией, которая бывает при расточительности внешних впечатлений, и когда человек чувствует себя почему-то неловко, мысль его мучительно тянется, и весь он чувствует себя как будто спутанным.

Но с другой стороны, что могут дать нам все размышления и мудрствования? Не лучше ли отложить их до более почтенного возраста?

Не лучше ли в молодости жить весело и беззаботно правильной трудовой жизнью. Стоит ли тревожить молодой дух сомнениями и страстями? Эти вопросы для разных людей решаются разное. Здесь идет речь об умственном кризисе, о переоценке и создании новых ценностей. Этого может и не быть вовсе. Затем такие кризисы свойственны скорее людям с отвлеченным складом мысли, они реже и слабее у натур, непосредственно воспринимающих бытие. Итак, возникновение сомнений и исканий связано с самой натурой человека. Чем больше мы ставим вопросов, чем мучительнее разрешаем жизнь, чем больше нам самим, тем легче становится жить (само по себе последнее не всегда ясно, оно рельефно выступает при столкновении с чьей-либо гнилой и безмозглой жизнью), и вместе с тем мы чувствуем, что остановиться нельзя. Работа идет все дальше и дальше. Сначала она не выходит за пределы черепной коробки, но через некоторое время постоянно стремится претвориться в дело. Это последнее очень важно понять в смысле цели существования. Но мысль без цели всегда гаснет и увядает.

2.III 1915 г.

Нужно всегда понимать живую жизнь так, чтобы в нашем уме проносился не ряд только отвлеченных формулировок, но чтобы мы чувствовали, что мы схва-

тываем нечто действительно существующее. Пусть в нас горит огонь любознательности, тогда мы на верном пути!

3.III 1915 г.

О качественном и количественном познании или о широте и глубине его.

Когда личность, наше «я», появляется как слагающая, состоящая из многих величин, когда у человека появляются осознанные убеждения, видное место здесь занимают книги, но не они создают убеждения. Убеждения — нечто более важное, более значительное — я не говорю более трудное — чем знания. Они, и только они, делают нашу личность самобытной и цельной. Убеждения появляются как сложный результат чтения и взаимодействия с окружающей жизнью. Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно обтереть их о чужие убеждения. Никогда не лезть к другим с открытием своих убеждений. Нужно не сразу высказать свою точку зрения на тот или иной предмет. Ни с того ни с сего отрезать, что я, мол, социалист или кантианец — это глупо. Не печалься, если сразу, попав на студенческую скамью, ты не будешь в состоянии высказать те или иные взгляды: сознаться в своем незнании — самое мудрое, что ты можешь сделать.¹ Нечего огорчаться тем, что ты в молодости не успел высказать тех или иных взглядов, когда вокруг была та или иная обстановка: например война, внутренние события. У нас в России слишком торопятся в молодости, так сказать, выкраситься в тот или иной цвет, и слишком скоро остывают молодые порывы. Перед моими глазами всегда пример деятелей Англии, которые с годами становились все более и более радикальных убеждений. В убеждениях нужно ценить стойкость; немудрено говорить красные слова, но гораздо труднее, чтобы убеждения впитались в человека, как сок в растение (слова Н. А. Рубакина¹). Если из растения высушить сок, оно погибнет, и человек должен скорее пойти на

¹ Рубакин Николай Александрович (1862—1946) — русский писатель и библиограф. Его основные труды — «Среди книг» (систематический обзор русской литературы по всем отраслям знания) и «Россия в цифрах» — получили высокую оценку В. И. Ленина.

гибель, нежели отказаться от своих убеждений. Но, по-моему, в молодости нечего идти напролом. Часто это носит чересчур бутафорский характер. Лучше посмотреть на себя и устроить свой быт демократичнее, а идти напролом всегда успеешь. Мне симпатичнее убеждения социал-демократов, чем неглубокий анархизм. Их много, этих последних, в лице всевозможных толстовцев и прочих отрицателей существующего порядка, не выстрадавших своих убеждений. Они только переменяли старую одежду на новую, но последнюю не умеют носить.

Скажу еще, что к чужим убеждениям нужно относиться с уважением; их много, и прежде чем осуждать, надо постараться понять: как и почему сложились они, в особенности, если человек их выстрадал. Более глубокое убеждение — это философское мировоззрение, но об этом в другом месте.

Считай для себя большим несчастьем, если ты на первом, да и на всяком другом курсе, с которого начнутся твои занятия, если ты пропустил I курс, не приедешь к началу лекций и не начнешь их аккуратно посещать.

Что волновало мой ум, когда, окончив курс экзаменов, вечером я смотрел на Технологический институт и впервые задумался о жизни. Мечтания об университете, которые красной нитью проходили через весь первый год студенчества, и их затушевала история весной 1913 года и наступивший затем регресс. Мотивом этого решения было желание получить университетское образование.

Различие между гуманизмом и реализмом относительно поступков и смысла жизни у меня было в том, что в первом случае я подходил со стороны должного, а во втором должен был брать жизнь такой, какой она есть.

Значение математики для умственного развития человека огромно, она дисциплинирует ум, приучает нас быстро разбираться в том или ином вопросе естествознания и жизни. В математике есть своя философия, своя поэзия. Она дает человеку силу мышления. К сожалению, я не обладаю особенными математическими знаниями. Я советовал бы каждому человеку в молодости посвящать три часа в день математике независимо от его знаний. Пусть он полюбит математику, он тогда

привыкнет к философии, естественные науки и техника будут ему легко даваться. Это на всю жизнь сделает его стойким, сильным духом. Правда, я не придаю математике общеобязательного значения, так как есть люди, которым математика не по душе, — люди с резко выраженным конкретным мышлением. Но таких не так много. Большинство же отнекивается от математики просто из-за леуи, так было и со мной.

Все это я пишу, но ты, быть может, невольно возрадишь мне фразой, которая, к сожалению, довольно часто попадает в книги, что одними поучениями нельзя излечить сделать дельного человека, что слова могут научить, но не могут исправить. Правда ли это? Это неправда. Если мне удастся написать свою простую биографию, то ты увидишь, как мучительно я искал выхода, как страстно я силился найти ответ на мучивший меня вопрос, не на вопросы теоретического, философского характера, нет, это были обыденные жизненные вопросы. Это было неумение жить, неприспособленность к внешним условиям. Не было планомерной работы, было набрасывание на все хорошее и на все дурное. Я не знал, как учиться, как читать, как регулировать свое время. Я хотел, я стремился, но я не знал. Так, когда мне в руки попала чудная книга Н. А. Рубакина «Практика самообразования», я невольно подумал: «Да ведь в десять раз дороже заплатил бы я за нее, попадись она мне в первый год моей студенческой жизни». Ты будешь, конечно, принадлежать к так называемому демократическому студенчеству.

Схема образования, которую я предложил бы самому себе в день окончания гимназии при наличии моих теперешних познаний:

1) Тихая студенческая жизнь, наполненная упорной работой по всестороннему образованию.

2) На первом плане стоит глубокое и основательное знакомство с математикой, механикой, астрономией, физикой, химией.

3) Широкое знакомство с естествознанием вообще.

4) Знакомство с юридическими и историческими науками.

5) Литература русская и иностранная.

6) Новые языки: немецкий, английский, французский.

7) Правильный образ жизни, если можно — за городом, ежедневная двухчасовая физическая работа, закаливание тела гимнастикой, растиранием холодной водой, правильный 8-часовой, но не менее 7-часовой сон.

8) Итак, накапливание знаний, энергии и душевного спокойствия.

9) Как пособие Императорский университет и университет имени Шанявского. Слушать лекции, посещать театры, музеи, галереи, библиотеки. Частные уроки и, если смогу, рисование; когда-то я мечтал о музыке и пении.

10) Не должно иметь место: алкоголь даже в самых минимальных количествах, табак, отчасти кофе и чай. Не есть слишком жирную и мучную пищу. Вовремя ложится и особенно вставать. Бросить «ухаживания».

11) Днем никто не должен заходить, соблюдать это самым решительным образом, да и не каждый вечер отдавать товарищам.

Играть в шахматы, принимать участие в общественной жизни университета, непременно присутствовать на собраниях.

12) Вести жизнь скромную и гигиеничную; во имя «высших принципов» не носить грязное белье, не ходить растрепанным — это глупо. Лучше всего жить одному и не у знакомых.

13) Одежда скромная, студенческая, не одеваться чересчур тепло. Почти все время года можно обходиться драповым пальто без подкладки.

14) На ночь—философия, поэзия, искусство.

15) Стараться как можно более путешествовать.

16) Спорт: гребля, велосипед, мотоциклет, плавание, сокольская гимнастика, лыжи, фотография.

17) Правильное ведение финансов. Необходим определенный годовой бюджет; никогда, даже на первом курсе, не надо забирать денег вперед, но и не надо оставаться в недоборе. Делать сбережения и покупать на них что-либо крупное.

18) Аккуратно вести свою корреспонденцию.

19) Нужно помнить, что товарищи незаметно своими разговорами развивают не менее книг, но их взгляды могут быть ограниченными.

20) При правильной работе для этого нужно 4—5 лет. Первый год лучше заниматься только университет-

скими делами, количества свободного времени будет больше, и оно неизбежно поглотится большей склонностью к шатаниям. Зато со второго курса и во всяком случае с 3-го стоит переселиться за город.

21) По окончании университета предстоит отбывать воинскую повинность, лучше в артиллерии или во флоте...

22) Затем с 24—26 лет новый период, в котором будет более деятельности, чем учения, по сравнению с периодом университетским. Это или работа в родном краю, или нечто большее, то есть высшее специальное "учебное заведение.

Мне лично глубоко симпатичен Технологический институт. Но об этом успеем подумать к тому времени.

Ничто так не развивает, как хорошее товарищество; но лучше личное рабочее единство, чем плохие товарищи. Но если есть хорошие товарищи, стоит ли жить с кем-либо вместе? Я думаю, что можно, как Кропоткин в свою бытность в Питере жил вместе с одним малороссом и чувашом. Это не мешало его занятиям, судя по характеристике того украинца.

Я скажу так: стоит жить вместе только с таким товарищем, которого, помимо его прочих качеств, никогда не обидит предложение разойтись, раз один из сожителей сознает, что занятия у него страдают от совместной жизни.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).**

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Записи, сделанные в Сибири в 1918—1919 годах

Вся жизнь (в первый год студенчества) представляла пеструю смесь пережитков прошлого с мощно вливавшимся потоком впечатлений новой среды. Если тогда я чувствовал какую-то любовь к металлообрабатывающей промышленности, то теперь, оглядываясь на это увлечение, я должен признать, что в сущности, познакомившись с Технологическим институтом, я почувствовал непреодолимое тяготение к новым формам труда: труда дифференцированного, специализированного, занимающего в жизни человека определенное место. Я имею

право это сказать еще и потому, что я сейчас отчетливо вспоминаю, как я сам мысленно формулировал свои задачи и стремления: все равно какой труд, но пусть это будет строго определенная работа с ограниченными заданиями и с определенным рабочим днем. Пусть эта работа руководствуется определенной системой знаний, но самое главное, пусть вне рабочих часов у меня будет непрерывное общение с людьми, я буду членом и участником могучей интеллектуальной жизни, пусть я не буду один. Мне казалось, что в такой жизни та комната, в которой живет человек, имеет второстепенное значение. Он главным образом в ней спит. Весь день проходит за работой; он в общественной столовой, библиотеке и в каком-то универсальном общественном клубе, где люди свободно общаются друг с другом. И я горячо полюбил те скромные задатки коллективизма, которые я видел в кипучей рабочей жизни Технологического института.

Но как далека была моя жизнь от этого. Специализация сначала меня испугала, я работал случайно и урывками. Только к концу первого года студенчества я понял необходимость специализации и научился работать. Но дальнейшие обстоятельства сломили эти здоровые задатки. Преемственность труда была в корне нарушена. И жизнь еще долгие годы почти не давала возможности провести как следует свободное время, окончить трудовой день духовным общением с людьми.

Да, специализация нужна, необходимо изучить какой-либо отдел знаний до последних мелочей, нас не должна пугать все возрастающая узость специальности. Ибо специализация ставит своей задачей вовсе не образование, а сообщение знаний и навыков, дающих возможность легко работать в определенной области.

Новый большой город, куда я попал, сразу всколыхнул много запросов. Все они настойчиво требовали ответа. Эта жизнь столицы не ослепила меня своим блеском, не оглушила своим шумом, наоборот, спокойно наблюдая ее, я все сильнее проникался сознанием закономерности тех сложных связей и вопиющих противоречий, которыми полна жизнь. Читал ли я книгу гениального человека, я поражался его светлому уму, я чувствовал за этим умом жизнь, обильно залитую светом мысли, и тем самым я болезненно чувствовал, что у меня этого света нет... Говорил ли я с товарищами-

универсантами, я поражался их умению легко рассуждать о массе новых предметов, в которых я еще очень мало смыслил. Наконец, я был одинок, я знал, что есть другие люди с сильной мыслью, упорной волей и страстным чувством, но их не было среди моих друзей...

Но жизнь не давала ничего в ответ на все это или давала слишком мало. Отсюда тоска и неудовлетворенность, стремление выбиться к лучшей жизни. Мне смешны были люди, желания которых не шли далее богатств; но разве богатства уж так трудно достигнуть... И я не раз говорил самому себе: не теряй молодые годы, многого не наверстаешь потом, — потом придут заботы, дела, и не вернуть человеку того, что упущено в молодые годы. Мне казалось, что я не только испытываю все трудности и переживания, которые мне предстоит узнать в течение всей своей жизни. Нет, я переживаю в зародыше еще нечто большее — все те возможности, которым не удастся развиться, и все то, чему суждено погибнуть...

В студенческие (да и гимназические) годы я не раз испытывал стремление пожертвовать избыток денег, который у меня был, а также отдать свои силы служению другим. Но из этих искренних филантропических попыток мало что выходило. Меня также тяготило сознание того, что у меня есть собственность, но я не знал, как с ней поступить, я чувствовал свою беспомощность, неприспособленность к практической жизни. А выход был простой: нужно было отказаться от всего, от всех тех благ и от всех зол того строя, в котором я вырос. Нужно было безоговорочно сказать, что там нет ничего моего и, следовательно, мне не с чем рассчитывать. Уже одна мысль, что мне нужно сделать что-то с моей собственностью, заключает в себе предвзятую мысль, что это собственность, тогда как на самом деле ее не должно было быть. Такова теоретическая постановка вопроса. Но как поступать на практике? Что должен был делать я, скажем, по окончании гимназии или еще раньше?

Отвечу на этот вопрос так: я должен был воспользоваться всеми теми преимуществами обеспеченного положения, в котором я находился, для развития своих способностей, которые я должен был отдать делу пролетариата. Но на это можно возразить: не грозит ли при

этом опасность отойти от этого дела, незаметно изменить ему. Так как для того, чтобы быть выразителем воли, чувства и мыслей пролетариата, нужно еще глубокое чувство классовой солидарности, нужно в непрерывной борьбе с действительными препятствиями закалить свой характер. Да, эта опасность есть. Но я не думаю, что из-за нее человек должен был бы отказаться от предоставляющихся ему возможностей развития. Нужно подойти к вещам практически и ясно понять, что для всестороннего развития нужен некоторый досуг и достаток. Поэтому я теперь скажу, что, окончив гимназию, я имел полное право пользоваться средствами из дому, но я должен был ограничить свои потребности необходимым, не ограничивая потребности развития. Вспоминая то, что я переживал в то время, я помню, что я приблизительно так и решал задачу. В первый, лучший год студенческой жизни, я был чужд мелочного скопидомства. Я уже понимал, что с расширением запросов, расширяются и потребности человека. Но что одновременно с этим, одновременно со своим развитием, человек должен готовить себя к самостоятельной работе, к самостоятельному заработку. Я помню, что эта мысль, подготавливавшая всем строем питерской жизни, мысль, что я должен стать пролетарием, т. е. работником, который отдает в обмен на необходимые ему блага работу мозга (или мускулов), — эта мысль, ярко сверкнув, не угасала потом, и это, по-моему, единственное правильное решение, т. е., кратко резюмируя, я должен был получить свое высшее образование на средства из дому. Это привилегированное положение тем самым накладывало на меня обязательство расширить свое развитие, и одновременно с этим я должен был подготовить себя к самостоятельной трудовой жизни. Дальше, когда высшее образование было бы закончено, я не имел бы нравственного права на эту помощь. Но если я безусловно должен был бы отказаться от собственности, которой я владел, то не было бы более разумно дать ей определенное назначение, чем предоставить ее самой себе, или вернее моим ближним родственникам.

Право частной собственности есть право на известную долю чужого труда. При современном уровне экономических отношений в буржуазном государстве обладание собственностью обеспечивает нас некоторым дохо-

дом, даже если мы ничего не делаем. Чем больше прилагаем мы личных трудов и усилий, тем с большим риском, конечно, можем мы рассчитывать и на больший доход. Наивно было бы думать, что в рамках современного буржуазного правопорядка можно лишить данную собственность ее эксплуататорского значения, вернув ее трудящимся, — отдать землю крестьянам, фабрику или торговое предприятие — рабочим. Нужно дать себе ясный отчет, что такие филантропические меры ничего не принесут. Что значит отдать землю, торговое или промышленное предприятие? В рамках буржуазного правопорядка это значит передать ее в мелкую собственность или общее владение (в лучшем случае с мелкобуржуазной точки зрения) известной группе лиц. Но, само собой разумеется, что нигде нет ни идеальных крестьян, ни идеальных пролетариев, и эта единичная мера по существу сведется к тому, что вместо одного собственника их будет несколько десятков. Не к углублению классовых противоречий, не к расширению классового сознания поведет это, а к созданию новых кадров мелкой буржуазии, этого исконного и самого опасного врага настоящей пролетарской революции. По существу такое дробление собственности есть мера, родственная наделению землей по системе хуторского хозяйства. По столыпинскому рецепту выигрывает ограниченная группа лиц, а в более общем масштабе — это лишняя поддержка буржуазного правопорядка. Класс же трудящихся, как таковой, от этой меры ничего не выигрывает...

В данном случае мы должны руководствоваться, как и всюду, классовым принципом, который, наиболее глубоко разлагая действительность на ее основные элементы, даст возможность и глубже их уразуметь. Что же нужно делать с этой точки зрения? Нужно реализовать путем продажи денежную стоимость данной собственности, и вырученные деньги передать организациям, руководящим классовой борьбой масс. Здесь и небольшой капитал, правильно использованный, может принести неоценимые услуги. Мой совет — действовать при этом практично и осторожно. Нужно дать себе вполне ясный отчет, что бесповоротный (а он только таким и может быть) переход на сторону пролетариата означает тем самым не менее бесповоротный разрыв с той средой, которая тебя вырастила и воспитала; она, эта

среда, исключая единичных лиц, которые благодаря уму или личным связям сумели сохранить личные отношения,— эта среда для тебя безвозвратно умерла, а ты в ее глазах стал преступником. Осторожность нужна также и в практическом проведении денежной реализации, а то ей могут легко помешать. Нужно устранить всякие подозрения. И для этого, конечно, нужно как можно меньше делиться своими взглядами с теми лицами, которые заведомо им не сочувствуют.

Таково, по-моему, наиболее разумное решение вопроса о собственности для человека, решившего перейти в стан пролетариата.

Если ты не хочешь, чтобы тебе была суждена судьба городского обывателя, который чувствует себя неловко вне своей квартиры и привычного места службы; если ты не хочешь превратиться в трусливое животное, готовое поступиться своими мыслями и вступить в сделку с совестью, лишь только ему угрожает опасность и лишения; если ты хочешь быть господином и самого себя и своих поступков — приучай себя к труду и закаливай себя лишениями,— пусть тебя не страшит суровая жизнь, наполненная физическим трудом. Ты должен не только в совершенстве изучить свою специальность, но должен знать какой-либо труд или ремесло. Сочетать последнее с разносторонним развитием вполне нам по силам. В сильном и здоровом теле человек всегда чувствует себя спокойнее и лучше, и у него появляется какая-то беззаботность и уверенность в себе. Труд мастерового и рабочего требует или определенных навыков, или физической силы; необходимые навыки даются далеко не сразу. Так, считается, что слесарь учится три года. Печатник столько же. Меньше надо учиться сапожному и портновскому делу. Но я думаю, что для механика по образованию можно хорошо научиться слесарному делу и в один год. Чтобы иметь хорошие мускулы, их нужно упражнять не только гимнастикой и спортом, но и настоящим трудом. Вообще я думаю, что для студента-технолога нетрудно незаметно изучить как слесарное дело, так и умение управлять машинами. Никто не может знать заранее, в каких условиях ему придется жить, и нужно быть готовым, чтобы во время всяких передышек не быть застигнутым врасплох. Также полезно уметь хорошо плавать и, главное, хорошо и много ходить пеш-

ком. Например, чтобы без подготовки сделать туда и обратно по 300 верст. Привычка к работе и лишениям сделают тебя своим человеком среди трудящихся и обездоленных, рассеянных по всем уголкам нашей планеты...

Способность отдаться всецело чему-нибудь цельному, большому делу, вложить в него все силы. И наконец умение работать, умение исполнять, когда это нужно, и скучный и неинтересный труд... Поскольку уже знаем, какая зависимость существует между внешним строем и нашим развитием, поскольку мы познали влияние общих условий жизни, коллектива, класса на каждый входящий в него индивид, постольку мы не можем не рассматривать себя, как часть этого единого целого; и каким смешным должно казаться всякое отделение своей судьбы от судьбы того коллектива, к которому мы принадлежим...

Однажды в Питере я задал себе вопрос: кто же я такой? Кем я хочу и кем я должен быть? С чем я должен при этом считаться? Со своими ли мыслями, выстраданными убеждениями или с чем-либо другим?! Не совершу ли я преступления перед своим дальнейшим развитием, если хоть в малой степени в выборе своей деятельности я буду чувствовать принуждение родной среды. И тут мысль, яркая и сильная, возникла в голове: ты должен отрешиться от всего, стать человеком «без имени, без роду и племени» и решать сам на основании своих знаний и стремлений, кем ты должен быть...

Какое великое счастье, что я вырвался, стал в стороне от той среды, которая меня вырастила. Пусть зависимость от родного дома была внешне сильна, но изнутри она умерла.

Достаточно было этой внешней зависимости обрваться, как жизнь сразу пошла по-новому.

Всем существом моим тогда овладело стремление к знанию и стремление к действию, оба они были нераздельны и в настоящей степени требовали проведения в жизнь.

Ради этих стремлений я готов был пожертвовать и жертвовал удовольствием и личным счастьем...

**«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ. «История гражданской войны». 1938 год.**

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ 1916—1920 ГОДОВ

Вчера я работал в читальном зале нашей публичной библиотеки в Румянцевском музее. Подходит знакомая курсистка Майя, мы выходим из зала, чтобы не мешать другим своим разговором. Я расспрашиваю Майю про ее занятия (она филологичка). Она спокойно начала говорить и говорила довольно долго. Я, как сейчас, вижу ее: она облокотилась на столик для каталогов, лицо у нее довольно полное с небольшими выразительными глазами.

— Я уже третий год на курсах, — начала Майя, — сдала экзамены, научилась хорошо писать рефераты, занятия меня не страшат, мне не трудно будет окончить курсы через два года (прибавлю, что ей приходится каждый день заниматься два-три часа с ученицей). Теперь я поняла, что все это ни к чему; случилось то, чего я менее всего ожидала... Не с такими мыслями я поступала на курсы, я верила в свои силы. Я думала, что смогу созидать, смогу выдвинуться на научном поприще. Но нет, мое разочарование происходит и не оттого, что творческой деятельности на этом поприще нет и не будет. Весь ужас в том, что вокруг нас иное; теории, оторванные от жизни. Детскую психологию у нас читает Викторов; наверное, он никогда не знал и не любил ребенка. Поймите, не оттого плохо, что существуют разные теории, но оттого, что между ними и жизнью нет никакой связи. Я знаю методику преподавания, я изучала психологию детской души, но у меня нет сейчас живого чувства, чтобы подойти к ребенку. Постарайтесь понять мою точку зрения, — это не опускание рук, здесь только смелость сознания, которое не боится признать то, что есть. Нравственно обидно, тяжело, что сейчас приходится учиться для того, чтобы сдать экзамен. Воспринимать чужие мысли и перелагать, не приобщив их к самой себе. Да, я далека от жизни, и она где-то далеко от меня.

Я молчал и не возражал, слушая ее, мне это было отлично понятно. Мы условились, что в 10 часов вечера, когда кончатся ее уроки, я зайду к ней.

Разговор наш продолжался на те же темы. Я кое-что рассказал ей о своей жизни.

— Послушайте, Майя, только наперед скажу, что мне трудно говорить про себя, потому что все — одни

слова, одни мысли, не прилагаемые к делу. Я говорил ей о том, как мне удалось один год после гимназии прожить свободной жизнью, жизнью, в которой я хотел не только учиться, но и тут же прилагать часть своих сил. Но вот внешняя сила пошла наперекор, едва начавшийся рост человека заглох. Мало-помалу тени сгущались. Я падал ниже и ниже, потом с большим трудом поднялся. Сейчас у меня нет живого творческого дела, но оно будет, от него я не отказался. Пусть это только мысли, но мысли эти претворяются в жизнь.

Майя с полуслова поняла и одобрила мой «словесный» социализм.

— Вам до дела недалеко, оно будет у вас, — сказала она.

— А у вас, — спросил я, — или вы не приспособлены, не подготовлены к этой жизни, или она ничего не смогла вам дать?

Майя немного помолчала и потом с оживлением заговорила:

— Не говорите, что жизнь нам мало или ничего не дала; так нельзя говорить. Нет, это мы не могли от нее много взять, это я к ней не приспособлена. Поймите, Сережа, и вдумайтесь: не жизнь творит человека, а человек творит жизнь. Я много думала последнее время и все отчетливее и яснее представляла глупость моей жизни. Вот еще что, я забыла про себя... про свою личную жизнь. Я вся ушла в работу, в уроки, у меня не было близких, не было дорогих людей, не было семейного уюта. Мне вспоминаются слова покойного отца, который говорил, что тяжело будет учиться на курсах одной, без семейной обстановки. Я ему не верила и боролась изо всех сил, как боролась моя старшая покойная сестра. И в конце концов он был прав. Я тогда этого не понимала, а теперь поняла. Я поняла, что у нас, женщин, больше личных запросов, мы не можем без личной жизни. Вам легче, личная жизнь не подрывает ваши силы, а мы этого не можем. Для меня теперь лига равноправия женщин, наши женские фракции, все женское движение, — все это кажется мне ненужным и смешным. Не знаю, так ли вы меня поняли? Я не против того, чтобы круг нашей деятельности расширялся, чтобы мы могли делать все то, что делаете вы, мужчины. Но этого нельзя требовать, это нужно самим создать. Да, свободу не требуют, за

нее борются. Я не против женского движения, не против разных женских лиг и журналов, но меня поражает их узость; повсюду кричат: уравнийте женщину с мужчиной. Но этого мало, это почти ничего.

Вот вы говорили о своем братишке, о том, что у вас близкие отношения, что вы ему кое-чем сможете помочь, кое-что ему облегчить. Так ли это? Подумайте! Вот моя старшая сестра... Я потянулась за ней, пошла той же дорогой, но часто мне становится невыносимо. А сестра... она уже в могиле. Упорный труд, несчастная любовь и, главное, сознание того, что она не сделала то, что хотела, подорвали ее; она сама прервала жизнь. В одной из предсмертных записок она писала, что не сможет быть хорошей учительницей, не сможет дать детям того, что хотела. Нам она писала, что жизнь стала слишком тяжелой.

На курсах мне противно и стыдно за курсисток, их ничто глубоко не интересует, — я говорю о наших филологичках, — все изучается, чтобы сдать экзамен и получить хорошую отметку. Люди шеголяют чужими словами. Раньше у праздной барышни были ни к чему ненужные безделушки, теперь их место заняло ненужное образование. Да, это верно для большинства.

Вас, Сережа, спасает чистота и ясность души. Вы выйдете на дорогу, вы не далеки от дела. У вас та бодрость, которой нет у нашего времени: вы смотрите на содержание, вас не привлекает внешняя форма. Вот для вас Бальмонт — буржуазный писатель, а я зачитываюсь его звучными стихами. Понимаете, у меня та трагедия, о которой писал Метерлинк, — трагедия одинокого человека с самим собой в своем кабинете, а вы имеете силы ее не признавать, стыдиться за это писателя. Я поняла приведенную мысль Герцена, что наша цивилизация доживает свой век, оставив, правда, будущему большое наследство, и что в грубой сильной груди пролетариата заключается возможность новой, более широкой жизни.

Нужно не бояться сознаться, что мы, женщины, сами не сможем уйти от нашей доли, нужен кто-либо другой, кто бы нас повел. Мы половинчатые существа. Это недостаток, мне не надо оценивать, я знаю только, что не смогу создать условий живой настоящей жизни, когда кругом нет поддержки. Что там ни говори и как себя не оправдывай, а все-таки на душе тяжело. Вот кончила

я гимназию и получила бумагу; кончила курсы сестер милосердия—новая бумажка; кончусвой курсы — опять бумага; и как все это далеко от жизни — начисто бумажные мы люди.

**Республиканский музей
Г. Котовского и С. Лазо, г. Кишинев.**
(Публикуется впервые).

Запись, сделанная в 1916 году в Москве в период работы в солдатском госпитале

«Пусть говорят, что наш русский мужик необразован, но пусть лучше молчат те, кто привык ругать сплеча. Пусть солдаты люди не развитые, но у них живой ум, они жаждут знаний и поймут их, если облечь в доступные формы».

Впечатления от разговоров с солдатами Лазо противопоставляет впечатлениям, вынесенным из бесед с людьми своего дворянского круга. Однажды, придя с очередного дежурства, Сергей говорил своему товарищу по комнате:

— После бесед с солдатами в голове становится легко, а после разговора с такими господами, как Леня, Сережа, Боря и Ваня Бибери (сынки бессарабских помещиков, учившиеся в Москве), у меня в голове будто под черепом что-то сжимается.

**Республиканский музей
Г. Котовского и С. Лазо, г. Кишинев.**

1. III. 1916 г. Москва.

Дорогая мама! Только что получил от тебя письмо и посылку, по странному стечению обстоятельств они пришли в одно и то же утро. Посылка очень обрадовала, тем более, что последние остатки старой кончились как раз перед этим. Ты спрашиваешь насчет брынзы,— прислать или не прислать нам? Если брынза есть и это не будет слишком хлопотливо — пришли. Мы все очень любим брынзу, и здесь вдвойне все это ценим: городские продукты не только дороги, но гораздо хуже по качеству.

В Москве все еще зима, стоят морозы, падает снег, одно лишь яркое солнце напоминает, что весна не за горами. Для Москвы, положим, обычное явление, что февраль холодный, вероятно морозы продержатся до начала марта, а потом все сразу стает.

С. Лазо (первый ряд, второй справа) в лазарете медицинских работников в Москве, 1916 г.

У нас не слышно ничего нового, все ждут весны, тогда должны разыграться крупные события. Насчет нашего призыва тоже ничего не слышно нового. Если возьмут, так пойду в пехоту, а пока учусь. В артиллерийское не пойду, так как сейчас нет смысла, а если мобилизуют, пойду, нечего «спасаться».

Вот ты, вероятно, помнишь, на днях мне пошел двадцать третий год. Обычная рядовая жизнь влечет нас вперед, часто не давая времени одуматься; вот сейчас оглядываюсь на прошлое и, вдумываясь в будущее, не могу не остановиться на вопросе: ну так что же мне делать в жизни, как приложить свои силы?

Мамочка, не сердись на меня, если что-либо тебя огорчит в моем письме, у меня есть только одно чистосердечное желание поделиться всеми теми мыслями, которым пока нет выхода, и они тяжело гнетут человека.

Да, так что же мне делать? Понимаешь, мама, существуют две разновидности характеров. Одни люди ищут, чтоб внешние обстоятельства, постороннее влияние дали направление их силам, указали бы им работу.

Оглядываюсь на нашу бессарабскую компанию, я думаю, что все без изъятия были людьми не уходящими далеко от той обстановки, в которой они выросли.. Они счастливы, у них мало волнений, мало сомнений, все понемногу налаживается само собой. Их труд легка будет плодотворным, так как у них нет разлада ни со средой кругом, ни с самим собой. Но природа создала и иные характеры, у которых на первый план резко и отчетливо выступают личные запросы, свое определение жизненного пути. Они хотят пойти по ими же проложенной дорожке. Они чувствуют, что их самобытная мысль может создать что-то новое.

Обычно их стремления сталкиваются с мнением и укладом окружающей среды, борьба часто оканчивается не в пользу новаторов, они смиряются, они приспособляются к старым устоям, и здесь все на них смотрят косо, так как у них нет ни самоуверенности, ни практической деловитости, все им удастся хуже. Их трудно ругать, осуждать, но не лучше ли просто подумывать, как это все случилось?

К последнему типу людей я причисляю себя. Понимаешь, мама, есть убеждения, они глубоко, так сказать, въелись в человека. Человек может пойти против них.

они могут остаться неприложенными, но забыть их он никогда не сможет, они всегда будут угнетать его. Такое убеждение есть и у меня, оно созрело рано, в детстве: я носил его в своей груди, как самое ценное и дорогое. Вот мои мысли. Я хочу, вернее, хотел создать себе свою жизнь своими трудами сообразно со своими способностями. Поскольку я помню, у меня с ранних лет появилась склонность к научному мышлению, и я думал, что смогу применить эту способность на деле, поэтому самым страстным желанием моей юности (не надо скрывать, что она прошла) было стать инженером. Скажу проще, я не мог себя представить бессарабским сельским хозяином или общественным деятелем. А с другой стороны, я не видел в себе ничего, что бы принуждало меня считать работу в родном краю необходимой.

Вот теперь, скажем, я знаю, что нужно помогать в хозяйстве, участвовать в общем деле. Но я не мог себе усвоить, почему нужно, чтобы человек свой зрелый возраст, свои силы отдал тому, что ему совсем чуждо. Поэтому, я думаю, ты со мной согласишься, что нет для меня нравственной необходимости непременно в будущем трудиться у нас. Ты пойми, что от этого все равно проку будет мало.

Теперь ты меня спросишь, что я думаю делать сам, как я себе представляю ту работу, к которой стремлюсь.

Когда я кончил гимназию, как я выше сказал, я представлял свою работу в будущем в качестве инженера; но случилось что-то неладное, у меня не было ни опыта, ни желания делиться своими мыслями.

Знаешь ли ты, что я перешел в университет с расчетом вернуться в Технологический институт после окончания университета и воинской повинности. И это не так трудно. Учиться вовсе не трудно, и во всяком случае легче, чем работать. В моем плане нет ничего неисполнимого; правда, затратить труда пришлось бы вдвое больше, чем если бы дело шло без таких «отсрочек». С такими мыслями я носился до самого последнего времени. Попутно я вспоминаю, что ты нас часто упрекала, что у нас слишком много мечтаний и мало дела; помнишь, летом ты не раз это говорила. Да, ты права, мечтаний и запросов было много, а дела мало. Верно, я кончил 8 классов и решил не только опять начать учиться, но хотел работать на практике, хотел самостоятельной жиз-

ни. В этом не было ничего невозможного. Другим это удалось, мне — нет. Я не смог, не сумел; мне было больно, когда меня расспрашивали об этом; иные смеялись. Все это верно, они правы, безусловно, я один неудачник, кандидат в лишние люди. Свободы располагать собой у меня нет и долго не будет.

Человек часто откладывает на завтра то, что могло бы случиться сегодня, но жизнь не ждет, она идет вперед, поэтому всякие отсрочки и задержки меня мучают.

Мама, согласись, что мы не так уж виноваты, что иногда только мечтаем, но не делаем; иногда нам самим это тяжело.

Но перейдем к практическим вопросам. До сих пор я жил тем, что времени впереди много и я успею сделать в будущем то, что мне раньше не удалось. И теперь я полагаю, что смогу быть инженером, смогу учиться до 30 лет. Это не так трудно. Но вот мало-помалу во мне начала подыматься волна нравственных сомнений: имею ли я право так долго учиться, когда кругом столько бед, опустошений; после войны нужны будут работники, а мы все еще ученики. Раньше я с легким сердцем брал отсрочку по воинской повинности — не все ли равно, когда отбывать — годом раньше, позже? Но теперь это не все равно, так как между войной и миром разница огромная. Я должен дать ответ себе, для чего я учусь, к чему я себя готовлю. Да, для чего я учусь? Ты себе представляла нашу будущую жизнь на лоне родных па-лестин. Хорошо, но если так, — мне незачем больше учиться, и вот почему: общее развитие я уже получил, а те знания, которые сейчас мне дает университет, — их не к чему приложить в Бессарабии. Мало того, тем сильнее я буду чувствовать несоответствие моих знаний и моего дела. Вдумайся, мама, только в то, что я переживаю. Вот передо мной предметы моего факультета, они мне дороги, я их люблю, после занятий я испытываю чувство глубокого удовлетворения. Но к чему эти знания, раз они ни к чему не будут приложены. Пойми, каждый день в университете приспособляет мои мозги к работе научной, последовательной, планомерной, но спрашиваю я себя, к чему мне привыкать к такой умственной работе, когда после в Бессарабии не будет соответствующего труда, придется снова ломать себя, снова приспособляться к новым условиям...

Записи, сделанные во время пребывания в военном училище в 1916 году

„ Трагизм личной жизни и смерти отпадает, когда человек чувствует себя единицей целого человечества и признает смысл своего существования в результатах работы и пользы, которую приносят эти способности человечеству“.

В последнем письме я давал свою оценку нашей жизни в училище, должен взять многое обратно. Когда-либо постараюсь подвести итог всему. Немного скажу о новом укладе жизни, который я узнал в военном училище.

Ежедневно от каждой роты посылаются на сутки определенное число юнкеров «в наряд», там они в течение круглых суток несут обязанности дежурных по кухне и еще несут службу в «караулах», последний наряд считается самым трудным.

С 8 вечера 29 июля и до 8 вечера 30 июля я нес службу в карауле. Караулы состоят из «караульного помещения», в котором находятся две смены часовых и разводящий по местам. На постах стоит одна смена (всего три смены). При одном караульном помещении может быть один или несколько постов. У нас был один пост. Стояли мы среди леса, вдали от училищных зданий и охраняли пороховой погреб — небольшой деревянный дом; шагах в пятнадцати от него находилась палатка. Один юнкер стоит на посту, сменяясь через два часа, а два других с разводящим находятся в палатке. Разводящий ставит часового на пост, часовой может сойти только по приказанию разводящего или государя, и когда он стоит на часах, то ни один военный, будь он прямым начальником или занимая он высший пост, не может давать часовому приказаний. Часовой обязан охранять пост и не имеет права сойти с него пока не будет снят или сменен своим разводящим, хотя бы жизни его угрожала опасность. Часовой вооружен винтовкой. В больших караулах, кроме разводящего, назначаются еще караульные офицеры, которые имеют право снять часового. Часовому нельзя сидеть, пить, курить; винтовку он держит как хочет и может ходить вокруг поста. На войне бывают случаи, когда разводящего убивают, тогда посылают телеграмму государю и с его разрешения снимают часового, или просто ослабевший часовой падает

в обморок, простояв полтора или двое суток. Если часовой покинет пост, то его расстреляют. Нам рассказывали случай, когда часовой, почувствовав ужасную резь в животе, — съел огарок от свечи; стоявший в карауле офицер, вместо того чтобы замять дело, доложил по начальству и солдат поплатился 20 годами каторжных работ, которые потом были заменены одним годом тюрьмы. Неделю с лишним назад на том же посту, на котором я стоял, был следующий случай: на стрельбище перед училищем производились опыты с удушливыми газами; ветер внезапно изменил направление, и облако направилось в сторону левого угла нашего лагеря. Часть юнкеров роты с левой стороны угла была переведена на другую сторону. Затем облако стало приближаться к пороховому погребу, разводящего как раз не было, юнкера запасных смен намочили платок, но часовой не берет, так как он не имеет права принимать вещи от постороннего; уже облако газов окутало человека, весь бледный прибежал помощник дежурного офицера, совершенно растерявшись, он приказывает (не имея на то права) часовому сойти с поста; тот не сходит. К счастью, облако было не из густых, и юнкер остался жив и здоров. Разводящего не было потому, что он ходил спросить у дежурного офицера разрешения снять часового, а сам он может его только сменить. Я был в 1-й смене и стоял в следующие часы: 8—9 вечера, 1—3 ночи, 7—9 утра, 1—3 дня, 7—8 вечера. Спать я мог только следующие часы: 11—1 ночи, 5—7 утра; но в нашей палатке стоял такой холод, что, несмотря на шинель, спать (на голых досках) почти не было возможности. Я все-таки спал, но другие не могли даже лечь. Стоять на посту не холодно, так как можно ходить; тихо, спокойно кругом, высокие сосны поднимаются вверх, а над ними звездное небо. Время летит незаметно. Думаешь, картины прошлого проносятся в голове. Военная служба часто требует от нас всего нашего времени, но тем не менее она не стесняет свободы наших мыслей. Наоборот, при полном физическом подчинении сами собой всплывают мысли и образы. Дни теперь стоят сырые и холодные; прохладная, свежая, северная ночь. И вот я думаю о том, как должна отразиться хотя бы эта же караульная служба на психике солдата, а следовательно и на народной психике. Ведь от германской границы и до берегов Тихого океана ставят таких часовых.

Я задаю себе вопрос: подавляет ли часового такая служба, как караульная, поработает его личность? По-моему, нет. Наоборот, от часового требуется много сообразительности, чтобы он знал, как поступить в том или ином случае; эта служба не стесняет гражданского самосознания, сами солдаты говорят: «Когда я часовой, я больше генерала». Такая ответственная служба будит его гражданское сознание. До этого времени мне случилось нести «семейную» повинность, теперь я несу военную. И с каждым днем я чувствую себя все более самостоятельным и взрослым человеком. Нам не раз говорили, что мы люди взрослые, что нам предстоит ответственная служба. По-моему, военная служба не имеет в себе ничего полицейского и, правильно исполняемая, она не должна принижать человека. Другое дело на практике, когда узкие, ограниченные люди не шли далее формы — хорошей выправки. Так, устав говорит, что на позициях ротный командир обязан быть там, откуда ему удобней командовать ротой. Из этого в японскую войну делали вывод, что ротный командир может сидеть в резерве и оттуда командовать посыльными; теперь, между прочим, ротный командир обязан сидеть в окопах.

Стоя утром на часах, я начал осматривать близкие предметы. Но вот на стене я вижу надписи. Обычно надписями у нас в университете изобилуют все уборные, и надписи — самого различного и пошлого содержания; но здесь я не нашел ни одной сальной надписи, наоборот, видно было, что людям было грустно и что они думали, а ведь это так редко случается без принуждения извне. Когда я стал читать, мне сразу стало хорошо, я взглянул на сосны кругом, на только что вставшее солнце и не мог не любоваться.

Вот несколько картинок из нашей жизни. Сегодня дежурный офицер — поручик П.; мы его хорошо знаем, так как он наш подростный и каждый день ходит с нами на строевые занятия. В начале восьмого утра, когда поют молитву, появляется П., после молитвы осматривает юнкеров: «Юнкер Ш., как у вас вычищены сапоги? Взводный, за чем вы смотрите, пять суток ареста». Это слабая сторона — наказывать не виновного, а старшего. Наш взводный по уходе П. громко жалуется: «Что ж, господа, с вами по-человечески обращаются, а вы подводите...»

В этот же день за обедом одна рота подошла к столу не в ногу, П. кричит: «7-я рота, кругом шагом марш!». И рота идет обратно, потом снова подходит к столам, П. ее снова отсылает, она, наконец, в третий раз пришла хорошо, а все это время тысяча с лишним человек стоит «смирно» и ждет минут 20—25.

Или, все мы уже выстроились в столовой к завтраку, но молитву не поем, так как дежурный офицер еще не пришел. В это время к нам подходит помощник начальника училища, полковник П.; он заметил опоздание дежурного и тут же, не стесняясь присутствием юнкеров, делает ему выговор: «Что это за непорядок, опаздываете, здесь тысяча двести человек выстроилось, а вы сидите в дежурной комнате; чтобы мне этого больше не было».

Наша рота вернулась с молебна, стоит еще в строю; поручик К. ходит перед фронтом, вдруг слышится его грубый и неприятный голос: «З., вы стоите, как беременная женщина, это черт знает что, З., вы слышите, это вам я делаю замечание; двое суток ареста, неделю без отлучки!» Конечно, все это исключительные случаи, и бывают они не каждый день. Бранных слов у нас не применяют. Военную службу можно оценивать с двух точек зрения. Одну точку зрения можно назвать идеальной; в этом случае за мерку я беру то лучшее, которого может достичь сознательный человек, который знает, что он прежде всего и больше всего ответственен перед самим собой; в этом случае военная служба кажется лишней и ненужной. Иными словами говоря, если бы все люди дошли до той степени развития, которого мы достигли, то весь этот строй жизни, основанный на подчинении и принуждении, сам собой исчез. Но вот другая точка зрения, назову ее реальной. Забудем на минуту о тех достижениях, которые может воспитать в себе человек, и посмотрим, на какой ступени развития находятся люди в данную минуту. И здесь перед нами открывается много безотрадных перспектив. Как ни трудно мне это говорить, но сильная власть все еще продолжает служить фундаментом нашего государственного строя. И думается, что долго это еще будет, так как много людей на свете, которые хотят жить в свое удовольствие вопреки интересам других. При этом мне невольно вспоминается определение Кропоткина: «Война не что иное, как вооруженный грабеж».

В Северо-Американских Соединенных Штатах, где

почти нет войны, там царит другая дисциплина — дисциплина промышленная, она так же держит людей в определенных рамках, быть может, не менее тяжелых.

Я мог бы быть гармонично развитой личностью, задатки были богатые, но этого не случилось со мной. Насколько я не могу пожаловаться на свое здоровье и вижу, что сильнее и выносливее многих других, настолько я отлично сознаю и не могу не сознавать, что гармония внутреннего душевного мира у меня надорвана. Нашему организму, чтобы быть здоровым, нужен правильный обмен веществ, так и здоровой психике необходим обмен добрых здоровых переживаний, новых мыслей, впечатлений, иначе равновесие будет мало-помалу нарушаться. У алкоголиков происходит особая болезнь, называемая циррозом печени. Все пищевые вещества, прежде чем попасть в кровь, проходят через печень, туда же попадает и алкоголь, отравляя печень. Следствием этого является целый ряд отдельных воспалений клеток печени, в том или ином месте клетки погибают, на их месте образуются рубцы из простой соединительной ткани. И чем сильнее мы отравляем себя алкоголем, тем больше рубцов появляется на печени, последняя делается при этом все меньше и меньше. (Работа доцента Кабакова «Физиология здорового и больного человека»). Я думаю, что в нашем мозгу при продолжительном восприятии им тяжелых и гнетущих впечатлений происходит процесс, аналогичный циррозу печени. Хотя этот процесс и неуловим при наблюдении мозга, тем не менее мы можем, наблюдая других или следя за самим собой, ясно видеть, как мало-помалу покидают нас лучшие спутники жизни: слабеет научное мышление, падает самостоятельная работа мозга; человек не сам ставит себе задачи и находит себе призвание, а ждет, чтобы то или иное воздействие извне упрощало его судьбу.

На основе самонаблюдения я заметил, что несмотря на то, что напряженная умственная жизнь прошла, тем не менее память о ней сохранилась. Теперь я также могу ответить на вопрос, который когда-то сильно волновал меня: имеем ли мы нравственное право на умственное Самоусовершенствование, когда кругом столько людей, которые далеки от удовлетворения самых элементарных потребностей? Теперь я отвечу: да, человек имеет право на умственное совершенствование, если только его мыс-

ли не будут праздной и пустой игрой ума. Мне невольно при этом вспомнились слова одного шанявца¹ перед отправлением на фронт, он говорил: «Пусть те, которые остаются в тылу, продолжают научную работу, пусть культурная работа не прерывается, иначе трудно будет ее возобновить потом». И с этими словами мне хочется обратиться к тебе, Люся², и вообще к вам, женщины. Мы, мужчины, теперь будем надолго оторваны от обычного мирного течения жизни, быть может, те, которые вернутся, огрубеют, утомятся. И в это тяжелое время женщины должны хранить и передавать дальше то лучшее, до него дошли люди. Вы должны помешать колесу жизни повернуть назад. Я теперь узнал переживания, которых раньше не предполагал в себе.

Скажу несколько слов о нашей одежде и пище. На одежду пожаловаться нельзя, хотя она и не претендует на новизну и изящество, но тепла и удобна. Особенно нравятся мне простые сапоги из грубой кожи; они, правда, немного тяжелы, но зато нисколько не стесняют и не портят ноги. Пищи достаточно, но желудок варит ее плохо. Я, да и многие юнкера, страдаем сильной изжогой. Жаловаться в такое тяжелое время на пищу грех, но беда-то вся в том, что когда нам дают по кружке «готового» чая с сухим хлебом, в расписании меню, подписанным начальником училища, значится «кофе с пряниками», то же самое относится и к завтраку, и к обеду. Я думаю, что солдату на Руси отлично жилось бы, если бы с ним обращались как следует и тратили бы на него все отпущенные деньги. Между прочим, наше училище считается одним из первых по дисциплине и наукам. Особенно оно выдвинулось после пятого года, когда юнкера принимали деятельное участие в «усмирении» беспорядков в Москве. За такое «доблестное» поведение нашим шефом назначен цесаревич и к знаку, получаемому при окончании училища, прибавлены мечи.

* * *

Дорогой друг!³ Тебе жизнь больших городов кажется светлой и радостной. Из наших рассказов ты видела напряженную умственную жизнь с широкими устремлениями и интересами. Не знаю, что ты нашла бы

¹ Студент университета имени Шанявского.

² Люся — двоюродная сестра С. Лазо.

³ Здесь С, Лазо также обращается к двоюродной сестре Люсе.

сама и что ты найдешь, когда попадешь в Москву или Петербург. Мне кажется, что ты составила по нашим рассказам слишком розовую картину. Ты видела достижения. Легко, свободно и вдумчиво ты относилась ко всему, что мы вынесли оттуда из заманчивой дали столицы. Но ты не учла труда, благодаря которому я это получил, ты не знала про ту упорную умственную работу, которую проделываешь, когда сталкиваешься с вопросами жизни, на которые никакие готовые программы не могут дать ответа. Приходилось раскидывать много мусора, прежде чем найти хоть что-либо ценное.

Я боюсь даже тебе советовать ехать в большой город, его шум тебя оглушит, зимний холод не даст выйти на улицу, одиночество может задавить и для работы не оставит сил. Мы не замечаем и не ценим многое из того, что окружает нас. Помни, что в этой жизни, которую я вел, не было ни удобной хорошей квартиры, залитой светом, с короткой лестницей, не было заведенного домашнего распорядка, не было на кого положиться. Я в своей студенческой жизни не знал семейного уюта, не знал музыки, жил почти без женского общества. Я не сломился, мой характер от этого только закалился. Но если случится то же самое с тобой, быть может, ты не расцветешь, а завянешь.

Летом 1915 года я все это не сознавал, я видел в тебе человека исканий, запросов и оценил их на свой масштаб. Но за рождество и после пасхи во время пребывания в Одессе я понял, что ты мало приспособлена к самостоятельной студенческой жизни... Дело вот в чем: не ты мало развита, нет, наша русская жизнь слишком груба, и тебе придется тратить силы не только на учение, но и на преодоление внешних препятствий, и ты, конечно, несколько не виновата в том, что русская жизнь так груба. Вы в Одессе жили, быть может, очень гармоничной жизнью.

Вот, например, из моих знакомых курсисток нашего кружка большинство знает только один, только упорный, ничем не прикрашенный труд. Меня глубоко тронули слова одной курсистки, она сказала: «Помните, в прошлом году на масленицу мы катались на лыжах, а потом возвращались из Петровского-Разумовского на розвальнях, а ведь это был самый радостный день за весь год». Чтобы понять жизнь русского студенчества, я расскажу

об одном человеке, с которым я познакомился в училище, студенте Лебедеве. Немного сторбившись, с большой головой и большими грустными глазами. В один из первых дней по поступлении в училище каждого спрашивали, что он кончил и где учился. «Кончил математический факультет Генуэзского университета, был на пятом курсе кораблестроительного отделения политехникума», — раздался ответ. Сначала я мало сходился с ним, вообще с натурами замкнутыми сходятся мало-помалу. Но теперь мы большие друзья. Вот что я узнал от него. Кончил он реальное училище в Херсоне, поехал учиться за границу, сначала в Германию, потом в Англию, и на второй год окончательно осел в Генуе, где поступил в политехникум и одновременно занимался в университете. Получал он из дому немного, но ему удалось всюду находить себе работу как преподавателя русского языка и другие заработки. За годы студенческой жизни он изъездил всю Западную Европу, был в Турции, Индии, Египте. Когда он рассказывал про свои путешествия, я мельком заметил: «Вы, наверное, привезли с собой кое-какие вещи из Индии».

— Нет, представьте себе, — возразил он, — я никогда не привозил себе вещей, с меня достаточно было одних впечатлений.

Я пишу не то, что следует. Это все еще мало характеризует его. Самое верное то, что этот человек попал в условия, которые развили все его силы и способности, не потеряв ничего. Просто не верится, что он каждый день вставал в 7 утра и ложился в 2 часа ночи и это не утомляло его. И его жизнь удалась потому, что он жил среди людей в полном смысле этого слова, он жил в стране с высококультурным уровнем, свободным веселым населением, исполненным сознанием своего достоинства.

Рассказывал он про толстые скамьи резного дуба, испещренные надписями; много столетий подряд сидят за этими скамьями студенты. «Да, — говорил Лебедев, — итальянский студент не чета русскому, он умеет веселиться, нрав у него живой и веселый». Когда он начинает рассказывать, все лицо его оживляется, глаза блестят, он не может спокойно стоять на одном месте. На его долю выпало много работы, но и много веселья, много самых разнообразных впечатлений. Он лично знал Максима Ко-

валевского¹. Слушал лекции Кюри² в Париже, беседовал однажды в Брюсселе с бельгийским королем. И несмотря на все это, человек удивительно скромный, никогда он не вставит в разговор мудреного слова, раз он как-то сказал: «Наша русская интеллигенция ужасно любит мудреные слова, но это переходный период». Лебедев назначен у нас старшим классного отделения, и сколько у нас ни безобразничают в классе, он никогда ни на кого не пожалуется и никому не сделает резкого замечания, у него хватает человечности смотреть спокойно на чужие выходки и не выходить из себя. Раз я привел выдержки из Шопенгауэра³, не называя автора. «Ах, это Шопенгауэр,— сказал Лебедев,— я очень люблю этого философа, он не запутывает своих мыслей, не делая их достоянием узкого круга специально подготовленных голов, а требует от своих слушателей только доброй воли и ясного сознания». Часто мы сидим вдвоем, он говорит о своей студенческой жизни, проведенной под лазурным небом Италии; то, что он рассказывает, не представляет ничего особенного, это переживания, знакомые каждому из нас, но за всем этим скрывается полная жизнь. Я смотрю на Лебедева и думаю, как я мог бы развиться, но этого не случилось. Но не надо грустить, в жизни, быть может, есть нечто более важное, нежели осуществление наших надежд и желаний.

Вчера вечером я рассмеялся в строю на вечерней переключке, так как юнкер, производивший расчет роты, крайне неумело подавал команду; за это я получил замечание, или, говоря юнкерским языком,—«пистон», а завтра мне предстоит докладывать об этом своему полуротному, поручику П., тому самому, который перед обедом дважды возвращал роту обратно. Придется постоять несколько часов под винтовкой или лишиться на некоторое время отпуска, но это меня не только не угнетает, но, наоборот, появляется какое-то глупое любопытство: вот П. будет выходить из себя и делать выговор. Прав был Горький, сказав, что при однообразной русской

¹ Ковалевский Максим Максимович (1851—1916)—русский буржуазный историк, социолог, этнограф, либеральный политический деятель.

² Кюри-Склодовская, Мария (1867—1934), выдающийся физик и химик, одна из творцов учения о радиоактивных элементах.

³ Шопенгауэр, Артур (1788—1860), немецкий философ-идеалист.

жизни и парад — зрелище, на пустом лице и царапина — украшение.

До свидания, дорогой друг. Пиши обо всем, что делается в Езоренах. Привет Мите и Тусе. Твой Сережа.

Писал 30 июля, 1, 2, 3 и 4 августа 16 г. Москва, Алексеевское училище, юнкеру ЕИВ, 3-й взвод.

...Теперь я стою на той точке зрения, что только одни ясные мысли могут руководить человеком, только ими он силен. А настроения, они не в нашей власти. Они сами собой приходят и уходят. Я хочу это особенно подчеркнуть, так как в моей собственной жизни я слишком жил одними настроениями и дорогой ценой заплатил за это. Должен сознаться, что в широкой программе, набросанной тобой, я не почувствовал целостности и единства. Теперь еще оценивая свою жизнь, я должен признать громадное значение правильной постановки вопроса «что же нам делать», и у меня этот вопрос был поставлен тотчас же по окончании гимназии прямо и определенно и, по-моему, правильно, но дома этому помешали, но с этими мыслями я не расстался и до сих пор.

И вот ты пишешь про себя, что то дело, которому ты будешь служить, все еще не определилось, что ты еще сама не знаешь, где найдешь применение своим силам... Если бы меня теперь спросили, как я понимаю развитие человека, я бы на это сказал так: человек должен специализироваться только в одном определенном направлении для практического дела, человек должен получить широкий кругозор, которым он сумел бы охватить и осмыслить все, что происходит вокруг. Полная целостность развития заключается в умении соединить эти две стороны. Иначе получится или узкий специалист или лишний человек. Последние 10 строк представляют из себя, так сказать, итог моих мыслей о развитии человека. И эту мысль я берусь не только доказать, но и пояснить живым примером из жизни. Конечно, у каждого человека свои выводы и свои заключения. И своих выводов я отнюдь не считаю обязательными для других...

Работы в училище много, но дается она легко, даже гимнастика, бывшая раньше камнем преткновения, теперь делается с удовольствием. Теперь и отношение офицеров совершенно иное; через 10 дней нас переводят в старший класс (выпуск старшего класса 1 октября).

Но для меня самое важное в том добром и спокойном взгляде на жизнь, который чем дальше, тем сильнее овладевает мною. Снова человек может подняться и думать о том, как он устроит свою жизнь. Я со стыдом во всем этом сознаюсь, со стыдом потому, что, очевидно, больно плохо была студенческая жизнь, если нужно было Военное училище, чтобы я набрался сил. И это новое для меня теперь, но довольно известное в былые годы, бодрое самочувствие появилось; но не скрою, оно медленно, но верно нарастало за последние четыре месяца, нарастало после походов, когда мы вымокшие, озябшие и усталые возвращались в холодные бараки в лагерях; после бессонной ночи в караульной службе, после нескольких недель, проведенных подряд без отпуска в непрерывной работе. Я сумел теперь без пристрастия взглянуть на то содержание, которое вливал в жизнь раньше. Много было ценного, но многое пришлось откинуть, так как оно было пробуждено не самим делом, мыслями, но туманной фантазией.

На строевое занятие мы выходим за город (само училище находится на краю Москвы), там издали я каждый день люблюсь видом на Москву, среди моря зданий узнаешь очертания колоколен, церквей, башен, вышек зданий; и в уме невольно возникает сравнение: как на занятиях я люблюсь Москвой, так в моей новой жизни я хочу оглянуться на прошлое и отличить удивительно замечательное от серого и обыденного.

16 сентября у нас в училище был вечер, ко мне пришли две знакомые курсистки, медички: Юля Тутышкина и еще одна ее товарка; особенно меня тронул приход последней, так как с ней я не виделся более полугода. К нам присоединились два юнкера II роты со своими знакомыми — все эти люди участвовали в прошлом году в нашем кружке, теперь они собрались в несколько иной обстановке. Моему бодрому настроению прежде всего, конечно, способствует та правильная рабочая жизнь, которую я веду, затем предчувствуешь серьезность и ответственность работы офицера. Ведь, как это ни странно, но на этой работе мне, может быть, впервые придется непосредственно столкнуться с простым народом. Наконец, среди юнкеров нашей роты у меня хорошие друзья, которые мне не меньше дороги и близки, чем хотя бы Володя Булат. Каждый отпуск я неизменно

захожу к прапорщику Соколову. И, оглядываясь на себя, я сам говорю себе: вырос ты уже, Сережа, но детское, непосредственное не покинуло тебя. Особенно я подружился с прапорщиком Соколовым и юнкером Лебедевым. Этим людям я никогда не забуду: это люди, которые оказали на меня большое влияние, которых я признаю умнее и выше себя, а ведь сколько времени я искал и не мог найти таких людей. Жизнь всегда готова порадовать или удивить чем-нибудь. Если она долго текла равномерно, то может случиться, что в один-два дня сделает сразу резкий поворот, забурлит с новой силой. То же случилось и со мной в последние три дня; что-то захватило меня всего сразу глубоко и сильно новым чувством; и это произошло в такое короткое время и сначала для самого себя так незаметно, что потом я оглянулся, а затем молча поник головой. Не спрашивай меня об этом, при встрече или в одном из следующих писем я расскажу подробнее обо всем. Невольно вспоминаются простые и прелестные стихи Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись,
В день уныния смирись.
Верь, веселья день настанет.

Большое спасибо за все то, что ты писала мне о Бессарабии, особенно о маме и Степе. Я отлично понимаю мамино горе, только напрасно она думает, что мы бежим от нее, если мы говорим, что нас не тянет в Бессарабию. В настоящем есть и своя хорошая сторона. Так, военное училище многое сгладило и примирило в моих отношениях к маме. Прежняя переписка и, наконец, то, что мы можем друг другу писать простые хорошие письма. Не согласен я только с той оценкой, которую ты даешь Степе; твое письмо скорее меня порадовало, тут я вспомнил самого себя в Степины годы. Я не придаю большого значения Степиным словам о том, что по окончании гимназии он купит себе электрическую машину и все время будет заниматься опытами с ней. Когда он лучше ознакомится с миром вокруг и не сможет не увидеть, что электричество только одно из проявлений той силы, которая разлита вокруг нас, и я не думаю, что он вырастет настолько узким человеком, что предпочтет знакомство с одним электричеством, живой
Иными словами говоря, зная Степу, я не боюсь, что

электричество заслонит от него божий мир, он не настолько близорук. Наоборот, эти Степины слова меня обрадовали, он мне показал, что он может сосредоточиться на одном отдельном явлении и все силы отдать его изучению. Да, и затем я не вижу ничего плохого в том, чтобы со временем Степа работал по электричеству и технике, это мне слишком хорошо понятно. Не испугало меня и то, что Степа любит бродить один по полям, ведь это говорит только о самостоятельности и силе характера. По-моему, пути развития человека могут быть разные, лишь бы чувствовалось, что он живет полной жизнью, а в Степе я это всегда чувствовал. С этим письмом посылаю письмо Софье Михайловне, допиши на нем адрес и пошли его. Пиши обо всем, что делается у вас. Привет дяде Ване и другим.

С. Лазо.

20. IX-16 г. Москва. Алексеевское училище.

Не помню, писал ли я тебе или нет про наш студенческий кружок. Возник он после рождества, когда мы решили прочесть несколько рефератов. Теперь мы аккуратно собираемся каждое воскресенье, кто-либо из членов читает реферат. Вот темы рефератов за это время:

1. Естественная наука и ее значение для выработки мировоззрения в жизни человека.

2. О воспитании; какими знаниями мы должны дорожить больше всего.

3. Работа женщин в студенческих организациях.

Все три реферата были прочтены курсистками-медиками. Готовится реферат «О характере» (студент-технолог).

Наш кружок можно назвать удачным, этому много способствовало то, что все члены его — люди простой здоровой психики. У них за рабочую неделю накопилось достаточно переживаний, чтобы ими поделиться друг с другом. Эти люди научили меня непосредственно и просто брать жизнь такой, какой она есть, они заразили меня добрым настроением рабочих людей. Да и как не быть добрым этим людям, выросшим в хорошей семейной обстановке. Вот технолог Ф. недавно вернулся с Урала, где работал на заводе целый год. У него в Москве три сестры и два брата, он считается главой

семьи (с ним я познакомился недавно, с его братьями и сестрами был раньше знаком). Редко в ком я находил столько общего, как в нем. Одних лет со мной, он в 1912 году, как и я, поступил в Технологическое училище, только он студент 5-го курса, а я юнкер Алексеевского училища. И я спрашиваю себя: сделала ли узкая специализация в практической работе из него узкого человека? На это дает ответ выписка из записной книжки, куда я занес сведения и впечатления о технологе Ф. в день моего знакомства с ним,— вот что там было записано:

«Ф. ростом чуть ниже меня, фигура немного сутуловатая, видно, человек крепкий. Лицо бледное и немного усталое, носит отпечаток продолжительной и упорной работы. Лицо немного вытянутое; голова покрыта длинными черными волосами. Выражение лица спокойное, взгляд добрый, немного улыбающийся. Я с ним разговаривался и как сейчас слышу его ровный голос: «Что ж мы, русские, подножный корм для иностранцев? Россия дикая и некультурная страна, разве у нас есть общество и общественная жизнь? Грустно, очень грустно, но наша родина это страна отдельных народностей, объединенных правительственной властью.

А рабочие? Я слышал на Урале разговор с одним рабочим, на вопрос — чего он будет добиваться после войны, — рабочий ответил, что они будут добиваться свободы, будут бить и жечь. И этот вывод, — продолжал Ф., — я считаю характерным: все чего-то хотят, но никто ничего определенного не знает. Но вообще между тамошними (т. е. уральцами) и здешними (московскими) рабочими большая разница, последние куда сознательнее. А интеллигенция? Наше студенчество едва ли можно считать интеллигенцией, и большого значения я ему не придаю (этот вывод Ф. повторил несколько раз, видно было, что он много думал над этим). Я видел интеллигентных рабочих, это главным образом работающие в определенной специальности. Народ крепкий, сознательный; по знанию экономических вопросов заткнет за пояс любого студента, правда, быть может, он будет выражаться не нашим ученым языком. А среди учащейся молодежи только небольшой процент можно назвать интеллигентами. Единственное, быть может, исключение составляет Петровская сельскохозяйственная Академия, и когда я

думаю о нашем безотрадном положении России, то больше всего надежду в будущем я возлагаю на рабочий класс». Про свою деятельность технолога Ф. говорит, что приходится много работать, чтобы быть хорошим инженером, а не инженером на 250 рублей в месяц. На доходном месте придется все силы отдавать делу, забросив все, не имеющее непосредственного отношения к делу инженера.

Заговорили мы о Горьком. «Какое отрадное явление в русской жизни; человек изломан, исковеркан, а он все поет добрую песню, в этом огромная заслуга Горького». «А буржуазная публика его не любит», — прибавил я. Для меня Ф. не новый тип, во многом он напоминает того офицера, с которым я подружился перед призывом в училище. От таких людей веет силой, настойчивостью, говорят они спокойно и за каждым их словом чувствуется глубоко пережитое. По нашей книжной классификации, это тип интеллигента-марксиста. Хочу при этом сказать, что, по-моему, человек только тогда узнает, вернее, познает жизнь, когда он сумеет преодолеть ее трудности, сумеет быть активным работником.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

18.1 1917 г. Красноярск.¹

Дорогой Боря!

Почему ты ничего не пишешь? Даже если бы ты написал мне в Иркутск, я получил бы, так как оставил там заявление о пересылке писем в Красноярск, и уже получил таким путем письмо от мамы. Нашлась ли моя записная книжка? В вещах ее нет. Если ты еще не послал посылки, то напиши мне сейчас об этом. Чертежных принадлежностей совсем не надо покупать: в здешнем-писчебумажном магазине можно достать недорого небольшую отличную готовальню и все необходимое для черчения. Итак, если посылка не послана, напиши об этом, не покупая принадлежностей для черчения, и прибавь к моему списку книг следующие: 1. М. Туган-Барановский. «Социальные основы кооперации». Ц. 3 р. 25 к.,

¹ После окончания военного училища С. Лазо получил назначение в Красноярск в 15-й Сибирский запасной полк.

магазин «Студенческого книгоиздательства» на Моховой. 2. Петражицкий «Основы эмоциональной психологии» или «Введение в изучение права и нравственности». Ц. 1 р. 25 к. 3. Посылаю в этом письме бланк подписки на издание «Русская литература XX в.». Я внес задаток 2 р. и получил две книжки; возьми столько книжек, начиная с третьей, сколько вышло. Ну, пока довольно о делах. Да, смотри не потеряй подписной бланк. Книжки теперь стоят дороже, о чем я был уведомлен книгоиздательством.

Живется мне хорошо. С работой справляюсь легко. Здесь не только мы занимаемся с солдатами, но два раза в неделю с нами занимаются батальонные командиры.

Погода стоит отличная: солнце, сухой мороз, обычно но утром до -15° , днем до -10° , бывает мороз и до -20° , больше пока не было. Ужасные морозы были в Красноярске до рождества, когда три недели подряд температура не спускалась ниже -30° . Было несколько случаев замерзания часовых на постах. Ну, а теперь хорошо. Правда, часто здесь дуют ветры и, хотя ветры дуют с юго-запада, но ветер очень холодный, температура -12° , -15° , но это не страшно. Никаких меховых вещей я себе не покупал, это совершенно лишнее. Да, я только переделал папаху, купил еще большие теплые валенки, в них я отправляюсь на целый день за город, под башлыком закутываю голову шарфом, связанным Марией Константиновной, при этом никакие морозы и ветры мне не страшны. Если увидишь Марию Константиновну, поблагодари ее от моего имени за шарф.

Как я уже, кажется, писал тебе, окрестности Красноярска гористы, горы покрыты мелким молодым лесом, так как здесь раньше всего вырубали лес, а настоящая вековая тайга не ближе 30—40 верст.

На днях я целый день гулял в окрестностях Красноярска и поднялся верст двадцать вверх по течению реки. Верст 15 выше города начинаются скалистые горы серого камня, напоминающие гранит. Большие утесы так и врезаются в самое русло реки. Я влезал на эти горы; особенно трудно лезть по глубокому снегу, глубже 1 аршина, до того разогреешься, что шинель сбрасываешь и перекидываешь через плечо, а пот градом катится со лба; вот пробежит заяц беляк или перелетит стая рябчиков.

Думаю, что удастся получить два-три дня свободных и съездить в вековую тайгу с кем-либо из моих солдат-охотников, мне обещали разыскать медвежью берлогу, можно поохотиться на оленя, глухаря, рябчика. Предвидя это, я выписал из дома свое ружье. До свидания, крепко целую тебя.

Твой Сережа.

Красноярск, Батальонный переулоч, д. 25 Хромова, кв. Прокофьевой, прапорщику 15 сиб. стрелкового запасного полка.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

29.I 1917 г. Красноярск.

Дорогой Боря!

Письмо твое от 15-го получил 23-го, спасибо за пересланную книжку. С нетерпением жду от тебя посылки. Напиши поскорее, что ты смог достать. Я уже писал тебе, что готовальни и чертежных принадлежностей покупать не надо. Как только получу от тебя ответ, куплю их здесь.

Живется мне очень хорошо. Жизнь незатейливая, по здоровая и спокойная. Занятия в роте проходят легко и незаметно. Вот только два раза в неделю офицерские занятия, тянут прапорщиков; я пока ничего, разбираюсь, но большинство ни гу-гу.

Я уже, кажется, писал тебе, что никакого полушубка я себе делать не буду, да и фуфайку под шинель одеваю изредка. Я даже полюбил наши хорошие зимние дни, когда солнце так ярко светит, а темная полоса тайги на горизонте кажется темно-синей.

Раз во время своих прогулок по окрестностям города, вылезая на крутой берег реки, чтобы сократить путь, я чуть не свалился; неприятно было лежать на крутом откосе, не имея возможности пробраться выше и чувствуя, что каждую минуту можешь скатиться вниз.

С нетерпением жду своего ружья, которое я просил мне выслать, поеду в тайгу, там можно будет поохотиться на глухарей, рябчиков, зайцев беляков. Можно будет поехать на волков с поросеночком. Обещали уже нам разыскать медвежью берлогу. В лесу, кроме того, водятся лоси. Зимой очень легко их бить, нужно только найти

его след и проследить зверя на лыжах, по глубокому снегу ему трудно идти, и через 5—6 часов он падает в изнеможении, но последняя охота меня не привлекает.

Надеюсь, что твое здоровье поправляется и ты себя чувствуешь хорошо. Как твои экзамены?

Пока всего хорошего, целую тебя. Твой Сережа.

Красноярск, Батальонный переулок, д. 25 Хромова, кв. Прокофьевой.

Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.
(Публикуется впервые).

5. II 1917 г. Красноярск.

Дорогая мама!

Получил вчера твое письмо и открытку; первое шло 15, а второе — 17 дней.

Сегодня не успел, а завтра пошлю телеграмму с просьбой выслать ружье; дело в том, что офицер может взять солдатскую винтовку, но она совершенно не пригодна для охоты.

Погода стоит отличная; правда, по утрам мороз бывает до -20° , а зато днем температура подымается до 0° , а на солнце до плюс 7° , так что капает с крыш.

Полушубок я себе не сшил, так как он мне не нужен, — даже под шинель я редко когда надеваю фуфайку. У большинства офицеров здесь вовсе нет такового; к тому же в морозы больше — 15° солдат не выводят на занятия. Шубу же можно сшить недорого: шкурка молодого барана, легкая, с длинной волнистой шерстью стоит 35 р. Казенная офицерская шинель рублей 25, да за шитье 10 рублей. Не думай только, что я мерзну; хотя зима продлится до апреля, но большие холода прошли.

Служба в роте идет хорошо, об усталости и говорить нечего; наоборот, думаю, что многие студенты сильно разленились на военной службе. Я же пользуюсь досугом для чтения. На днях я жду из Томска знакомого прапорщика, который привезет мне атлас с чертежами по машиностроению, а я здесь себе выглядел хорошую и недорогую готовальню и думаю серьезно заняться черчением. Мне везет на людей, здесь я познакомился с административно-ссылными, но об этом — при встрече.

В одной роте со мной служит прапорщик-студент Силин, недавно получил от него небольшую книжку

стихотворений со следующей надписью: «Божьей волею прапорщику Лазо с пожеланием не быть таковым в скорейшем времени». Автор 1917. Признаться, я не предполагал, что Силин — поэт; на вид он бойкий, остроумный, жизнерадостный юноша; сколько ему лет, затрудняюсь сказать, но судя по внешнему виду и зная, что он два года пробыл в университете в Томске, думаю, что он моложе меня. Еще более был я удивлен, узнавши, что он женат на народной учительнице, которая уже четыре года успела прослужить в глухой деревне. За короткое время нашего знакомства я не только подружил с ним, но и успел к нему привязаться. К чести его скажу, что стихотворения нисколько не сделали из него писателя и доля успеха нисколько не замутила его простой и искренней души.

На днях я был у него и познакомился с его женой, бывшей учительницей. Живут они очень скромно: на стене висели две небольшие картины, писанные масляными красками рукою Силина. На картине были изображены виды Сибири. Жена его, со славным хорошим лицом, была одета очень просто, а по нашему — даже бедно. Я пришел, когда они кончали обедать. Жена начала готовить чайную посуду, а Силин взял висевшую на стене гитару и негромким голосом запел романс на стихотворение Кольцова. Помню еще, он показал мне стихотворение, в котором прославлялся подвиг русского солдата, который получает кресты за храбрость и умирает за веру, царя и отечество; это стихотворение он написал по приказанию начальства в Иркутском военном училище. На юнкерском вечере оно было напечатано, и публика раскупала его нарасхват, многие ставили по 10 и по 25 рублей. При этом в разговор вмешалась жена: «А мы в это время сидели без копейки денег, едва было на что жить...» Много ли нужно людям, чтобы быть счастливыми?

Одновременно с этим письмом посылаю бандеролью книжку его стихов, написанных им два года тому назад. Не берусь судить об их достоинстве, обращаю внимание только на три стихотворения на страницах 56, 57, 58. Когда ты получишь книжку, прочти их в первый же вечер громко Степе.

Много читаю о Сибири, сам наблюдаю, расспрашиваю, особенно про те условия, в которых живут ссыльные. Чем больше становятся мои знания в этом направ-

лении, тем сильнее становятся мои симпатии к здоровой стране, которая не знала рабства, где помещики не развращали крестьян и где в одиноких селах среди России незаметные «политиканы» продолжают свою культурную работу, разыскивают среди народа талантливых самородков. Они главным образом и создали в Сибири могучее кооперативное движение. Я думаю, в моих воспоминаниях Сибирь останется страной здоровой и могучей, где так хорошо можно набраться сил человеку, утомленному нервной суетой нашей жизни. А уж страшного в ней ничего нет. Знакомство с Сибирью, быть может, пригодится когда-нибудь, почему знать?

Часто думаю здесь о наших домашних делах, вспоминаю тебя, Степу... Да, насчет вегетарианства у Степы: по-моему, хотя это и причиняет неудобство в хозяйстве, все-таки вегетарианство надо поддерживать.

Еще раз спасибо за те деньги, которые ты мне дала на прощание, я прибавил к ним со своей стороны толику и использовал их, но об этом — при встрече.

Крепко целую тебя и Степу. Передай мой поклон Степану Львовичу. Привет Вале. Скажи Агафье, что я ее не забываю. Когда будешь в деревне, передай Штефану и всем нашим, что в далекой Сибири я вспоминаю Езорены.

Красноярск, Батальонный переулок, 25, дом Хромова. С. Лазо.

**Приморский краеведческий
музей им. Арсеньева.**
(Публикуется впервые).

Письмо С. Лазо матери и младшему брату¹

Дорогие мои!

Милая мама и милый мой Степа! Пишу десятого декабря утром со станции Иркутск, куда я только что приехал. В городе один за другим время от времени громыхают артиллерийские выстрелы. Сейчас иду в девятый полк и, конечно, сразу попаду на работу, тем бо-

¹ 8 декабря 1917 года в Иркутске контрреволюционные элементы подготовили мятеж против советской власти. С. Лазо был послан из Красноярска с отрядом в Иркутск, где ему поручили командовать группой отрядов революционных солдат и красногвардейцев.

С. Г. Лазо летом 1917 года. Председатель военной секции Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов

лее что меня здесь немного знают. Думал написать тебе отсюда открытку, но боюсь до поры до времени тебя беспокоить, пересылаю это письмо в надежные руки в Красноярск, оттуда его тебе перешлют, если что случится...

С вещами я уже распорядился. Все личные бумаги, дневники и т. д. перешлют вам по почте. Я их всецело посвящаю Степе и все дневники, которые лежат в письменном столе в Кишиневе; чужие письма постарайся по возможности отослать адресатам или уничтожить. Передай мой братский поцелуй Боре. Думаю, Степа, ты тоже будешь революционером, как твой брат.

Крепко целую. Сергей Лазо.

10. XII 1917 г., г. Иркутск.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

25 декабря 1917 года, г. Иркутск, Военно-топографический отдел, Центросибирь. Для меня.

Дорогая мама!

Пишу второе письмо из Иркутска. Возможно, первое не было получено, так как я его послал без марок. Поэтому вкратце сообщу пережитое за это время. 5 декабря я уехал в Ачинск и Канск — уездные города Енисейской губернии, а оттуда по делам Исполнительного Комитета в Иркутск. Я приехал туда 10 декабря в разгар боя революционных солдат с юнкерами, который поднялся из-за введения в городе и округе Советской власти. Через несколько часов после приезда я был с винтовкой в руках на передовой линии.

20 декабря был выбран в Военно-революционный комитет и утвержден Окружным бюро Советов Восточной Сибири комендантом города Иркутска с правами начальника гарнизона. Пришлось налаживать заново жизнь гарнизона. Прежде всего прошла приемка оружия и увольнение юнкеров. Потом пришлось налаживать охрану города, караульную службу и т. д.

Чем дальше живу в Иркутске, тем больше втягиваюсь в работу и, очевидно, надолго останусь здесь. Вошел в Центральный комитет Восточной Сибири и на днях получу мандат в Окружное бюро Советов Восточной Сибири. Со своими новыми обязанностями справ-

ляюсь без особенного затруднения. На свою новую должность смотрю только как на временную; как только наладится работа в гарнизоне, подыщу себе преемника и займусь чисто советской работой в Иркутске.

Много пришлось пережить за это время. Здесь впервые выходишь на арену действительной революционной борьбы. Красноярск был, в сущности, хорошей школой, так как оппозиция к власти Советов даже среди сибирского крестьянства, которое теперь отлично организовано, было все время ничтожно.

В Иркутске, конечно, обстановка иная.

В эти дни, когда в городе трещали пулеметы и винтовки и шла непрерывная канонада, разрушались здания, подымались пожары, в эти дни, когда мирные жители страдали несравненно более, чем мы, военные, в эти дни у меня не было ни жалости, ни чувства страха перед этим разрушением, нет этих чувств и теперь.

И не потому, что я человек жестокий, а потому, что мы, социалисты, понимаем, что это открытая борьба, это стремление порвать те цепи, которые долгие годы угнетали народ, разрушить те базы, которые служили источником неисчислимых страданий.

И я не закрываю глаза, я лучше, чем кто-либо другой, знаю громадную разруху жизни в России, но и последняя не повергнет меня в уныние. Мы видим наряду со старым, которое рушится безвозвратно, мощные ростки новой жизни. И пусть все упрекают Советы в тех бедствиях, которые происходят, я не брошу этого упрека им. **Наоборот, Советы, и они одни, могут дать выход из положения.**

Идет великое разрушение. Старое падает тем решительнее, чем сильнее и основательнее подгнило в своей основе. И где были те, которые бросают нам упрек, во все годы войны, войны, порожденной противоречиями нашего уклада жизни? Не они ли призывали к новым и новым потокам крови? Ну да все равно. Вопрос решается не спорами, а классовой борьбой.

В Иркутске стоит на редкость теплая погода, т. е. не опускается ниже -20° , днем $-8-10^{\circ}$. Красавица Ангара все еще не стала. Круглые сутки ослепительное солнце. Пиши, что делается у вас в Бессарабии. Какова политическая ситуация? Из газет трудно вынести определенное мнение. Как прошли выборы в Учредительное

собрание? Что делается сейчас у вас? В своих письмах ты очень мало пишешь об этой стороне жизни. Что теперь с Борей, где он, что делает? Как себя чувствует Степа? Как идут его занятия? Чем он интересуется?

Вообще, как поживают наши бессарабцы, наши «славные дворяне», которым, увы, мало помогает геральдика и знатное происхождение. Мне теперь даже как-то странно и представить себя в прежней обстановке с ее сложившимся укладом, с ее предрассудками. Жизнь заставляет по-прежнему думать над рядом вопросов, несколько и над самой жизнью. Теперь, все переживаешь иначе, глубже, сосредоточеннее и спокойнее. Но главное, основные положения, во имя которых—работаешь,—неизменны. И пусть народ не организован, мы не положили рук. И нам, революционерам, если только мы искренне работаем, конечно, приходится переживать минуты тяжелого раздумья и сомнений, но после них выходишь с новыми силами.

Не ударило мне в голову и вино нового положения, несмотря на то, что в моем распоряжении сейчас отличный автомобиль, сам я живу скромнее, чем когда бы то ни было, живу в общежитии Центросибири, и сегодня первый день с 4 декабря, когда я смогу лечь раздетым. Жизнь строится, новая жизнь, и строится как-то иначе, чем ее направляло течение вещей, и ближе к тем задушевным мечтам, которые носил с раннего детства.

Твой Сергей.

ДОКУМЕНТЫ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Донесение Сергея Лазо¹

11 марта 1918 года.

Сообщаю положение дел с Семеновым. 1 марта занята ст. Даурия. Противник в панике бежал при первых орудийных выстрелах. 5-го с бою занята станция Шарасун. 8-го заняли пустую ст. Мациевскую. Отступая, семеновцы взрывают путь, увозят аппараты, кассы, билеты и частные грузы. 8-го разъезд № 86... занят китайскими солдатами. 9-го с полномочиями Центросибири ездил в Маньчжурию для переговоров с китайским

¹ Сборник «С. Лазо». ОГИЗ, 1938 г.

главнокомандующим. Китайцы заявили, что в течение семи дней семеновцы не будут пропущены через границу. Китайские войска за разъезд № 86 не переходят, о дальнейшем запрошен ими Пекин. Официально предложил китайцам или разоружить Семенова, или выдворить из Маньчжурии. Нами даны гарантии неприкосновенности китайцев. Гражданская война не перейдет границу. Китайцы заявили, что ими запрещен набор семеновцев в Китае и что они строго нейтральны. Сейчас Семенов свободно хозяйничает на дороге. Семидневный перерыв, который кончается 14-го, даст возможность противнику только оправиться после разгрома и стянуть свои силы. Я вынес впечатления, что китайцы Семенову не помогут и даже тяготятся им, но за Семеновым стоит чья-то сильная рука. Даурия — удобная база, положение наше прочно, но мы лишены возможности преследовать врага за границей. Семеновцы вооружены винтовками и пулеметами. Теперь у них имеются и орудия. Лично подтверждаю факт бесчеловечных истязаний, грабежей и расстрелов над мирными пассажирами со стороны семеновцев.

Бюллетень

12 мая 1918 г.

В 6 часов утра завязался бой с семеновцами. Неприятель подошел к станции Могойтуй и начал обстрел наших войск, прибывших для операции против врага. Наши части перешли в наступление, меткими первыми ударами нашей артиллерии заставили артиллерию противника замолчать. Было подбито нами и брошено противником одно орудие. Наша пехота наступала цепями широким фронтом, на флангах — казаки Аргунского полка. Вскоре одна рота неприятеля попала под перекрестный огонь пехоты и кавалерии и бежала, оставив одного убитого нами. Войска преследовали бегущего противника, не оказавшего никакого сопротивления на протяжении 23 верст до станции Ага. В 6 часов вечера наши войска подошли к Аге. Наш бронированный поезд с артиллерией и пулеметами ворвался на станцию, и произошел непродолжительный последний бой. Противник в панике бежал. Ст. Ага закреплена за нами. Силы неприятеля определяются в три орудия, до тысячи пехо-

ты и кавалерии со многими пулеметами. Наши потери ничтожны. Убит один казак, несколько раненых. Потери противника выяснить вполне не удалось. Пока найдено свыше 200 трупов. Наши войска вели себя великолепно. Сотни вновь сформированного Аргунского полка принимали горячее участие в разведке. Перед боем и в самом бою проявили большую устойчивость и оказали незаменимую помощь нашим войскам. Пленных и раненых семеновцев нет. Захвачены на станции Ага запасы овса, сена, мяса и орудия. 13 мая наши части преследуют неприятеля, который отошел к Булаку. На других участках Забайкальского фронта без перемен. Прифронтное казачество поднялось на защиту советской власти и спешно мобилизует новые силы.

Командующий Лазо.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

Бюллетень

25 июля 1918 года.

Разъезд 85-й. На фронте без перемен. Перебежчики последнее время передают сведения о провокаторских приемах семеновских банд, употребляемых для привлечения в свои ряды большого количества людей. Семенов нанял несколько японцев и корейцев, переодевает их на станции Маньчжурия и направляет с криками и музыкой на Мацевскую. Тех же японцев он ночью направляет обратно в Маньчжурию и, переодевая снова в японские одежды, днем опять отправляет торжественно на фронт. Какого-то переодетого маньчжурского парикмахера выдает за сына японского генерала Куроки. Раздает в Маньчжурии своим бандам табак и прочие награбленные в кооперативах Забайкалья товары. Семенов заявляет, что эти подарки доставлены ему для раздачи японской императрицей. Семенов забрал весь закупленный московским кооперативом товар на сумму 620 миллионов рублей, продал две электрические станции и пр. Весной, производя насильственную мобилизацию казаков и желая привлечь их на свою сторону, переодевал некоторых своих бандитов в форму военнопленных, выдавал их за мадьяр, указывая населению, что оно должно воевать. Теперь все узрели вранье Семенова, никто

ему не верит; банды Семенова разбегаются, китайцы побросали оружие и ушли; даже офицерство, самый надежный до сих пор элемент, стало подозрительно для Семенова. Передают об организуемых офицерских заговорах против Семенова, над которым установлена постоянная слежка со стороны офицерства, дабы он не мог убежать с награбленными деньгами, не поделив между всеми. Несколько раз китайцы стреляли по Семенову, но последний под градом пуль убежал, причем был убит адъютант. Китайские власти видно тоже недовольны Семеновым. Китайская делегация обещала обезоружить Семенова, для чего им необходим только известный срок. Она подтверждает все вышесказанное о Семенове.

За последнее наступление перебежчики передают, что убита и ранена масса семеновцев. Живут тревожно; каждый офицер с собой носит штатское платье, чтобы в критический момент переодеться.

Прошлое воскресенье паника охватила всех семеновцев. В Маньчжурии офицеры гримировались и передевались даже в японские костюмы. Разнеслась молва, что большевики захватывают Маньчжурию.

**«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.**

Договор командующего забайкальским фронтом с командованием китайских войск

30 июля 1918 г.

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, начальник штаба, главнокомандующий китайскими войсками для временной охранной стражи в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги на территории Хэйлунцзянской провинции, с другой стороны, командующий Забайкальским фронтом, в целях поддержания мира между Китайской республикой и Российской республикой Советов условились о нижеследующем:

1. В течение пяти недель мы постараемся принять все меры к разоружению Семенова.

Мы гарантируем, что в течение этого срока не пропустим Семенова и особый маньчжурский отряд через русско-китайскую границу. О результатах своевременно сообщим.

2. Ни в коем случае советские войска Забайкальского фронта не имеют права перейти русско-китайскую границу, а также и войска Китайской республики не имеют права перейти русско-китайскую границу.

3. Советские войска Забайкальского фронта располагают главные силы на станции Даурия в сторону Читы.

4. На разъезде 86 ввиду удобства расположения войск и нахождения там воды располагаются передовые посты китайских и советских войск, силой каждый не более шестидесяти человек.

5. Все вышеустановленное входит в силу со дня его подписания обеими сторонами.

Начальник штаба главнокомандующего китайскими войсками для временной охранной стражи в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги на территории Хэйлунцзянской провинции. (подпись)

Старший адъютант штаба главнокомандующего китайскими войсками. (подпись).

Командующий Забайкальским фронтом С. Лазо.

Начальник штаба Забайкальского фронта Руссикс
Июль 30 дня 1918 г., станция Мациевская.

(Договор был заключен после вторичного изгнания Семенова с территории Забайкалья. — Ред.).

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

Выписка из протокола заседания конференции¹ партийных, советских и военных работников Сибири и Забайкалья на ст. Урульга, 28 августа нов. ст. 1918 г.

Запись доклада С. Лазо о положении на фронте

Во время эвакуации г. Читы Лазо находился в Могзоне. От Хилка до Могзона испорчен путь дней на 5. За Карымской были взорваны два моста, порван телеграф.

Поступили сведения, что сейчас чехи уже вошли в Читу, а станция Маккавеевская признала Сиб. Вр. Прав.

¹ В августе 1918 г. вся Сибирь была занята белочехами, они подходили к Чите. В Приморье высадилось огромное количество интервенционистских войск. Оставшиеся советские части сосредоточились на небольшой территории Заб. и Амур. области. 28 августа конференция Сиб. актива на ст. Урульга приняла решение о ликвидации фронтов и уходе в подполье. Сергей Лазо после некоторого пребывания в тайге пробрался во Владивосток, где работал членом подпольного обкома.

Далее Лазо передает о настроении рабочих на Дальнем вокзале (Чита I), выразивших желание оказать сопротивление неприятелю и проявивших сознание того, что они теряют с утратой советской власти.

Выступление С. Лазо по вопросу о роспуске воинских частей

Партизанская борьба начнется не из тех отрядов, которые сейчас находятся у нас. Идти в Китай — не выход для интернационалистов. Нужно удовлетворить предъявленные требования и распустить части.

Из списка книг, которые изучал С. Лазо в период подполья в 1918—1919 годах во Владивостоке

Маркс. Капитал. Коммунистический манифест.

Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.

Ленин. Две тактики. Что делать (и статьи периода 1917 г.).

Конт. Курс позитивной философии.

Радлов. Философский словарь.

Жан-Жак Руссо. Исповедь.

Кропоткин. Записки революционера.

Каутский. Предшественники социализма. Экономическое учение К. Маркса.

Меринг. История германской социал-демократии.

Шопенгауэр. Сочинения.

Бокль. История цивилизации в Англии.

Мах. Анализ ощущений и отношений физического к психическому.

Миль. Сочинения.

Спенсер. Сочинения (4 тома).

Вольтер. Мемуары и памфлеты.

Фихте. Назначение человека.

Штраус. Сочинения.

Бухнер. Сочинения.

Зомбарт. Пролетариат.

Клаузевиц. Сочинения.

Апушкин. Русско-японская война (т. I, II, III).

Бартлет (Элис Ашмед). Осада и сдача Порт-Артура.

Гамильтон. Записная книжка штаб-офицера во время русско-японской войны.

Кинай. Русско-японская война. Официальное донесение японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами (т. I, II).

Парский. Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905).

Инчикава. Этика японцев.

Бринк. Внутренняя баллистика и свойство порохов.

Будаевский. Курс артиллерии.

Гейден. Армия и флот в современной обстановке.

Гиров. Курс двигателей внутреннего сгорания.

Бауэр и Лаше. Судовые турбины.

Маршал. Как самому строить маленькие судовые турбины.

Петровский. Научные основы беспроводного телеграфа. Руководство железнодорожного машиниста, мастера депо и его помощника.

Пери. Курс высшей математики для инженеров.

Салтыков-Щедрин. Сочинения.

Успенский. Сочинения.

Чернышевский. Сочинения.

Михайловский. Сочинения.

Вересаев. Сочинения.

Короленко. Сочинения.

Гарин. Сочинения.

Горький. Сочинения.

Герцен. Былое и думы.

Аксаков. Сочинения.

Джек Лондон. Сочинения.

Диккенс. Сочинения.

Личный архив семьи Лазо.

Личная переписка и записи С. Лазо периода 1919—1920 г.

Ольга и Ада! Милые, милые, мои дорогие!¹ Вчера получил твою записку и говорил с А. Г.² Я отлично по-

¹ Письмо, написанное С. Лазо жене О. А. Лазо вскоре после рождения дочери Ады. Письмо написано в д. Сергеевке, где в июле 1919 года проходил съезд представителей партизанских отрядов и трудящихся Приморья. Письмо привез один из делегатов съезда по возвращении во Владивосток.

² Анна Георгиевна Ловыгина — учительница, жена партизана Ловыгина, которая жила некоторое время вместе с О. А. Лазо на Русском острове. (Личный архив семьи Лазо).

нимаю твое состояние и гнетущую атмосферу Русского острова. Сейчас будем рады тому, что мы живы, а увидеться придется не скоро. Так много нужно рассказать тебе. Мое отношение к переживаемым событиям такое же, как было весной... Временами приходится очень трудно, но есть хорошие товарищи.

Твой Сергей. 20 июля 1919 г.

Листок из записной книжки С. Лазо.

Запись 31 декабря 1919 года, Владивосток.

Итак, новый год настал. И в голове уже роятся воспоминания прошлых лет, пережитых годовщин. Как не схожи они были между собой... Вспоминаю... Один в забытом углу глухой деревни за изучением любимой химии. Затем Новый год в городе, и все дома уныло и незаметно. Мама с советами пораньше идти спать. Но вот, хоть и не оторвавшись от родного дома, я как будто стал свободным; Новый год проходит радостно у других, в большом старинном доме, где есть «близкие». Потом... потом с каждым годом все более тускло горит жизнь, это не яркий огонь, а небольшое пламя светильника, и даже трудно разглядеть, как проходит этот Новый год несколько лет подряд. И если различаются чем-нибудь эти унылые годы, так разве только тем, что в последний из них я был взаправду болен.

Но вот старое оборвано внешними событиями, для которых семейный гнет оказался легкой паутиной, и легче от этого. Итак, я где-то далеко, за тысячи верст, на дворе сибирский мороз, а ты, вернувшись с «обязательной» встречи, торопливо пишешь несколько строк, и хочется излить в них всю горечь души, больной бездействием...

А весь следующий день в бурю и непогоду ты осматриваешь окрестности, ходишь по замерзшей безлюдной реке, чуть не обрываешься с обледенелой скалы и с какой-то дрожью впервыеходишь в тайгу и ищешь в этой новой природе «своих» линий и красок...

Еще через год работа и работа, и с удовлетворением чувствуешь, что любимому делу жертвуешь не только все свои силы, но не побоишься отдать за него жизнь.

Теперь снова затишье... бывает такая тишина перед грозой, а в ее безмолвии слышатся стоны и рыдания.

Неужели там, где раньше все росло, теперь забытая нива, где колосья безжалостно обрезаны грубой рукой, и вспоминается песня, где говорится, что лучше погибнуть в неравной борьбе...

Одни дают мало, но они дают все; другие дают много, и они ничего не дают. Кто дал больше?..

«Те, кто делает революцию наполовину, лишь роют себе могилу».

Личный архив семьи Лазо.

(Публикуется впервые).

Январь 1920 г. Владивосток.

Дорогая Ольга!

Я сейчас живу у Нины¹. Меня это очень устраивает, так как у нее есть для меня возможность хорошо заниматься.

Пока мы не установили никакой платы. Я только приношу хлеб, помогаю ей в домашнем хозяйстве — ношу воду, приношу ежедневно молоко для Тани. Я надеюсь на ближайшее время получить ряд продуктов у железнодорожников, но это не наверняка. Напиши мне свое мнение, как ты думаешь, не стесняю ли я Нину, а главное, не боится ли она? Я думаю, что мое присутствие только помогает ей вести хозяйство, так как я делаю некоторые трудные работы...

Материальная сторона дела играет второстепенную роль. Хотя я сейчас у Нины в долгу, но думаю этот долг возместить. Самое главное — насчет опасности. Я пробовал было заговорить по этому вопросу, но мне сговориться трудно.

Напиши мне свое мнение, тем более, что мы думали первоначально, что мое пребывание будет временным, а теперь оно стало постоянным. Других удобных квартир нет.

Наша работа здесь идет полным ходом. Вышел № 3 «Коммуниста», который при сем прилагаю. На праздники (Подразумевается рождество и Новый год.—Ред.)

¹ Нина — Данилина Антонина Кирилловна, близкая знакомая Ольги Андреевны Лазо, жила с дочкой Таней на Ботанической улице в доме священника Никольского. Была в то время беспартийной. Квартира ее была вне подозрений, и С. Лазо в период подготовки к восстанию жил у нее. В настоящее время А. К. Данилина — член КПСС, живет в Ленинграде.

состоялась общегородская конференция, на ней обсуждались вопросы о текущем моменте...

С запада на днях нами получена связь с Сибирским центральным комитетом.

К 15 декабря советская Красная Армия заняла Барнаул, Новониколаевск, Томск, Тайгу. После этого никаких сообщений о положении сибирского советского фронта не было. Сопrotивления советской армии никто не оказывает, и нужно думать, что советская армия находится сейчас в районе Красноярска.

Быстрое наступление советской России застало чехов совершенно враспloh и сопровождалось разрухой, которая не имеет себе равных. Под Омском взята в плен сорокатысячная армия со всем командным составом и десять генералов, а также всевозможные громадные запасы, на эвакуацию которых в нормальных условиях потребовалось бы два месяца...

Правительства Колчака фактически не существует, и о нем даже перестали писать. Во главе дела встал атаман Семенов, как будто на основании приказа Колчака, но в действительности благодаря влиянию Японии.

На Востоке влияние Японии укрепляется с каждым днем. Через Дайрен, Харбин следуют японские эшелоны в Забайкалье. На днях во Владивостоке высажен крупный японский десант. Телеграмма сообщает, что союзники решили предоставить охрану трех дальневосточных областей одной Японии и решили эвакуировать все остальные войска.

Таким образом, в результате падения Колчака положение после некоторых колебаний вполне определилось, и Япония получила то, к чему она здесь давно стремилась. Оправдался тот прогноз, который я ставил в своей резолюции на пасхальной конференции. Очевидно, Япония получила полную свободу действий, и мы должны ждать самого реакционного курса внутренней политики и энергичной борьбы с партизанским движением.

Изменение курса уже сказывается в назначении Семеновым на ответственные посты своих лиц. Так, во Владивосток назначен семеновский полковник Вериго. Я думаю, что в скором времени на Востоке создадутся очень тяжелые условия для работы.

Нам также известно, что японцы организуют экспедицию для подавления 1-го Дальневосточного советского

полка, и возможно, что в скором времени Сучан станет ареной вооруженной борьбы.

В городе 3 января состоялась однодневная забастовка протеста против интервенции и расстрелов. Забастовка прошла очень удачно. Даже электричество не горело, и магазины были закрыты.

Твой Сергей.

Письмо написано С. Г. Лазо из Владивостока, где он жил нелегально, руководя подготовкой восстания в городе, поэтому-то он и пишет об опасности для Нины и ее дочки, так как его могли обнаружить у них и арестовать.

Личный архив семьи Лазо.

Из записной книжки Лазо

1 января 1920 года.

В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости, работа захватывала, иногда даже просто было как-то неудобно отдохнуть, когда знаешь, что еще что-то нужно сделать, к кому-то надо сходить. Товарищи по квартире, у которых мы работали, удивлялись такой работоспособности и не раз говорили об этом. Они простые обыватели, привыкшие в определенные часы ложиться и вставать, привыкшие к определенным часам работы, не испытывавшие, наверное, того подъема тех сил, которые дает работа, подходили и ко мне и к другим с этой обывательской точки зрения. Эти люди твердили мне скучную мораль о восьмичасовом сне и необходимости отдохнуть...

Не раз днем, не раз поздней ночью я садился в стожерне, чтобы уйти в себя и обмозговать, осмыслить ход той работы, которая лежала на руках, всевозможные повороты, зигзаги и толчки, которые могут встретиться.

Я не знаю, как лучше передать ощущение этих минут. Я бы сказал, где найден закон, который говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. **Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью, о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек...**

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

Из письма С. Лазо одной из приморских подпольных партийных организаций¹

Дорогие товарищи!

Мне первому пришлось прочесть ваше письмо, в котором вы вполне справедливо возмущаетесь тем, что вас держат в неведении и вы не получаете своевременной и точной информации. Это мне тем более понятно, что я прибыл не так давно из партизан, где мы существовали не только в полном неведении о том, что делает и думает комитет, но даже не имели возможности читать газет.

Причины плохой, несвоевременной и неполной информации вас коренятся прежде всего не в чьей-либо злой воле, а в общих условиях работы. Прежде всего у нас мало работников. Вы должны знать, что фактически главная тяжесть работы лежит на плечах всего нескольких товарищей, им приходится каждый вечер быть на каком-либо заседании, руководить работой комитета и военно-революционного штаба, писать листовки, воззвания, декларации, резолюции и статьи для газеты «Коммунист». На их руках лежит ведение регулярной связи с партизанскими отрядами и другими организациями области. Этим же лицам приходится зачастую бегать по всевозможным личным и партийным делам. Наконец, им же большей частью приходится выступать официальными представителями комитета в переговорах с представителями других партий и разных организаций. Прибавьте к этому, что никто из нас не имеет вполне удобной для работы квартиры, необходимых технических средств (напр. пишущей машинки), и некоторые до сих пор вынуждены зарабатывать хлеб своим трудом. За последний месяц для устранения всех этих препятствий и постановки на должную высоту техники партийной работы сделано многое. Известное число товарищей в самое последнее время получило, наконец, возможность жить на средства организации. Налаживается и техническая сторона работы, в частности мы будем иметь несколько машинок. За последний месяц уже удалось поставить на должную высоту связь с партизанами и Никольским. Каждую неделю мы получаем сообщения и посылаем подробную информацию и указания. И, на-

¹ Точно не удалось установить, кому было адресовано настоящее письмо. Написано С. Лазо в середине января 1920 года

пример, в одном из последних писем с Сучана товарищи говорят, что наша информация их вполне удовлетворяет. На днях уезжают двое товарищей: один для связи с харбинской организацией, другой, Кушнарев, с подробным докладом в Советскую Россию. Налаживается издание газеты. Материал для № 4 «Коммуниста» уже готов, и сам номер выйдет к концу следующей недели, т. е. числа 22—24 января. Следующие номера будут регулярно выходить каждую неделю. В отношении организации техники и обслуживающих ее лиц дело сейчас налажено вполне удовлетворительно и не может сравниться с тем хаосом, который имел место раньше. Помимо газеты за последнее время выпущено всего две листовки: 1) по поводу расстрела шести товарищей, 2) призыв к забастовке 3 января. Нами составлена декларация Ц. Б. к рабочим всех стран, которую мы постараемся возможно шире распространить и, главное, переслать за границу. Нами составлена и послана подробная информация в Америку тамошним коммунистическим организациям и послу советского правительства Мартенсу. Сейчас готовится ряд материалов для Советской России, копии которых будут посланы вам.

Все перечисленное мною — это очень не много для той работы, которая должна вестись нашей организацией в связи с теми задачами, которые выдвигает перед нами жизнь, но это уже большой шаг вперед по сравнению с тем, что было до сих пор.

Скажу еще несколько слов о себе. Я не только был все время перегружен работой (вся связь с областью лежит на мне, обе листовки, декларация и информация в Америку и передовица № 3 и 4 составлены мною), но я не имел квартиры, где бы я располагал вполне свободным временем, ежедневно 2—3 часа уходят на стряпню и топку печей... прибавьте к этому сильный холод. Наконец из партизан я пришел с хроническим воспалением почек, что время от времени дает себя знать недомоганиями, прерывающими работу. Каждый день до пяти я сижу дома. С пяти до 9—10, а иногда и 12 уходит на заседание и текущую работу. Наконец-то на днях я буду пользоваться пишущей машинкой, что во многом облегчит работу.

Дорогие товарищи, пусть это только будет первым из того ряда писем, которые предстоит написать вам.

Кроме того, в целях непрерывной информации вас я обещаю: 1) вести дневник, составляя его ежедневно и регулярно пересылая вам; 2) копии всех документов и всей переписки, проходящих через мои руки.

Теперь я сразу перейду к самому больному и острому вопросу, неопределенность которого тормозит работу организации. Это вопрос об оценке текущего момента и тактики...

Мы все ищем выхода из того мучительного положения, которое создалось на Дальнем Востоке. Пять шестых населения Сибири фактически воссоединены с Советской Россией и только двухмиллионное население трех дальневосточных областей продолжает находиться под владычеством иностранной военной силы и по существу под непосредственным владычеством одной Японии. О том, какие причины со всей силой толкают Японию к захвату Дальнего Востока и какие мешают ей в этом деле, я говорить не буду, отсылая вас к пространной статье в № 4 «Коммуниста» — «Япония и Дальний Восток».

**«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.**

ЯПОНИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

*(Из статьи Лазо в газете „Коммунист“
от 25 января 1920 года)*

Последние полтора месяца были богаты событиями, которые много определили в положении Сибири и Дальнего Востока и дают нам возможность подвести некоторые итоги.

С одной стороны на запад от Байкала колчаковское правительство и колчаковская «армия» ликвидированы повстанцами, занявшими Иркутск, Нижнеудинск и Красноярск. Рабочие и крестьяне могут там свободно вздохнуть; восстановлена политическая свобода, а в Иркутске выходит большевистская газета...

Вне всякого сомнения, советская армия в течение ближайших недель или даже дней, заняв Иркутск, достигнет берегов Байкала.

С другой стороны на Дальнем Востоке Япония непрерывно увеличивает свои силы: через Дайрен, Харбин

следуют эшелоны в Забайкалье; на днях во Владивостоке еще высажен крупный японский десант. Одновременно стало известно, что американские войска покидают Дальний Восток. Во главе управления краем стал атаман Семенов, назначенный согласно приказу Колчака, а в действительности выдвинутый Японией.

Такова, коротко говоря, обстановка, создавшаяся сейчас на Дальнем Востоке...

Захват Дальнего Востока углубляет японское влияние в Китае и Монголии. Дает возможность охватить сразу Китай с двух сторон. Дальний Восток в этом отношении должен играть для Японии ту же роль, какую играет для Англии Тибет, для Соединенных Штатов — Филиппинские острова, и даже большую, так как одно положение самой Японии вместе с принадлежащим ей китайским островом Формозой... Кореей и Маньчжурией создает для Японии позицию, более выгодную, чем позиция Америки на Филиппинах и Англии в Тибете.

Обладание Дальним Востоком является для Японии вопросом первостепенной важности, она стремится к захвату дальневосточных областей. Японский империализм ставит себе задачу все глубже и глубже распространять свое влияние, с тем чтобы в конце концов при благоприятных условиях оккупировать этот край, присоединить его к себе, как это раньше Япония сделала с Кореей.

Америка также имеет свои интересы на Дальнем Востоке, она также стремится включить его в сферу своего влияния. Но интересы Америки совершенно иные, чем интересы Японии: политика последней ставит своей конечной целью оккупацию края, тогда как Америка благодаря необычайной мощи своего финансового и промышленного капитала не стремится к захвату территории. Для американского капитала необходимо только одно — свободный доступ на Дальний Восток (так называемая политика «открытых дверей». — *Ред.*), так как он знает, что при свободной конкуренции он легко сломит молодой японский капитал. Вот почему американские войска не проявили большой активности, когда Япония из кожи лезет, чтобы усилить свою военную мощь на Дальнем Востоке, ибо только таким путем она может обеспечить свое преобладание здесь. Столкновение японских и американских интересов на Дальнем

Востоке является частным случаем борьбы этих двух великих держав за преобладание на Тихом океане. И не подлежит сомнению, что та политика, которую ведет Америка, может преследовать только одну цель: поставить Японию в невыгодное положение, ослабить ее...

Мы глубоко убеждены в том, что империалистическая политика Японии в Азии, и в частности на Востоке, заранее обречена на неудачу. Но события развиваются так, что в течение некоторого времени Япония будет занимать здесь господствующее положение. Надо использовать все средства для разрушения тыла японской и антисоветской армии.

В этом отношении настоящий момент выдвигает перед нами задачи громадной важности. Мы должны разрушать транспорт, вести агитацию среди корейского и китайского населения и поддерживать партизанскую борьбу.

Дальневосточный областной комитет Российской Коммунистической партии (большевиков) смотрит на себя как на один из отдаленных отрядов, осуществляющих политику Советов Народных Комиссаров в Москве и руководящих борьбой с внешней и внутренней реакцией на Дальнем Востоке. Областной комитет призывает всех, кто не может и не хочет примириться с владычеством Японии, выступить под единым руководством организации Российской коммунистической партии на Дальнем Востоке для победы Советов и воссоздания единой, великой России.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

**Обращение ко всем организациям РКП (большевиков),
ко всем советским военным организациям и командному
составу партизанских отрядов по борьбе с Японией**

Товарищи!

Положение, создавшееся в Сибири и на Дальнем Востоке, включая в последний и Забайкальскую область, ставит перед всеми организациями Росс. ком. партии (большевиков) и перед всеми военными и партизанскими организациями, борющимися за восстановление советской власти, ряд в высшей степени важных задач. Очевидно, что к весне 1920 года армия Советской России займет Сибирь по Байкал и, укрепившись и организовав

базу в Иркутске, будет продвигаться далее на восток. С другой стороны, Япония с согласия других союзников принимает все меры, чтобы помешать продвижению советских войск по эту сторону Байкала. Мы знаем, что советская Россия... поведет борьбу за воссоединение трех дальневосточных областей. О таком решении мы также можем судить по выдержкам из советских газет, помещенных в местной и иностранной прессе.

В этой борьбе с Японией (а других сил нет, так как чехи, американцы и другие иностранные войска уезжают, а русские контрреволюционные войска численно ничтожны) мы должны оказать помощь советскому фронту. Ничем не прикрытые захватнические стремления Японии заставят не только рабочих и часть крестьян, которые со дня антисоветского переворота стали на путь вооруженной борьбы, но и все слои населения, за исключением численно ничтожной кучки спекулянтов разного рода, также стать на путь вооруженной борьбы. Успех этой борьбы зависит от того, насколько сумеем мы объединить всю военную работу, наладить связи между всеми военными организациями и партизанскими отрядами, добиться проведения вооруженной борьбы согласно определенному плану, по определенной тактической программе и, наконец, необходимо организовать снабжение оружием, снаряжением и т. д. а также деньгами, которые мы должны получить из Советской России.

Для каждого товарища, знакомого с постановкой военного дела и организацией партийной работы, не может вызвать сомнение, что борьба с Японией может вестись успешно только при создании крепкой военной организации, объединяющей руководство всей вооруженной борьбой на Дальнем Востоке. Создание такой повсеместной организации, идущей от отдельных отрядов партизан, рабочих боевых дружин, боевых ячеек в войсках и т. д. к одному военному центру, объединяющему всю вооруженную борьбу на Дальнем Востоке, представляет в теперешних условиях нелегальной борьбы особенные трудности. Такую организацию может создать только партия, в распоряжении которой имеется уже налаженный нелегальный партийный аппарат, имеются партийные работники, могущие руководить борьбой.

Дальневосточные организации Росс. ком. партии с сознанием всей важности задачи должны взять на

себя руководство этой борьбой. В настоящее время в каждом городе, в каждом крупном рабочем центре Дальнего Востока имеются партийные комитеты коммунистов, связанные между собой. Каждый партийный комитет должен руководить партизанской борьбой в своем районе, стремясь связаться со всеми отрядами своего района. Таким образом, при имеющихся связях в самой партии осуществится объединение этой борьбы.

Дальневосточный областной комитет Росс. ком. партии (большевиков) решил взять инициативу дела в свои руки и обращается ко всем партийным организациям, военным организациям и партизанским отрядам с призывом помочь работе Д.-В. комитета в деле организации и объединения борьбы и предлагает принять следующий план:

1. Организовать при всех организациях РКП военно-революционные штабы, которым необходимо организовать, руководить и непосредственно вести вооруженную борьбу. В основу взаимоотношений воен. рев. штабов коммунистов положены тесная связь между штабами и их взаимное подчинение на основах военной дисциплины. Д.В.О.К.Р.П. выработал «организационный» устав воен. рев. штаба коммунистов на Дальнем Востоке. Устав этот составлен согласно резолюции 2-й Всесибирской конференции РКП.

2. Д.-В. комитет созывает возможно скорее конференцию коммунистических организаций трех дальневосточных областей, считая главной задачей этой конференции объединение и организацию военной работы.

3. Д.-В. комитет в ближайшее время предполагает созвать военную конференцию из представителей всех военных организаций, партизанских отрядов и воен. рев. штабов коммунистов и других организаций, ведущих вооруженную борьбу в Приморской области.

4. Д.-В. комитет ведет работу по установлению регулярных связей с Советом Народных Комиссаров в целях: а) получения крупных денежных средств, б) получения определенных указаний по вопросам тактики.

5. Д.-В. комитет считает, что при создавшейся на Дальнем Востоке обстановке роль руководящего центра, как в силу общих причин (близость к границе, более легкая возможность наладить связи с Советской Россией, большая осведомленность о положении в международ-

ном и краевом масштабе) и условий работы (более легкая возможность наладить партийный аппарат и особенно издательское дело, наличие организованных кадров пролетариата) должна принадлежать городу Владивостоку.

6. Д.-В. комитет не находит возможным вступить в соглашение с другими партиями для создания единого руководящего органа. Но в то же время мы считаем необходимым входить в деловые соглашения со всеми партиями и организациями, согласными работать под нашим руководством за победу Советской России и свержение японского владычества.

Январь 1920 год.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

Проект плана организации борьбы с Японией на Дальнем Востоке

...Единственным полномочным органом, ведущим от имени Совнаркома борьбу с Японией, должен быть Дальневосточный комиссариат Росс. фед. сов. респ. с отделами: а) политическим или дипломатическим, б) военным, в) финансовым, г) местных или внутренних дел. Необходимо, чтобы Совнарком дал определенные полномочия Д.-В. комитету по созданию Д.-В. комиссариата РСФСР или уполномочил определенных работников, указанных Д.-В. комитетом или конференцией. Местопребыванием комиссариата должен быть город Владивосток. Он должен иметь также отделения в одном из крупных портовых городов Северного Китая (Шанхай). В высшей степени желательна посылка на Дальний Восток товарища с непосредственными полномочиями от Совнаркома.

Составить наказ и послать делегата.

Выбрать комиссию по созыву Дальн.-вост. конференции РКП, разобрать порядок дня и составить обращение ко всем организациям партии с изложением взгляда на основные теоретические и тактические вопросы данного момента.

Взять обратно декларацию Ц. Б. и переделать.

Выпустить декларацию или манифест к пролетариям (всех стран и ко всем угнетенным народностям всего

мира (имея особенно в виду Корею, Китай, Индию и мусульманские страны) от Д.-В. комитета или подготовить таковой к моменту созыва конференции.

Завязать связи и установить контакт в работе с китайскими и корейскими революционерами, национальными организациями.

Обратить усиленное внимание на установление постоянных и регулярных связей со всеми организациями РКП, военными организациями и партизанскими отрядами Дальнего Востока.

Принимая во внимание исключительные трудности, которые будут стоять в работе Д.-В. комиссариата, мы должны немедленно приступить к созданию централизованного нелегального партийного аппарата, дающего гарантию абсолютной конспирации. В настоящий момент этой гарантии нет, и работа ведется во многих отношениях еще кустарным способом, и мы не можем быть гарантированы от провала. Тем более нужно иметь в виду, что с выступлением Д.-В. комиссариата на арену политической борьбы против него начнется бешеная травля, и если не будет работать так, как мы работаем сейчас, то его ожидает провал.

Необходимо выработать и осуществить определенный план практической работы, положив в ее основу принцип военной централизации.

Вести широкую пропаганду среди Корейских и китайских масс.

Вести широкую пропаганду среди японских рабочих, войти в связь с японскими революционерами, интернационалистскими организациями, если таковые имеются.

Все крупные денежные средства, получаемые от кооперативов Советской России, и т. п. должны находиться исключительно в распоряжении президиумов партийного комитета и воен. рев. штаба. Денежная отчетность этих сумм не подлежит опубликованию, она находится на ответственности определенных активных работников и будет подлежать ревизии по восстановлению советской власти. В «Коммунисте» должны печататься отчеты только текущих расходов организации на сумму не свыше ста тысяч рублей в месяц.

Необходимо усилить работу партийного аппарата путем перевода по мере получения крупных денежных

средств активных работников, находящихся на службе, на положение платных работников.

Обратить усиленное внимание на организацию в широком масштабе издательского дела...

(Относится, по-видимому, к январю 1920 года).

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

Из письма в Никольск-Уссурийский комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

Товарищи! Вчера, 23-го, нами получена первая записка от вас, шифр весь расшифрован. Насчет того, что сделка на хлеб состоится 24 или 25-го, мы со своей стороны многого сказать не можем,—вам виднее¹. Поэтому поводу должны сообщить вам следующее: мы будем своевременно извещены о всяком предполагаемом продвижении японцев в сторону Никольска и передадим его немедленно вам. В случае отправления японского эшелона в Никольск, мы не допустим этой отправки, либо устроив крушение, либо испортив путь. Так что возможность увеличения японских сил в Никольске со стороны Владивостока пока вас не должна тревожить. Вас также интересует вопрос о том, что должен делать сейчас владивостокский гарнизон. Мы призываем части сохранять спокойствие, не предпринимать никаких сепаратных выступлений, поддерживать тесную связь с военревштабом и оказывать сопротивление при попытках разоружения. При данных условиях мы не считаем возможным какое бы то ни было выступление воинских частей во Владивостоке.

По поводу намеченного нами срока выступления мы считаем, что спешить с выступлением не в наших интересах, и если вас к этому не побудили какие-либо особые причины, то лучше выступление отложить...

Сообщите, какие отношения установлены у вас с командным составом; к последнему, особенно к высшему, вы должны относиться весьма осторожно. Не так давно эти командиры... расстреливали и мучили партизан — теперь они говорят с вами. Если вам нужно использовать этих господ как военных командиров, то

¹ Речь идет о сроках восстания в Никольске-Уссурийском.

используйте их, но лишите их возможности говорить от имени солдат их воинских частей. Для этого в каждой воинской части должен быть создан свой комитет, с которым вы и сноситесь по всем вопросам. В частности, относительно (Враштеля), лучше бы было не иметь с этим зверем ничего общего, ибо то, что он делал в области, достаточно известно всем...

Насчет издаваемого вами «Военного вестника» и выдвинутых в нем лозунгов мы должны сказать, что наша партия таких лозунгов в данный момент поддерживать не может. И, конечно, наивно думать, что, выставив лозунг «прекращения гражданской войны», вы облегчите возможность выступления и уменьшите препятствия на его пути. Ничего, кроме путаницы в умах, этот лозунг не может посеять.

В понедельник выйдет четвертый номер «Коммуниста», который мы перешлем вам. По выходе номера мы выпустим листовку по поводу текущих событий, затрагивающую те же вопросы, какие намечены в листовке, присланной вами. Насчет листовки к японцам дело задерживается чисто техническими условиями.

Присылайте нам подробную информацию о всем, что делается у вас в близлежащих гарнизонах, среди партизан. Установлены ли вами связи с Гродеково? Какие сведения имеете о движении среди казаков?

Председатель Д. В. О. военревштаба коммунистов
Лазо.

24 января 1920 г.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.

Письмо С. Лазо солдатам егерского батальона

Товарищи!

Нами получено в 13 часов 30 минут сообщение об аресте вами офицеров, о том, что это стало известно в округе, и об аресте вами двух разведчиков.

Нами приняты меры для командирования к вам командиров, но пока послать не можем, командование должен взять на себя отрядный комитет или поручить одному из наиболее способных товарищей.

Нами сейчас ведется усиленная работа по организации и поднятию всех воинских частей крепости.

Вы должны быть в состоянии полной боевой готовности на случай внезапного нападения на вас, не пред-

принимая, конечно, ничего, что заставило бы врагов напасть на вас первыми.

Сообщите, вынесена ли вами резолюция о признании земства? Послана ли она? Как вы обеспечены съестными припасами и водой?

Председатель военревштаба Сергей.
25 января 1920 г. 13 ч. 40 м. № 18.

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

Письмо С. Лазо солдатам егерского батальона

Товарищи!

Дальвост. обл. военно-революционный штаб коммунистов информирован о создавшемся у вас положении. Мы считаем: 1) Настал момент общего выступления всего владивостокского гарнизона против атамановщины и Розанова. 2) Выступая, вы ни в коем случае не должны выступать за советскую власть, так как тогда союзники разрешат японцам подавить восстание, что последние легко могут исполнить. 3) Нужно организовать выступление таким образом, чтобы в первую минуту не дать никакого повода союзникам выступить против вас. Для этого вы должны:

Первое. Заявить о том, что вы не признаете Семёнова и Розанова, а признаете властью Приморскую областную земскую управу. Немедленно же выносите об этом резолюцию и сейчас же посылайте с этой резолюцией делегацию к председателю обл. зем. упр. Медведеву. (Помещение обл. зем. упр. — Алеутская улица, угол Светланской. Если его там не будет, то там вы узнаете, где его найти). Медведев должен немедленно сообщить содержание вашей резолюции представителям союзников. При этом посылаем составленный нами проект резолюции.

Второе. Не предпринимайте со своей стороны никаких выступлений против союзных войск, войск, верных Розанову. Не дайте повода напасть на вас. Если где-либо начнется столкновение, стремитесь его остановить и занимайте чисто оборонительную позицию.

Третье. Поддерживайте тесную связь с военревштабом коммунистов, не исполняйте ничьих приказаний без нашего согласия. Мы немедленно сообщим то же

всем частям крепости. Нами составлена подробная инструкция, которая сейчас печатается.

Председатель В. Р. штаба коммунистов Сергей.

(На полях имеется приписка Лазо: «Послано егерям и на «Печенгу» 10 час.»).

ПРИКАЗ № 21

Дальневосточного областного военревштаба коммунистов ко всем частям гарнизона

26 января 1920 года. Кр. Владивосток.

§ 1

Сообщаем состояние гарнизона за прошедшее 25 января. Все части гарнизона, за исключением гардемаринов, преданных Розанову, и некоторых мелких частей, оповещены о выступлении тов. егерей и призваны поддерживать это выступление. Повсюду началась усиленная работа. Однако еще не всеми частями вынесены резолюции о признании власти областной земской управы, спешите с вынесением этих резолюций в тех частях, где это еще не сделано. До сих пор в гарнизоне все было спокойно. Ревштаб все время призывал части не предпринимать никаких выступлений и не давать повода для нападения на них. Настроение всех частей дружное и бодрое. За исключением ничтожной кучки гардемаринов и офицерства, все части отказываются подчиняться приказам Розанова.

Из Никольска получено сообщение, что там гарнизон готов... Выступление назначено на сегодняшнее число.

§ 2

Части, не вынесшие еще резолюций, должны немедленно выносить таковые и пересылать их в обл. зем. упр. (помещение управы: Алеутская улица, уг. Светланской). В этих резолюциях вы должны указать: Первое — что вы не признаете власти Семенова и Розанова и не будете исполнять приказов этой власти. Второе — что вы признаете высшей властью Приморскую обл. земск. управу и будете исполнять только ее распоряжения. Третье — что вы не хотите вступать в столкновение с русскими и иностранными воинскими частями и не будете выступать из своих казарм. Самое главное — это быстро вынести резолюцию и переслать ее земству,

чтобы последнее могло начать переговоры с союзниками. Приступайте к этому немедленно.

§ 3

Организовывайте в каждой части выбранный вами комитет, которому должна подчиняться часть. Лица командного состава, не согласные выступить вместе с частью, должны быть арестованы. Над ними не должно производиться никаких насилий или оскорблений. Часть приводится в состояние полной боевой готовности, никуда не выходит из своих помещений и не переходит из помещения в помещение. Устанавливайте связи с частями, находящимися вблизи вас. Не предпринимайте ничего, что дало бы возможность союзным войскам или войскам, верным Розанову, напасть на вас первыми. Берегитесь всякой провокации. Вы должны оказывать сопротивление только в том случае, если на вас нападут первыми или будет сделана попытка вас насильно разрушить. В том месте, где совместно расположены несколько воинских частей, необходимо создавать объединенный комитет этих частей.

Товарищи, имейте в виду следующее: в данный момент союзники не находят возможным двинуть первыми свои войска против нас, они еще не вырешили своего отношения к создавшемуся положению, и сегодня у них должно быть по этому поводу важное совещание. Но если вы где-нибудь выступите первыми, то японское командование сумеет получить разрешение на подавление этого выступления. Еще раз призываем вас к спокойствию и выдержке.

§ 4

Сообщаем вам, что вечером 25 янв. организовался объединенный оперативный штаб из представителей революционных организаций. Этот штаб будет руководить всем движением и в ближайшее время приступит к работе. Исполняйте все распоряжения этого штаба.

§ 5

Сообщайте нам о состоянии продовольствия, обмундирования, вооружения и состоянии денежных сумм в частях, сообщайте, какие требования имеются у вас на счет продовольствия. Обеспечены ли части водой, если им придется выдержать осаду.

§ 6

Сообщаем для сведения всех частей, что егерским батальоном получен днем 25 янв. приказ коменданта крепости генерала Вериго, где он приказывает егерскому батальону 25 янв. не позднее 10 часов вечера «восстановить у себя порядок». Егеря, конечно, приказа не исполнили. Мы этому приказу не придаем большого значения. И привести своей угрозы в исполнение Вериго не имеет возможности.

25 января выпущен приказ Розанова об амнистии пленным красноармейцам и находящимся в тюрьмах и лагерях партизанам. Розанов собирается выпустить массу невиннозаклученных, чтобы еще строже держать...

(На подлиннике рукой Лазо написано: «Арх. В. Р. Ш. Проект»).

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.

ПРИКАЗ № 1

объединенного оперативного штаба ко всем частям гарнизона

26 января 1920 года. Кр. Владивосток

§ 1

Объявляется во всеобщее сведение, что в ночь на 26 января образовался объединенный оперативный штаб, составленный из представителей всех военно-революционных организаций г. Владивостока и его окрестностей. Всем воинским частям, комитетам и военным организациям с сего числа подчиняться только приказам, исходящим от объединенного оперативного штаба.

§ 2

Сегодня утром, 26 января, коммерческое училище, где находится егерский батальон, было окружено кучкой гардемарин и 1 батальоном инструкторской школы. Благодаря наличию артиллерии в их руках, егерский батальон после короткой перестрелки и стрельбы из орудий по коммерческому училищу был вынужден разоружиться и сдать. Жертв с обеих сторон не было.

§ 3

В ночь на 26 января ввиду положения, создавшегося во Владивостоке, и резолюций, вынесенных воинскими

частями, Приморская областная земская управа решила взять всю полноту власти на себя. Ввиду этого объединенный оперативный штаб приказывает:

1) оказать земству моральную и физическую поддержку, вынося во всех частях резолюции о признании земства как органа власти, избранной народом, и непризнании власти и неисполнение распоряжений Семенова и Розанова. Вынесенные резолюции должны немедленно посылаться в земство с соответственными делегациями;

2) сконцентрировать вокруг комитетов частей все активные силы солдат и офицеров, могущие опаять часть в крепкую, боевую единицу.

§ 4

Частям входить между собой в тесную связь. В том месте, где совместно расположено несколько воинских частей, необходимо создать объединенный комитет этих частей.

§ 5

Части приводятся в состояние полной боевой готовности, не выходят из своих помещений и не переходят из помещения в помещение. Не предпринимайте ничего, что дало бы возможность союзным войскам или войскам, верным Розанову, напасть на вас первыми. Берегитесь всякой провокации; вы должны оказывать сопротивление только в том случае, если на вас нападут первыми или будет сделана попытка вас насильно разоружить.

Товарищи, имейте в виду следующее: в данный момент союзники не находят возможным первыми двинуть против вас свои войска, они еще не вырешили свое отношение к создавшемуся положению, и сегодня у них должно быть по этому поводу важное совещание. Еще раз призываем вас к спокойствию и выдержке.

§ 6

Товарищи, разоружение егерей не должно повергнуть вас в уныние. Сегодня утром получено сведение, что восставший никольск-уссурийский гарнизон совместно с партизанами занял город. В целях защиты товарищей егерей от могущей быть над ними расправы все части должны выносить резолюции, предъявляя земству требование, чтобы оно приняло меры к их защите.

Объединенный оперативный штаб

ПРИКАЗ № 2

объединенного оперативного штаба

26 января 1920 года.

§ 1

Всем частям, входящим в гарнизон станции Океанской, с получением сего приказывается:

- 1) привести в полную боевую готовность все части гарнизона;
- 2) установить самую тесную связь с соседними частями;
- 3) произвести разведку на путях в сопки с тем расчетом, чтобы можно было произвести в критический момент выход в сопки...

В Никольский военно-революционный штаб

Информируйте о положении в Никольске и районе. Какая власть создана в Никольске?

Принимайте все меры к расширению сферы своего влияния в направлении Хабаровска, Гродеково и Владивостока. Союзники, в том числе японцы, сохраняют пока нейтралитет. Никаких приготовлений к отправке японцев из Владивостока не делается. Нами приняты меры к недопущению отправки японцев. Гарнизон Океанской выступил 26 января пешим порядком на соединение с вами. Сообщите результаты.

26 января, 12 часов 30 минут, кр. Владивосток.

**Объединенный оперативный штаб
военно-революционных организаций.**

«Сергей Лазо». Воспоминания и документы.
ОГИЗ, «История гражданской войны», 1938 год.

ПРИКАЗ № 3

объединенного оперативного штаба ко всем

железнодорожникам от Владивостока до Никольска

27 января 1920. Кр. Владивосток.

§ 1

Объед. опер. штаб приказывает немедленно привести в негодность жел.-дор. транспорт. Все паровозы должны портиться; с них должны уноситься нужные части, в подшипники должны насыпаться песок и стекло. Необ-

ходимо устраивать искусственные крушения. Товарищи железнодорожники должны сделать все необходимое, чтобы всякое продвижение было приостановлено.

Общая забастовка не должна проводиться, так как она по существу не достигнет главной цели — полного прекращения движения транспорта.

Объединенный оперативный штаб.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 9 **объединенного оперативного штаба военно-** **революционных организаций**

На 27 января. 1920 года. Кр. Владивосток.

Положение в городе Владивостоке и области на 27 января представляется в следующем виде:

26 янв. было произведено разоружение егерского батальона, находившегося в помещении коммерческого училища. Разоружение произведено гардемаринами и юнкерами 1-го батальона инструкторской школы с Русского острова. После обстрела коммерческого училища из пулемета и артиллерии егеря сдались. В настоящее время они разоружены и переведены на Русский остров, где находятся в помещении инструкторской школы. Мы должны отметить, что с самого начала выступления егерей у нас была установлена тесная связь с ними и наши указания были таковы, что егеря должны занимать чисто оборонительную позицию и не вступать в бой первыми, что, как известно, ими и было сделано. В данный момент, по нашим сведениям, егеря вошли в тесную связь с другими частями на Русском острове: комитет егерей вошел в состав гарнизонного комитета Русского острова. И в случае выступления на Русском острове могут быть вновь вооружены и выступят как боевая единица.

В городе имеются две роты 35-го полка общей численностью до 200 человек при пулеметах; одна из них расквартирована на пароходе «Печенга». С этими ротами установлена тесная связь. С другими мелкими частями связи частью имеются, частью устанавливаются. Не имеется связи с казачьей частью и личным конвоем Розанова.

Установлена тесная связь с матросами на миноносцах и на судах. Настроение среди матросов выжидает-

тельное и спокойное. Инцидентов с командным составом не было. Командный состав фактически осведомлен о начавшемся движении, но с его стороны ничего не предпринято. 26 янв. нам сообщено, что все орудия на миноносцах приведены в негодность. Командный состав узнал об этом, но с его стороны ничего не предпринято.

На Русском острове, кроме переведенных туда егерей, имеются следующие наши части: 1) русский легион — 700 человек; 2) местный батальон — 400 человек; 3) 2-ой батальон инструкторской школы — 600 чел.; 4) 3-ий бат. инстр. шк. — 600 чел. и 5) артиллерийский дивизион около 200 человек при четырех пушках. Все эти части организованы, создан комитет Русского острова. Командный состав находится на местах и не принимает участия в работе и ни во что не посвящен. С комит. Русск. остр. установлена тесная постоянная связь. По заявлению представителей этого комитета, сделанному вчера, 26 янв., объединенному оперативному штабу, весь гарнизон Русского острова можно поднять и вывести в полной боевой готовности по первому приказу штаба. Необходимо отметить, что большинство русско-островского гарнизона составляют старые солдаты-фронтовики, что части там более или менее сконцентрированы в одном месте, что на Русском острове нет японцев, а имеются только чехословацкие части, которые, конечно, никого подавлять не будут. Из верных Розанову войск на Русском острове имеется 1-ый батальон инструкторской школы из юнкеров. Этот батальон в настоящее время находится в городе.

Установлено, что в штабе округа и управлении коменданта крепости вчера царила полная растерянность, большинство служащих не вышло на работу. Сам Розанов перешел на пароход «Орел».

В отношении всех частей, расположенных в городе и на Русском острове, нами даны категорические указания не предпринимать никаких выступлений без нашего согласия. Занимать чисто оборонительную позицию. Не переходить вооруженным частям из помещения в помещение. В случае попыток к разоружению части не должны сдавать оружие вплоть до вооруженного сопротивления, ни в коем случае не вступая при этом первыми в боевые столкновения. Со стороны частей в штаб неоднократно поступали запросы о положении, занятом зем-

ством, и предпринятых им шагах, а также о позиции, занятой союзниками, на что штаб давал своевременные ответы.

На ст. Океанской 26 января после полудня произошло выступление 35-го полка. Совместно с авиаторами они двинулись к ст. Угольной — частью по железной дороге, частью пешим порядком. Не доезжая Угольной, части оставили поезд и пошли пешим порядком на дер. Угловую. Ими при этом были высланы парламентареры к американцам и японцам на Угольную для беспрепятственного пропуска. Последние ответили согласием, если только не будет нарушен порядок на станции. 35-й полк и авиаторы прошли беспрепятственно.

В ночь на 26 января состоялось удачное выступление в городе Никольске.

**Объединенный оперативный штаб
военно-революционных организаций.**

ПРИКАЗ № 18

объединенного оперативного штаба

27 января 1920 года.

С получением сего приказывается 3-ей роте 35 полка, забрав боевые припасы и пулеметы, походным порядком зри полной боевой готовности проследовать с проводниками на 55 высоту для прикрытия 1-й Амурской батареи. Операция должна быть произведена на рассвете 28 января с. г. Командный состав батареи должен быть арестован.

По прибытии на место об исполнении настоящего приказа донести штабу, послав для связи и получения дальнейших инструкций надежных товарищей.

Все боевые и хозяйственные задания и действия строго согласовать с батареей.

Объединенный оперативный штаб.

ПРИКАЗ № 29

объединенного оперативного штаба

28 января 1920 года.

1-ой роте 35-го полка.

Приказывается 29 января 1920 года между 7 и 8 часами утра с проводником от 3-ей роты вашего полка вы-

ступить из места своего расположения и походным порядком двинуться в расположение 1-ой Амурской батареи на 55 высоте. Захватить весь имеющийся в вашем распоряжении провиант и военное снаряжение. По прибытии на место донести в штаб.

Объединенный оперативный штаб.

ПРИКАЗ № 32
объединенного оперативного штаба

28 января 1920 года. Кр. Владивосток.

Команде миноносца «Богатырь».

В случае, если японское командование потребует «Богатырь» для конвоирования японских транспортов, приказываем вам испортить машины. Если это не представится возможным, — взорвать миноносец и всей команде уйти на высоту 55 в распоряжение 1-й Амурской батареи и там ждать дальнейших распоряжений.

Объединенный оперативный штаб.

Никольск. Военно-революционному штабу

Во Владивостоке ведется усиленная работа по организации воинских частей, создаются повсюду комитеты, выносятся резолюции о признании высшей властью областной земской управы. Части готовы к выступлению. Движением руководит объединенный оперативный штаб военно-революционных организаций. Ввиду особого положения города наша тактика: все части приходят в полную боевую готовность, занимают оборонительное положение, не предпринимают никаких выступлений без согласия штаба, в случае попыток разоружения оказывают сопротивление. У Розанова полная растерянность. Егеря, выступившие первыми, разоружены и переведены на Русский остров, где находятся среди наших частей; значения этому не придаем — это последний вздох реакции. Земство согласилось взять власть в свои руки, им выпускается декларация. Нами приняты меры к остановке всякого железнодорожного движения во Владивостокском узле. Предлагаем установить тесную связь с нами. Наши основные задачи следующие: 1) непризнание власти Семенова и Розанова; 2) признание высшей

властью земств и городов; 3) избегать всяких столкновений с союзными войсками.

**Объединенный оперативный штаб
военно-революционных организаций.**

27 января 1920 г. 18 часов, № 15, кр. Владивосток.

ПРИКАЗАНИЕ № 91

объединенного оперативного штаба

30 января 1920 года, 20 часов. Кр. Владивосток.

Организованный отдел Д.-В. обл. Росс ком. п. копия ЦБ.

В дополнение приказа № 90 о всеобщей забастовке, приказывается вам в 6 ч. утра завтра, 31 января, через товарищей электромонтеров прервать телефонное сообщение в городе. Завтра, 31 января, непрерывно поддерживать связь с электромонтерами, чтобы по первому требованию восстановить действие телефонов.

Нач. штаба Анатолий Гуран¹.

ПРИКАЗ № 94

объединенного оперативного штаба

30 января 1920 года. Кр. Владивосток.

Станция Угольная, частям 35-го и 34-го полков, находящимся там партизанским отрядам.

В дополнение и изменение приказа № 60 объединенный оперативный штаб приказывает вышеупомянутым частям тотчас по занятии ими ст. Угольной с поселком предпринять наступление в сторону г. Владивостока, а не в сторону г. Никольска, как было указано в приказе № 60. При этом для сведения и исполнения иметь в виду следующее:

1) Двинуть главные и лучшие свои силы с артиллерией и пулеметами в сторону города Владивостока. Вперед послать броневик, продвижение по железной дороге производить до станции Седанка, выслать вперед разведку. На эшелонах можно продвинуть и далее ст. Седанка, но во всяком случае, не доезжая Второй Речки; дальнейшее следование производить походным поряд-

¹ Анатолий Гуран — псевдоним Лазо.

ком. Оттуда до Первой Речки перейти около пивоваренного завода и, поднявшись на высоту, занять старые форты, где ждать наших распоряжений, выслать нам предварительно связь.

2) На пути следования не имеется ни одной крупной розановской части. Единственно, где могут быть правительственные части, это на станции Океанской. Товарищи из 35-го полка знают расположение этих частей (нам не известно, существуют ли они вообще), и, если они имеются, их не трудно будет ликвидировать. Далее до Владивостока никаких розановских частей нет. Все части стянуты розановцами к бухте. Единственно, кто может задержать вас, — это японцы, официально занимающие строгий нейтралитет. Поэтому мы и советуем вам слезть, не доезжая Второй Речки, и пойти по льду. Если с вами будет идти броневик, то пусть он (без всяких флагов) спокойно направляется вперед. Постарайтесь связаться с нами как можно раньше.

3) Дополнительно мы обсудили вашу боевую задачу; мы решили, что если у вас есть броневик, то двигайте его вперед и сами передвигайтесь вслед за ним. Если вас не будут останавливать, то продвигайте броневик за ст. Первая Речка, там дорога круто заворачивает в сторону Семеновского и проходит под скалой. Под защитой этой скалы и должен расположиться броневик. Пехота занимает здания около этой скалы и ждет дальнейших распоряжений. Никаких неприятельских сил в этом районе нет.

Начальник штаба Сергей.

ПРИКАЗ

объединенного оперативного штаба

30 января 1920 года.

Гарнизону Русского острова приказывается ни в коем случае не предпринимать никаких активных действий. Выступление должно согласоваться с общим планом работ штаба. Присылаемая информация даст возможность определить общее положение частей, подчиненных объединенному штабу.

Настроение всех частей и офицеров на нашей стороне. Все меры предупреждения нашего поражения предприняты штабом. Русский остров должен ожидать

боевой задачи и ни в коем случае не выступать сепаратно.

Нам предложено союзниками сделать им официальное заявление о наших требованиях. Предложение это обсуждается союзниками. Никольск устойчиво держится. Имеем связь непрерывную и живую.

Есть сведения, что Угольная занята броневиками и кольцев.

В остальных частях настроение бодрое.

Объединенный оперативный штаб.

ПРИКАЗ № 1

объединенного оперативного штаба

31 января 1920 года.

Объединенный оперативный штаб военно-революционных организаций временно, впредь до конструирования власти, берет на себя всю полноту военно-административной власти в районе крепости Владивосток.

ПРИКАЗ № 3

объединенного оперативного штаба

31 января 1920 года.

Объединенный оперативный штаб приказывает всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям военного и гражданского ведомств, всем частным предприятиям, мастерским, заводам, железной дороге, почте, телеграфу, телефону немедленно приступить к текущей деловой работе. Всем должностным лицам оставаться на своих местах. Виновные в уклонении и неисполнении настоящего приказа будут преданы суду.

ПРИКАЗ № 4

объединенного оперативного штаба по охране порядка

О. О. шт. приказывает всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям военного и гражданского ведомства, всем частным предприятиям принять все меры к сохранению общественного порядка и спокойствия.

Начальнику милиции иметь неуклонное наблюдение за сохранением порядка в городе и пресекать всякие попытки нарушения оного. О всех случаях нарушения не-

медленно сообщать штабу для предания виновных воен. рев. суду.

Всякие попытки к нарушению общего порядка и спокойствия, буйства, грабежи, самочинные обыски, аресты, всякие насилия над гражданскими и военными лицами будут беспощадно подавляться путем вооруженных сил, виновные будут предаваться военно-революционному суду.

Телеграммы С. Лазо в период деятельности Военного совета Март 1920 года

Благовещенск — исполком и военком

Хабаровск — начрайона. Военная, вне очереди

Сейчас созданся острый конфликт с японцами. Последние десять дней отношения ухудшились, японцами остановлена выдача оружия. После ухода американцев нами захвачен тоннель Кипарисово, не допущен японский караул. Японцев тоннелю не пускаем, идут переговоры, вчера мне и Медведеву угрожали открытым столкновением, в конце концов заявили о необходимости обоюдного компромисса. На наше крайнее предложение совместной охраны не согласились. Сегодня окончательно вопрос будут решать, военное положение серьезное, большего не уступим.

Никольск — комвойск

Вопрос связи кипарисовского тоннеля обсуждался правительстве и комитете. Сохраняйте выдержку и спокойствие, займите все помещения, теплушки районе тоннеля, отзовите броневик, кавалерию Раздольное. Случае прихода японцев к тоннелям не оказывать сопротивления, не давать повода столкновению. Вопрос находится стадии разрешения, сделаны представления союзникам.

№ 109 11/III

Благовещенск — исполком и военком

Военсовет приказывает не вызывать первыми столкновения японцами. Всем командирам на местах не создавать трений с японцами, соблюдать выдержку, хладнокровие. Безапекословно исполнять все приказы Воен-

совета. Сообщать о всех случаях расхождения этих приказов требованиями жизни. Данный ответственный момент необходима полная уверенность, что действия частей области точно согласованы директивами Военсовета.

15 марта. 20 часов.

Спасск — Хабаровск — начрайонов и политуполномоченным

Острый момент прошел. Тоннель в наших руках. Владивостоке японцы предлагают некоторое время русским охранять тоннель, потом передать японцам, потом японцы уйдут совсем. Наше мнение вести твердую спокойную линию. Сейчас японцы на столкновение не пойдут. Конференция коммунистов вполне поддерживает эту позицию.

19 марта 1920 года.

Хабаровск — начрайона

Военная. Шифр обратной проверкой.

Принципиальная точка зрения Военсовета. Все грузы, отправленные Хабаровск, количестве, превышающем потребности области, немедленно секретно переправляйте Благовещенск. Особенно важно немедленно снабдить Амурскую медикаментами, патронами, трехлинейными японскими винтовками, снарядами трехдюймовыми Виккерса. Считаю снабжение Амура делом первостепенной важности. Немедленно отвечайте, что сделано, что можно сделать. Решено Благовещенске создать патронный завод, немедленно пересылайте гильзы, станки, прочее необходимое заводу.

20 марта 1920 года.

ЗАПИСКА О ПОРЯДКЕ СНАБЖЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Требования Амурского исп. ком. подлежат исполнению полностью, в первую очередь материалы для обмундирования на десять тысяч человек, также медикаменты.

2. Уполномоченным по снабжению назначается... Он должен представлять через два дня письменные доклады

Военсовету о произведенной работе. Также непрерывно извещайте Благовещенск каждым отправленным вагоном указанием №.

Тов. пред. Военсовета С. Лазо.

20/III-20 г.

Записка С. Лазо в политотдел — тов. Владивостокову

Советую вам обратить особое внимание на следующие материалы: «Советская конституция», «Красная армия». Нужно их в первую очередь отпечатать и размножить (в Никольске, кажется, отпечатано; запросить. См. также газету «Начало» № 22, 23 и далее). Издать предписание всем уполномоченным знать содержание этих документов, вдуматься в них и распространять среди солдат то, что изложено в этих документах. Каждый уполномоченный должен быть ответственным за то, чтобы все солдаты его части знали и понимали сущность Советской конституции и организации Красной армии.

24/III-20 г.

Тов. пред. Военсовета С. Лазо.

Из доклада С. Лазо о текущем моменте на Дальневосточной краевой конференции РКП (б) в Никольске-Уссурийском 17 марта 1920 года

Десятки лет тому назад Парижская коммуна наметила те принципы, по которым строится теперь жизнь.

Борьба, поднятая нашей партией, ведет к раскрепощению и освобождению всех как передовых, так и отсталых народов. Мы знаем, что окончательная победа будет за нами...

Сейчас ведется борьба между пролетарской советской Россией и Антантой. В итоге империалистической войны пять великих держав поделили между собой весь мир. Эта дележка не столько территориальная, сколько экономическая. Территориальные границы стерлись и определяются они только экономическим влиянием того или иного государства.

Европа настолько обеднела в результате войны, что из-за нее теперь уже не спорят. Центр тяжести борьбы перенесся на берега Тихого океана, где расположены государства, менее всего пострадавшие от войны, —

Япония и Америка. Здесь же, на Дальнем Востоке, имеет свои интересы и Англия, окружившая наряду с Японией своим флотом берега Китая...

Япония не получила всего того, что она ожидала от войны. Ей нужны колонии. Наиболее удобным для этого является безусловно Дальний Восток, но здесь она должна соперничать с Америкой и Англией, конкурирующими с нею в Китае и поощряющими там бойкот всего японского...

Дальний Восток недаром привлекает взоры международных хищников — он обладает громадными горными богатствами, и это является яблоком раздора всех стран Антанты.

Если восточный вопрос будет разрешен мирным путем, то это можно будет назвать только политическим чудом.

Американцы занимают выжидательную позицию. Они ожидают момента, когда можно будет воспользоваться плодами борьбы других, хотя бы и союзных, но в сущности враждебных ей стран. Америка готова предоставить Японии даже временную свободу действий на Востоке при условии не претендовать на Маршалские и Каролинские острова. Отзывая свои войска из Сибири, она все же, отвечая на ноту Японии, говорит, **что и у нее есть свои особые интересы** на Дальнем Востоке, которыми она не поступится... Японцы все-таки найдут повод, чтобы так или иначе снова вмешаться в наши дела. Мы здесь, на Дальнем Востоке, должны вести такую политику, которая не тормозила бы общей политики Советской России.

Нам предстоит борьба с внешней реакцией — она еще не окончена, а только замерла, но мы не бросаем ей вызов, а будем сопротивляться при малейших попытках ее проявления. Все силы должны быть мобилизованы для предотвращения этих попыток.

Победой мы не упоены. Мы определенно видим задачи, стоящие перед нами. Та политика, которую мы вели до сего времени, дала нам возможность совершить бескровный переворот на Дальнем Востоке, и теперь мы должны вести ту же самую политику по отношению к группам, необходимым нам как технические работники.

Революционное движение мы должны направлять по тому пути, который, несомненно, приведет к победе.

На организационную работу среди партии нужно обратить сугубое внимание. Мы должны проделать все то, что уже проделано в советской России. Мы должны использовать всех работников из Западной Сибири. Мы должны втягивать в партийную работу новые силы.

Секретное донесение С. Лазо Реввоенсовету 5-ой Армии в Иркутск

Японцы будут создавать инциденты, давить на нас вплоть до оккупации ряда пунктов в целях больше получить при заключении мира, но возможно, что мы стоим накануне их открытого выступления.

Апрель 1920 года.

РЕЧЬ ЛАЗО НА ОТКРЫТИИ ВЛАДИВОСТОКСКОГО СОВЕТА

3 апреля 1920 года.

Товарищи делегаты Владивостокского Совета! Приветствую вас как представитель революционного Военного совета.

Товарищи! После кровавой борьбы мы снова собрались здесь во Владивостоке, в этом окне Советской России на берегах Великого океана, в этом центре интервенции на Дальнем Востоке. Собрался Совет, и этот факт громче многих слов говорит нам о мощи Советской России, о силе международной пролетарской революции.

И не слова приветствия, а какие-то другие слова, слова борьбы, слова, разрешающие тяжелое положение, которое создалось у нас, нужно сказать на этом заседании.

Вне нас — штыки иностранных интервентов, а внутри, благодаря этому, мы не можем проводить полностью советскую власть. И то, что нас объединяет, то, что дает выход нашим силам, разрешает это запутанное положение, — это борьба.

Все силы, все средства отдадим борьбе. Пусть мы, отказываясь от проведения полностью и советской власти и советской политики, но зато готовы к борьбе...

Борьба требует от нас строгой, суровой дисциплины,

требует сплочения всех сил вокруг наших революционных организаций.

Товарищи, думаю, что выражу то, что чувствуют и думают наши революционные войска, если скажу, что они сплотились вокруг центральных революционных организаций, готовые выступить по их первому призыву.

Ни одна воинская часть не предпримет самостоятельного выступления.

Каждый солдат, каждый матрос до тех пор не уйдет со службы, не оставит своего оружия, пока иностранная интервенция не будет прекращена и мы не воссоединимся с Советской Россией.

Наши войска не хотят войны, слишком много пролито крови, слишком много несчастий сулит новая борьба всему населению. И на войну мы первые не пойдём. Но если нас вызовут, если на нас нападут, то мы ответим борьбой.

Наша молодая Красная Армия сильна не своим числом, а тем, что за ней стоят неисчислимыя ряды угнетенных народов, эксплуатируемых классов всех стран, которые ведут повсюду ожесточенную борьбу за те же цели — за создание лучшего, справедливого, советского строя.

На этом заседании нужно сказать несколько слов о наших отношениях с японцами.

То, что делают японцы, создает тревожное положение. Ими занят в городе ряд важных пунктов, вывешен флаг на Тигровой горе, и все это без какого-либо повода с нашей стороны. И это в то время, когда в официальных отношениях произошло заметное улучшение.

Я должен вам сообщить, что японцы предложили нам образовать русско-японскую военную комиссию.

Эта комиссия заседала сегодня, и это первое заседание показало, что японцы хотят оформить создавшееся положение и прийти с нами к определенному соглашению по ряду вопросов. Так что наши официальные дипломатические отношения сейчас можно назвать хорошими. Общее же положение продолжает оставаться неопределенным и напряженным.

Товарищи! Сегодняшнее заседание Совета нужно сравнить с его первым заседанием в марте 1917 года. Какая разница!

Тогда революционная армия и пролетариат праздн-

вали свержение царизма и только едва намечали пути, по которым пойдет революция. Но еще более должны мы сравнить сегодняшней день с последними днями Владивостокского Совета в июне 1918 года.

Эти полтора года борьбы свели на нет реакцию, и мы подошли вплотную к борьбе с иностранным империализмом—против нас стоит японская армия.

Мы на это смотрим открыто и открыто говорим, что не революционная Россия нападает на Японию.

Пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть этот удар разобьет Совет. Но он не сможет предотвратить неумолимого хода истории.

И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто; мы смотрим, как победители — да, как победители. Когда два года тому назад наши товарищи заключили с немцами унижительный мир, тогда они писали, что на этих переговорах чувствовали себя, как победители. И наши товарищи были правы. И те события, которые разыгрались и разыгрываются в Германии, подтвердили их слова.

Пусть японский империализм разобьет нас здесь, но тем самым он подпишет себе приговор.

Мы не знаем, что сулит нам завтрашний день, но мы должны вести свою революционную работу, должны оставаться на своем посту.

На сегодняшнем заседании мы должны вспомнить первого председателя Владивостокского Совета—погибшего товарища Суханова.

Многие здесь знают его твердую волю и светлый ум, знают, что он был вождем владивостокского пролетариата. И, вспоминая его преждевременную гибель, мы не будем прославлять его как героя и жалеть о преждевременной утрате.

Нет, этого вождям пролетариата не надо. Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца...

Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победоносного шествия. Эти жертвы неизгладимыми письмами запишут в историю этой борьбы.

Там, за Байкалом, ценой нечеловеческих усилий Советы, разрушив старое, победили наконец. Они могут перейти к мирной созидательной работе.

Мы же здесь победы не одержали... Мы должны помнить, что Советы не только созидатели нового, но они и могильщики старого умирающего строя. И эта работа могильщиков здесь не закончилась.

Пусть внутренняя реакция обессилена и распылена, но внешняя реакция имеет возможность осуществлять свою политику...

В борьбе за восстановление Советов во Владивостоке и во всем крае пролито много крови, и еще будет пролита кровь, но рано или поздно советская власть восторжествует здесь.

Волна за волной бьет революционная стихия и подтачивает твердыню капитала. Много башен, много стен рухнуло, а другие уже подточены.

Будем смотреть жизни открыто в глаза; нам нечего терять, кроме цепей, и как ни черны те тучи, которые нависли над нами, не им принадлежит победа, а нам.

(«Красное знамя» № 60, от 27 апреля 1920 года)

СОДЕРЖАНИЕ

О. Лазо. Сергей Лазо (краткая биография)	3
Детство.	21
Студенческие годы.	98
Документы периода гражданской войны	136
Речь С. Лазо на открытии Владивостокского Совета 3 апреля 1920 года.....	175

Сергей Георгиевич Лазо
ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА

Редактор **Л. Н. Зельцман**. Художник **С. П. Ясенков**
Художеств. редактор **М. В. Филиппов**. Техн. редактор **Л. А. Бутова**
Корректоры **Р. А. Ершова** и **И. В. Здорова**

ВД 00210. Сдано в набор 25.V-59 г. Подписано к печати 3.VII-59г.
Формат 84X108 1/32=5,62 физ. п. л., 9,22 усл. печ. л. (8,58 уч.-изд. л.)
Тираж 15 000. Цена 3 руб.

Типография № 1 Крайполиграфиздата, Владивосток, Ленинская, 43
Заказ 424.